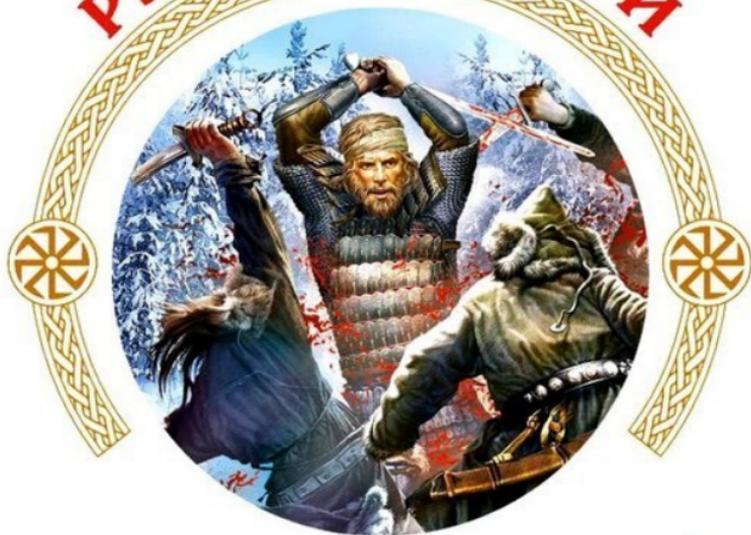

ЛЕВ
ПРОЗОРОВ

РУССКИЕ ГЕРОИ

СВЯТОСЛАВ ХРАБРЫЙ
И ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ
«Иду на вы!»

Лев Рудольфович Прозоров Русские герои. Святослав Храбрый и Евпатий Коловрат. «Иду на вы!» (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5020376

Прозоров Л.Р. Русские герои. Святослав Храбрый и Евпатий Коловрат.

«Иду на вы!» : Яуза-пресс; Москва; 2012

ISBN 978-5-9955-0466-5

Аннотация

ДВА БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! Главные книги ведущего историка Языческой Руси, посвященные величайшим русским героям – Святославу Великому и Евпатию Коловрату.

«ИДУ НА ВЫ!» – эти гордые слова вписаны в нашу историю золотом: воинская честь не позволяла князю Святославу выступать в поход без предупреждения, не бросив врагам открытый вызов. Последний Государь Языческой эпохи, величайший полководец Средневековья, сравнимый лишь с Александром, Ганнибалом и Цезарем, непревзойденный воин, которого прозвали Храбрым и считали полубогом, – Святослав пронес русские знамена от Кавказа до Балкан, сокрушил хищный Хазарский каганат и наводил ужас на могучую Византию. Даже после его гибели убийцы-печенеги, поднимая чашу, сделанную из

его черепа, провозглашали: «Пусть наши дети будут такими, как он!»

Три века спустя воинственный дух Святослава воскрес в Евпатии Коловрате, призвавшем древних языческих богов против Батыевых полчищ. Степняки одолели горстку русских храбров, лишь бросив против Коловратовой дружины целый тумен – сотню против одного, – самого Евпатия смогли убить только из стенобитных машин, а Батыю доносили, что против Орды поднялись мертвые. Так испокон веков встречают захватчиков герои Русской Земли – «СМЕРТЬЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ»!

Содержание

Святослав Храбрый. «Иду на вы!»	6
Посвящение	7
Благодарности	8
Предупреждение	9
Род и родина. Языческая держава	10
1. «Племена» или Держава?	10
2. Страна Городов	19
3. «Русские письмены» и иные диковины	31
На море-океане, на острове Руяне...	48
1. В тени Магометова гроба	48
2. Варяги – незамеченная загадка	59
3. Кто на море хозяин?	73
4. На острове Руяне, на синем Дунае: руги, русины, русы	89
5. Сокол прилетает из-за моря	106
Боги и люди Руси	122
1. Русская вера	122
2. Ряд людской	142
3. Христиане языческой Руси	159
Князь уже начал! Убийство в древлянской земле	174
1. Клевета	174
2. Забытый подвиг	179

3. Загадочная дружина	184
4. Христианский след	189
5. Странная месть Ольги	194
Дядька Асмунд: сумерки севера	209
1. Сын героя, воспитатель героя	209
2. Сумерки Богов	216
3. Быть воином	226
Конец ознакомительного фрагмента.	233

Лев Прозоров

Русские герои. Святослав

Храбрый и Евпатий

Коловрат. «Иду на вы!»

Святослав Храбрый. «Иду на вы!»

Тень Святослава скитается невостпетою...
Н. Гнедич

*Как изменился лик Земли!
Мы лишь поем о великанах,
О тех героях, что ушли,
Оставив сталь свою в курганах...*
А. Арипушкин (Светозар), «Пророчество»

*На нем лежит, как символ посвященья,
Арийской чистоты последняя печать.
Он – Бог Войны, он – призрак отомщенья,
Мы смотрим на него, и... глаз не оторвать.*
С. Яшин

Посвящение

Винаяке – Попутнику, чей смех на закате рассыпался в небе путеводными звездами.

Всем, кто делит со мною тяготы и радости Пути.

Благодарности

Роду Всеотцу за этот мир.

Макоши Пряхе – за долю и недолю.

Перуну Метателю Молний – за силу и решимость.

Волосу Отцу Могил – за знание, память и слово.

Предкам – за кровь в моих жилах и нашу землю.

Доброславу – за Коловрат.

Сэру Гилберту Кийту Честертону – за логику и стиль.

И. Я. Фроянову, А. Г. Кузьмину и А. Л. Никитину – за

открытия и идеи.

Моему научному руководителю В. В. Пузанову – за терпение и терпимость.

Русскому художнику Расславу (А. Гусельникову) – за помощь.

Стрю, Вадиму, Беде, Змею и Арьядеву – за участие и хорошие советы.

Огневеду (Ижевск) – за астрологическую консультацию.

Стихотворцам, в особенности из творческого общества «Солнцеворот» и объединения «Равноденствие», а равно и Светобору из Зуевки – за отличные стихи.

Всем, кто помог создать и издать эту книгу.

Предупреждение

Убежденный христианин, мусульманин или иудей может испытать неприятные ощущения при чтении этой книги. «Кто предупредил, тот не виноват!», как говорили викинги.

Гуманистов, либералов и интеллигентов убедительно просят не читать эту книгу.

Род и родина. Языческая держава

*Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок поднимает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?
Случайные гости? Орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?
Иль мы – тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?*
В. Я. Брюсов, «Старый вопрос»

1. «Племена» или Держава?

*Я знаю – далеко в былом
Тот мир, что я искал.
А. Ариунушкин (Светозар)*

Маленькая страна Македония подарила мировой истории Александра Великого. Весь мир знает римлянина Юлия Цезаря. Однако мало кто за пределами России знает воина, сравнимого с Александром и Цезарем, а как правителя и человека безмерно превосходящего их, – великого князя Ки-

евского Святослава Игоревича, прозванного Храбрым.

Более того, сейчас и из русской памяти его пытаются вычеркнуть, вытеснить. Выходят книжки по русской истории, где нашему герою уделяются две-три странички, если еще не строчки. А то нет и того, как в неведомо зачем переизданной дореволюционной детской книжке «Моя первая русская история», где за Ольгой сразу идет Владимир. Словно и не было Святослава Храброго, которого даже враги почтительно называли «царствующим на север от Дуная» и сравнивали с древним героем Ахиллом.

Есть сочинители похитрее: «Да-де, был такой разбойник-гуляка, на соседей набеги устраивал, ничего, кроме грабежа, и знать не знал. И погиб по-глупому, в одном из своих налетов».

Что здесь скажешь? Знать, и тысячу лет спустя кому-то страшно и ненавистно его имя. Знать, и сегодня не дает кому-то спать его слава.

Впрочем, что один человек, даже такой, как Святослав Храбрый. В иной нынешней книге прочтешь, что и Руси-то, оказывается, в его времена не было. Не было державы. Были одни «племена», с которых брали дань чуть менее дикие норманны.

Чем же была на деле страна, в которой родился наш герой? Как ни удивительно – историки не знают, была ли Русь той поры государством. Просто потому, что не знают, что же, собственно, такое – государство. Сталкивается столько

определений государства, столько его трактовок и версий его появления, что перечисление их само по себе составило бы главу, а изложение – книгу. Русь называют «варварской державой», «суперсоюзом племен», «протогосударством»...

Проще говоря, историки на наш вопрос ответа не знают. Так не проще ли, чем вникать в дебри их споров, обратиться к современникам? Как смотрели они на наших предков? Кого видели в правителях Руси – племенных вождей или правителей державы?

Западная Европа Средневековья относилась к титулам более чем серьезно. Серьезнее она относилась только к господу богу и христианской вере. За неправильное употребление титула там вызывали на поединок, отправляли на плаху, объявляли войну. Так вот, с самого начала, с сообщения Бертинских анналов о посольстве «народа Рос» к императору франков, Людовику Благочестивому, в 839 году, правителя русов именуют «королем». Через сто с лишним лет, в «Хронике Продолжателя Регинона», княгиню Ольгу, Елену в крещении, назовут «королевой Еленой». И далее, вплоть до «короля Полоцкого» и «короля Суздальского» хроники Генриха Латвийского. Вождей племен – скажем, куршей, ливов, половцев – «королями» никто не величал (а забавно читать в хрониках про «сеньора ливов» или «половецких баронов»). Больше того, иных правителей заведомых государств, христиан-католиков из Чехии или Польши, именовали всего лишь «дюками» – князьями.

Восточные авторы тоже называют русских князей не «раисами» – главами, старейшинами, – а «царями» или даже каганами – титул *императорский*! Араб ибн Хаукаль поясняет: «Ар-Рус, так же, как аль-Хазар и ас-Серир, – это название *государства*, а не людей и не города». «Ас-Серир» – это княжество в Предкавказье, а «аль-Хазар» – Хазарский каганат, уничтоженный нашим героем. То есть оценка Руси-государства относится, самое позднее, ко временам его детства. *Каким* государством был каганат, мы еще расскажем, а сейчас нам важней, что он, несомненно, *был* государством.

Не признавала за русскими правителями достоинства государей, именуя их «архонтами» (старейшинами), лишь надменная Византия. Так она и за болгарским царем, и за эмиром Египта, и даже за кайзером Священной Римской империи германской нации отказывалась признавать царский титул. Византийцы именовали свою страну Восточным или Вторым Римом, а себя – ромеями, римлянами. Соседи называли их греками, а название Византия вошло в историческую литературу с легкой руки итальянских книжников заката Средневековья. Ромеи смотрели на вещи просто: есть их Империя, и есть варвары, среди коих с горем пополам выделяли франков, остальные же были в византийских глазах почти равны – будь то вождь племени или могучий правитель.

Впрочем, когда припекало, византийский чиновник мог величать русского князя «царствующим». А проповедник Илларион при сыне Святослава писал о нем и его отце, Иго-

ре: «Не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли». Как видно, и он считал языческую Русь не сбродом «племен», а едва ли не мировой державой.

Итак, современники почти единодушно почитают Русь X в. державой, сопоставимой с Хазарским каганатом и королевствами Запада.

Могут сказать: «Мало ли что думали современники! Где единая система управления? Ведь иными землями до XII века правили не наместники киевского князя, а князьки из местных знатных родов! Где аппарат? Ведь князь вынужден был сам по полгода объезжать земли с дружиной, собирая дань! Где, наконец, внешняя по отношению к обществу власть? Вот, в договоре вашего Святослава: «А со мною бояре и русь вся». Стало быть, вместе с князем заключали договор не только бояре, но и все русы! А значит, власть не отделялась от общества. Какое же это государство?»

Ответим: точно то же самое было в державе франков. И не при Хлодвиге, в годы основания. И не при Карле, в годы расцвета. А при потомках Карла, при том самом Людовике Благочестивом. Так же правили в своих землях «племенные герцоги». Так же по полгода колесил по стране король или император, собирая дань и творя суд. Всей разницы, что он ездил летом, а не зимой. Так по римским дорогам удобнее ездить как раз летом, а у нас и поныне в иные края иначе, чем по речному льду, не доедешь – ну, или вертолетом еще. И

точно так же собирались на законодательные собрания «все франки». И даже саксы так же бунтовали против франков, как древляне или вятичи против русов, даже успешнее. Саксы добились-таки независимости, усадили на престол державы восточных франков свою, Саксонскую династию. Древлянам такое и не снилось!

Но кто же усомнится, что захватившие пол Западной Европы, отбившие натиск сарацинских орд франки – Держава? Кто махнет рукой и примется плести про «племена»?

Кстати, а о каких «племенах» речь?

Летопись действительно упоминает древлян, дулебов, уличей, словен, кривичей, полян, вятичей, северу, тиверцев... Только племенами их не называет. Это уже ученые XIX века приложили к летописи этнографический термин. И приложили весьма неудачно. Древляне, вятичи и прочие – *не племена*. Летопись их упоминает в одном ряду с западнославянскими лютичами и поморянами. И земли они занимают примерно такие же. Но лютичи – не племя. И поморяне не племя. Это, выражаясь суконным языком этнографической науки, союзы племен. Лютичи, к примеру, это ратары, хижане, чрезпняне, доленчане и еще с полдюжины племен помельче. Не меньше, наверно, племен входило в союзы древлян или кривичей. В союз вятичей, по археологическим данным, входило шесть племен. Вот только союзы племен сложились у восточных славян так давно и прочно, что про отдельные племена памяти не осталось. Совсем. Видно,

к началу летописания никто про них и не помнил.

А союз племен – это явление принципиально новое. Не родовое, а политическое, территориальное. Отсюда уже шаг-два до государства. И действительно, в союзах, упоминаемых летописью, есть и «княжение свое», и «законы отцов своих». Не обычаи, тут же отдельно упомянутые, именно *законы!* И отношения между этими княжениями не сводились к пресловутым распрям. Еще до Рюрика «жили мирно поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты».

Как назвать всех этих древлян, вятичей и тиверцев, не на ученом жаргоне, а живым русским языком? Опять обратимся к летописцу. В один ряд с ними он ставит литву, немцев, свеев-шведов... верно, читатель. Народы! А по-древнерусски – «земли». «Послала нас к тебе Древянская земля» – не «племя»!

Поэтому договоримся, читатель, – не будет в этой книге «восточнославянских племен». Да, привычно. Но не всякая привычка во благо. Эта – вредна вдвойне. Она искажает истину. И позволяет нам смотреть на предков свысока. «Племена» – что-то папуасско-ирокезское, шкуры и каменные топоры. Тем паче что сейчас немало охотников поддержать этот взгляд. Вспомните фильм «Тринадцатый воин». Славяне-«вендели» изображены размалеванными дикарями, размахивающими палицами и каменными топорами (в эпоху викингов!), обитающими в пещерах людоедами. При этом они ездят верхом в *седлах со стременами* (где ж они коней

в пещере держат?) и растаскивают городьбу поселка викингов-колонистов *железными* крючьями на веревках. В фантастическом романе «Возвышение Криспа» Гарри Тертлдава, историка, специалиста по истории Византии, изображен фантастический двойник этой державы, Видесс. К северу от его границ, за рекой Астрис (Истр-Дунай), обитает страшное племя кубратов. Эти одетые в шкуры бородачи живут в юртах, не умеют возделывать землю и угоняют видесских крестьян. Столица кубратов – город Плискава, а правит ими *каган* (!) Маломир. Его послов зовут Глеб и Бешев.

← **УГРЫ** Места расселения племен и народов в IX в. и направления их продвижения

улицы Названия и места расселения племен и народов в X в.

== Территория Волжской Булгарии в X в.

⋯ Территория государств Закавказья в X в.

Это все фантастика. А вот что пишут в серьезной научно-популярной книге «Викинги» Ф. Уингейт и Э. Миллард: «В VII–X веках Восточная и Юго-Восточная Европа подверглась нашествию... кочевых народов, пришедших из степей. В их числе были печенеги, *славяне*, авары, болгары и мадьяры!» Книжка эта выпущена в издательстве «Росмэн» и «может быть рекомендована школьникам в качестве учебного пособия по истории». Хорошо пособие! Начитавшись подобной литературы, один юный испанец недавно писал своим русским сверстникам: «Вы до 1700 г. (!) были кочевниками, а потом пришли викинги и дали вам государственность». Судя по дате, к викингам парень отнес Петра I. С такими «пособиями» скоро и русские школьники будут смотреть на языческую Русь как на какую-то первобытную орду диких «племен».

Летопись никаких «племен» не знает. Были княжества-«княжения». Были «земли» и населявшие их народы, объединенные в державу русов предками нашего героя. Державу, на которую и Восток, и Запад смотрели, как на равную себе.

2. Страна Городов

*Город над городом, ряд над рядами,
Стены в сажень – тараном тарань,*

*А в стенах дары завалили дарами
Киев, Суздаль, Тьмутаракань.
Вся Русь от Корчева до Онеги,
От Волги до Ильменя, от Югры до Карпат
Раскинулась в праздности, хале и неге
Среди посадничьих крепких палат.
С. Наровчатов, «Василий Буслаев»*

Лет десять-пятнадцать назад в редкой книжке про Киевскую Русь нельзя было прочесть, что скандинавы называли Русь Гардарик – Страна Городов. Пишут об этом и нынче, но редко кто преминет заметить, что-де слово «гард» в скандинавских наречьях обозначало вовсе не город, а просто огороженное поселение, хутор.

Так что же – «Страна Хуторов»? Чем же тогда Русь отличалась в глазах скандинавов от их родины? Хуторов там было побольше, чем на Руси. И еще – Новгород по-скандинавски Хольмгард. Киев – Кенугард. Пожалуй, найдутся охотники утверждать, что в IX – X вв. эти русские города были, мол, не более чем «огороженными местами». И мнение Титмара Мезербургского, называвшего Киев «соперником Константинополя», «знатокам» не указ. Что им какие-то современники и очевидцы! Они, спустя тысячу лет, лучше знают – не мог быть Киев соперником столице Византии, и точка! Вот только сама эта столица в сагах называется... Микльгард.

Символ Людинского конца

Вислая печать Великого Новгорода с изображением эмблемы – орла. XV в.

Константинополь, мегаполис раннего Средневековья, Восточный Рим, который его жители называли попросту Городом, не признавая других во Вселенной, – хутор?!

Загадку слова «гард» мы разрешим позже. Пока же «на предстоящее обратимся», как писали летописцы, когда им

случалось, закончив отступление, возвращаться к основной теме.

Могут сказать: что, мол, скандинавы могли понимать в городах?! В Скандинавии их было – буквально по пальцам перечесать. Это так. Но ведь саги складывали в годы походов викингов, когда скандинавы осаждали Париж и Лондон, а Страной Городов отчего-то называли не Францию и не Англию. Даже не Италию, до которой реже, но тоже доплывали.

Баварский Географ родился, как очевидно из прозвища, в цивилизованном по тем временам краю, не то на границе бывшей Римской империи, не то в пределах ее провинции. Он перечисляет города восточноевропейских славян. Для каждой земли Географ называет двух-, а то и трехзначное число. Он тоже не знает, что такое город?

Араб ибн Русте пишет, что у русов «много городов». Неужели представитель цивилизации, породившей Багдад и Каир, не мог отличить города от «огороженной деревни»? Для сравнения – другой мусульманин, ибн Хордадбег, пишет, что в Византии – *в Византии!* – настоящих городов только пять. Остальные – как раз огороженные деревни.

Вывод, кажется, ясен. Опять свидетельство современников-иностранцев вносит ясность в путаницу историков. Люди разных народов, стран и вер, люди, безусловно, знакомые с городами, единодушно утверждают, что у русов во времена Святослава были *города*. Притом в количестве, производившем впечатление не только на полудиких скандинавов, но и

на более чем цивилизованных арабов.

Несколько слов о двух важнейших городах той эпохи, двух столицах Руси – Новгороде, с которого началась династия Рюриковичей, династия, к которой принадлежал наш герой, и стольном Киеве.

В книгах часто можно прочесть, что в Новгороде не открыто следов поселения до середины X века. Делается вывод, что и сам город возник не раньше, а значит, все сообщения летописей о событиях в северной столице Рюриковичей в IX – начале X века недостоверны. Тут сразу возникают два встречных вопроса. Во-первых, какой процент густо застроенной территории исторического центра Новгорода изучен археологами? Во-вторых, в Северной Руси города часто перемещали с места на место. Мы можем это уверенно сказать о Смоленске и Полоцке. Белоозеро за свою историю вообще побывал едва ли не на всех четырех берегах бывшего ему имя водоема. Не всякий решался строиться на месте города, уничтоженного пожаром, войной или моровым поветрием. Некоторые ученые считают, что первоначальным Новгородом было Рюриково Городище чуть выше по течению Волхова. Другие выдвигают любопытное предположение – будто бы речь в древнейших статьях летописи шла не о Новгороде, а о Невгороде – том, что мы сейчас зовем Ладогой. Ладожское озеро называлось в Средневековье Нево-морем. Тем более что Константин Багрянородный называет в X веке на севере Руси некий город Немогард, обычно в нем и видят

Новгород. Другое дело, что Ладога под этим самым именем известна русским летописям с самого начала, и в сагах скандинавов она зовется Альдегой – явная переделка славянского названия.

Символ Словенского конца

Что до самого Новгорода, то он, как считают ученые, сло-

жился из трех поселков разных народов, превратившихся в городские районы – по-древнерусски «концы». Поселок кривичей стал Людиным концом, поселок словен ильменских – Словенским, а поселок балтского племени нерева – Неревским. У каждого «конца» был свой символ. Воин в доспехе, шлеме, с копьем и четырехугольным щитом символизировал Людин конец, хищная птица клевала рыбу на эмблеме Неревского, на гербе же Словенского красовался неведомый «лютый зверь» в пятнах и с длинным хвостом, с приподнятой передней лапой, очень похожий на обереги, которые ученые по привычке именуют «коньками», хотя передняя лапа выдает в звере хищника, а хвост и морда на конские вовсе не похожи, и на «барсов», что и тысячу лет спустя украшали вышивки Русского Севера. Остальные два «конца» – Загородный и Плотницкий – появились много позже.

Киев тоже вызывает немало споров. Недавно отмечали его 1500-летие, сейчас же говорят, что и он возник чуть ли не в X веке и происходит его название не от имени князя Кия. Легенду о Кие и его двух братьях считают какой-то книжной выдумкой, а их имена – производными от названия города и его частей. Вместо этого нашли в каком-то документе имя хазарского полководца Ахмада бен Куйя, то есть Ахмада, сына Куйи. Вот папа-то этого хазарина, этот, извините, Куйя, и основал-де Киев. Я отнюдь не шучу, читатель, – это можно прочесть в серьезных научных трудах. Чем это лучше «воплей, будто русские – этруски», я, признаться, не очень

понимаю. Разве что унижение славян и приписывание всех их деяний иноземцам считается в наше время признаком научности. Естественно, ни в каких источниках нет и намёка на то, что Киев основали хазары, что сам Ахмад или его отец когда-либо приближались к днепровским берегам. Более того, мусульманская армия Хазарии – а Ахмад, судя по имени, мусульманин – состояла из наемников, так что отец полководца мог быть мирным персидским или хорезмийским подданным, возможно, гончаром, башмачником или земледельцем.

Легенду же о Кие, Щеке и Хориве записал армянин Зенобий Глак. И записал он ее в *VII* веке! То есть еще до возникновения Хазарского каганата даже в далекой Армении слышали про Киев и его основателя. Впрочем, недавно мне довелось прочесть, что летописец, монах Киево-Печерского монастыря, просто-де переписал эту легенду у Глака и приспособил ее к Киеву. В ответ попросту расскажу одну историю. Дело было в той же Печерской обители, во времена, когда там записывали Повесть временных лет. Известный праведной жизнью монах Агапит захворал. Князь Владимир Мономах прислал к нему лекаря. Армянина. Больной долго вглядывался в лекаря, наконец спросил, кто он, и, получив ответ, гневно закричал: «Да как ты смел келью мою осквернить и меня за мою грешную руку брать? Изыди, иноверец и нечестивец!» Другой печерский монах, записавший эту историю, удовлетворенно завершает: «И армянин,

посрамленный, ушел». И специалист по истории Руси пытается убедить нас, что в *этом* монастыре могли читать книги тех, чье присутствие оскверняло? Использовать предания «иноверцев и нечестивцев» для рассказа о прошлом родного города?! Пусть Кий с братьями – сказка. Но почему нельзя признать за предками способность хотя бы сказки сочинять самостоятельно? Поистине, удивительные люди – историки.

Однако города – это не просто укрепленные поселки. Города – это прежде всего ремесло. В последнее время из книжки в книжку кочует рисунок рукоятей мечей так называемого каролингского типа. И подпись – мол, «мечи были предметом массового ввоза на Русь». Это правда, но лишь отчасти; точнее, это полуправда, та самая полуправда, что подчас хуже лжи.

Да, мечи этого типа начали изготавливать в империи франков, при династии Каролингов, откуда и название – «каролингский тип», или короче – каролинги. На Руси их называли Каралужными или Харалужными. На плоскостях – древнерусски «голоменях» – клинков стоят имена оружейников, хозяев мастерских, – «Ульфберт» и «Ингельред». Основатель династии, император Карл, особым указом в 805 г. запретил продавать мечи славянам. Продавали! Араб ибн Фадлан пишет про русов: «Мечи у них франкские». Да, все правда... но не вся правда.

Как не одна Русь покупала такие мечи – их покупали и немцы, и скандинавы, и итальянцы, – так и на Руси их не

только покупали. Ковали и сами, причем русские мастера создали свой, легко узнаваемый тип каролинга. Клинок и рукоять («черен») были длиннее. Перекрестье («крыж») было не прямым, как на каролингах франкской работы, а дугой, с выгнутыми к клинку концами. Так же, дугой, обращенной к рукояти, был изогнут внутренний край набалдашника-противовеса, венчавшего рукоять («яблока»). Все отличия сводились к одному – из изначально пехотного меча сделать оружие всадника! Таким мечом можно было не только рубить или резать, но и сечь с седла. Не зря после боев с войском нашего героя в Болгарии византийские мародеры собирали мечи «россов», а за четверть века до того в Закавказье местные мусульмане в поисках мечей разрывали могилы русов, умерших от заразы. Нужно помнить, какой – вполне оправданный – ужас внушали тогда людям моровые поветрия, чтоб оценить этот факт! И византийцы, и мусульмане были преимущественно всадниками, и их не заинтересовали бы так настоящие франкские клинки, плохо приспособленные для верхового боя.

О производстве русами «отличных мечей» пишет Персидский Аноним в IX веке. Арабский таможенник ибн Хордадбег сам говорил через переводчиков-славян с русскими купцами и осматривал привезенный ими товар «из отдаленнейших славянских земель»: «заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи». Не только «предметом ввоза» были мечи на Руси – русы сами ковали их и продавали, продавали в страну

дамасских клинков! И там находили их «отличными». Это не могла быть транзитная торговля. Помимо всего, что уже сказано, представьте только, как вздорожал бы меч, вывезенный из державы франков *контрабандой* (вспомните приказ императора Карла!) и провезенный через всю Восточную Европу. Меч трудно назвать удобным в транспортировке, легким товаром. Он тяжел, он остр и боится ржавчины. Да и исходная цена была не мала – до 4 кг золота, по подсчетам итальянского исследователя Ф. Кардини.

Если всех приведенных доказательств покажется кому-то мало, приведу еще одно. На двух мечах стоят славянские имена мастеров. Это знаменитый «Людота коваль» времен моего героя. И второй – сороковые годы X столетия, времена его отца, Игоря Рюриковича. На клинке имя – «Славимир».

Вот они, кузнецы-русы X века. Их имена будут более чем уместны в этой книге. Ведь победы моего героя, победы его воинов – это и их победы. Это Славимир с Людотой и иными, ныне безымянными, отковали мечи, что прикончили чудовище нашей истории, Хазарский каганат; раздвинули к Волге и Крыму русские пределы; одним блеском гнали по Болгарии византийских прихвостней; рубили дорогу на Царьград... жаль, недорубили.

Итак, в русских городах X века ремесленники ковали мечи, не уступавшие, по мнению современников, ни франкским, ни арабским. Да и не только мечи – ибн Русте называет

прекрасными кольчуги славян, а французская поэма «Рено де Монтабан» рассказывает, как заглавный герой приобретает «великолепную кольчугу из Руси», вследствие чего приобретает среди воинов императора Карла славу непобедимого. И мечи, и тем более кольчуги подразумевают очень высокий уровень ремесла. Как мы видим, высоко ценили ремесло русов и чужеземцы.

3. «Русские письмены» и иные диковины

*Молчат гробницы, мумии и кости.
Лишь слову жизнь дана.
Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письмена.*

И. Бунин

Древний наш мир изучал я по книгам славянским

—
*Грамотам русским, написанным греческой
буквой.*

*Вязь алфавита народом для собственной пользы
Взята у греков. Отеческих говоров звуки
К буквам чужим он подладил, оставишь собою.*

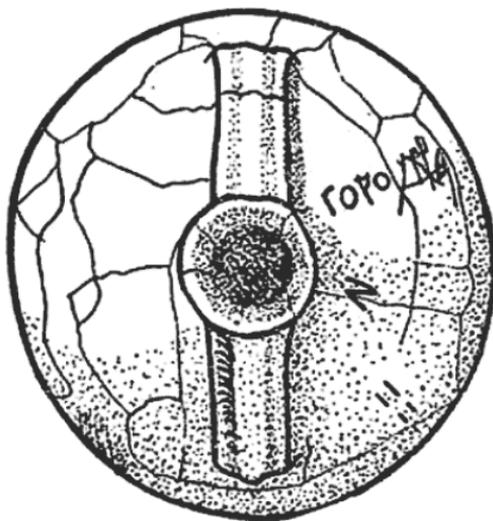
Николай Гусовский, «Песня про зубра»

Мы невзначай коснулись еще одной темы. Заметили? На клинках – надписи. По-славянски. До крещения Руси. Зна-

чит, уже тогда и те, кто ковал мечи, – ремесленники! – и тем паче те, кто эти мечи покупал, были грамотны. На самом деле, о грамотности русов сохранилось немало свидетельств. Ибн Фадлан пишет, что на могиле сородича русы установили столб с его именем и именем «царя русов». Другой араб, аль Недим, видел некий «пропуск», начертанный русским воеводой для посла иноземцев «на куске белого дерева».

Однако я сейчас вовсе не хочу вдаваться в долгий спор о древнеславянской письменности; о том, какими это «чертами и резами» писали и гадали славяне, по сообщению черноризца Храбра, в те поры, когда «книг не имели». Обратимся к простым и ясным свидетельствам грамотности на Руси времен нашего героя. Славимир и Людота не были исключением. На знаменитой «гнездовской корчаге» середины X столетия тоже найдена славянская надпись. Одни ученые считают, что на корчаге написано «гороухща» – горчица, другие – что неизвестный рус, скорее всего купец или приказчик, оставил потомкам свое имя и надпись следует читать «Гороух пса», то есть «Горух писал». Так или иначе, перед нами еще одно свидетельство грамотности простого, не знатного человека языческой Руси. Наконец, в Новгороде найдена, в слоях X века, очень любопытная вещь. Это деревянная бирка – своеобразная пломба для мешка с княжьей данью. Можно сказать, юридический документ! Бирка-пломба помечена личным знаком старшего сына и наследника нашего героя, Ярополка. Сборщик дани, как все люди языческого Севера, был

не чужд поэзии и внес ее даже в столь прозаичный предмет. Надпись гласит: «Мечничъ мех в тех метах», то есть «этим помечены мешки мечника (княжеский сборщик податей)». Какая, однако, игра звука в оригинальной надписи! Она напоминает короткие стихи – висы скандинавских скальдов. Это еще одно доказательство того, что и скандинавы, и балтийские славяне, предки новгородцев принадлежали к единой балтийской культуре. Имя этого поэта на государственной службе стоит на той же бирке – Полтвец. Для неграмотных он, рядом со своим званием, вырезал на бирке-пломбе изображение меча. Итак, мы встречаем четыре славянских кириллических надписи еще до крещения Руси.

«Гнездовская корчага» с надписью

Да и следует ли называть эти надписи кириллическими? Не будем придираться к мелочам – вроде того, что имя Кирилл «просветитель славянства» получил на смертном одре, всю же жизнь прожил как Константин. Интереснее иное – в житии Кирилла-Константина говорится, что, проезжая через Херсонес-Корсунь – древний город близ теперешнего Севастополя – в составе посольства к хазарам, Константин видел там Евангелие и Псалтырь, написанные «русьскими письмены». Молодой Константин сличил письмо с привычным ему, различил гласные и согласные буквы и вскоре бегло читал на новом для него языке, чему удивлялись, как божьему чуду. Почему-то на иных исследователей мысль о грамотности далеких предков наводит что-то вроде суеверного ужаса, и оттого уже не первый век делятся попытки увидеть в «русьских» письменах жития то «сурьские» – сирийские, то готские, то еще бог весть какие. Оснований в источниках для этого пересмотра – никаких. И готы, и сирийцы названы в житии своими именами, да и мало кто в Восточном Риме не знал сирийского языка, уж, во всяком случае, его знал Константин, уже побывавший послом в арабском халифате. Вот славянские языки он знал плохо, тут ему помогал лучше знавший их брат Мефодий. Более того, нам известно ни много ни мало – 26 списков жития. И во всех них черным по белому написано именно «*русьскими*». Только крайней, мягко говоря, предвзятостью исследователей я могу объяснить такое нежелание видеть не просто лежащее перед глазами, но и много-

кратно повторенное!

С. Высоцкий указывает, что «русским письмом» в Средневековье звали именно то письмо, которое мы зовем «кириллицей», славянским же – глаголицу. Кирилл и Мефодий, как известно, создали *славянскую* письменность, то есть... то есть глаголицу! И действительно, созданное проповедниками христианства письмо мы ожидали бы увидеть сначала в богослужебных книгах, в церковных надписях, а не на пломбе, глиняной корчаге или голомени меча (кстати, кузнецы очень неохотно принимали христианство. Не зря молитва св. Патрика призвана защитить христианина «от чар друидов и кузнецов»). И именно там – в церквях и церковных книгах – мы встречаем... глаголицу! Тот самый «черноризец Храбр» в своем труде «О письменах» как раз и сообщает, что после «черт и рез» славяне стали пользоваться греческим письмом «без устройства», приспособивая его к нуждам своего языка. От такого письма, очевидно, и произошло то, что мы называем «кириллицей», а люди Средневековья, гораздо более разумно, русским письмом. Вряд ли русы – язычники, оставившие свои имена на дереве, железе и глине, хотя бы слышали о Кирилле. Так что охотники рассуждать, скольким-де мы обязаны «солунским братьям», не иначе, пишут глаголицей. Именно она пошла от «славянской письменности», созданной Мефодием и Кириллом. Я же пишу эту книгу, читатель, буквами, восходящими к «русьским письменам» язычников Горуха, Славимира, Полтвеца и Лю-

ДОТЫ.

«Пломба» мечника Полтвеца

Нам в этой книге не раз придется столкнуться с одним малопочтенным пристрастием христианствующей нашей интеллигенции. Они постоянно стараются сделать из святых деятелей то государственных, то культурных. Заслуг перед Христом им, видимо, маловато. Отчего страдает память предков, которых изображают бескультурными дикарями, и, что не менее важно, страдает истина. Еще раз замечу – христианство и церковь в данном случае ни при чем. Это именно христианствующая интеллигенция носится с «государственным гением» Ольги и Владимира, и с изобретенной-де Мефодием и Кириллом письменностью. Церковное житие, как мы помним, честно указывает, что не просто письмо, но

даже книги, более того, богослужебные христианские книги «русским письмом» существовали уже во времена «солунских братьев». Титул «просветителей славянства» в традиции церкви всегда носил сугубо религиозный смысл. И сами братья видели свою миссию именно в этом – в несении славянам «света евангельской истины» любыми способами. Мало кто знает, что святой Мефодий принимал деятельное участие в составлении так называемого «Закона судного людям». В этом документе, помимо прочего, говорится, что село, в котором произошло языческое жертвоприношение или хотя бы была принесена присяга языческим богам, должно быть *целиком продано в рабство*. Сохранились гневные проповеди святого к властям только что крещенной им Великой Моравии с требованием неукоснительно соблюдать именно эту статью «Закона...». К чести новокрещенных моравских князей и витязей, к проповедям этим они отнеслись так, как от веку кадровый офицер-фронтвик встречает истерично-кровожадные распоряжения комиссара (политрука, шарфюрера и т. п.) из интеллигентов. То есть, оправившись от легкой брезгливой оторопи, козырнули и... не выполнили. Иначе с Моравией произошло бы то же самое, что и с родиной «солунских братьев». Мало кто знает, что в VI–IX веках славяне заселяли Балканы почти целиком. Не только на землях теперешних Болгарии и Югославии, но даже на Пелопоннесе обитали славянские народцы милингов и езеричей, называвшие родной полуост-

ров Мореей. Вспоминая о тех временах, Константин Багрянородный напишет в X столетии: «Ославянилась, оварварилась целая страна». Не сохранилось, однако, ни малейшего упоминания, что славяне-язычники творили грекам-христианам хоть какие-то утеснения по религиозному или национальному признаку – понятно, кроме непосредственно военных действий, но тут уж «на войне, как на войне». Ну разве что мешали истреблять соплеменников, оставшихся верными религии предков. На том же Пелопоннесе Константин упоминает город Майну с округой, где до конца IX века – до времен нашего вещего Олега! – эллины чтили олимпийцев. В конце этого столетия Балканы и Пелопоннес вернулись под власть Второго Рима. И уже сто лет спустя о славянах Морее вспоминают в прошедшем времени. Что с ними стряслось? «Закон судный людям». И святой Мефодий.

Надпись глаголицей. Именно эту «славянскую письменность», судя по всему, изобрел Кирилл. Очень похоже на наши буквы?

Кирилл и Мефодий. «Просветители» – и вдохновители геноцида... Фреска в Зографском монастыре на Афоне

Кажется, геноцид относится к разряду преступлений против человечности. Кажется, подобные преступления не имеют срока давности. Кажется, идеология, вдохновляющая геноцид, должна отвергаться людьми, ну хотя бы сородичами истребленных...

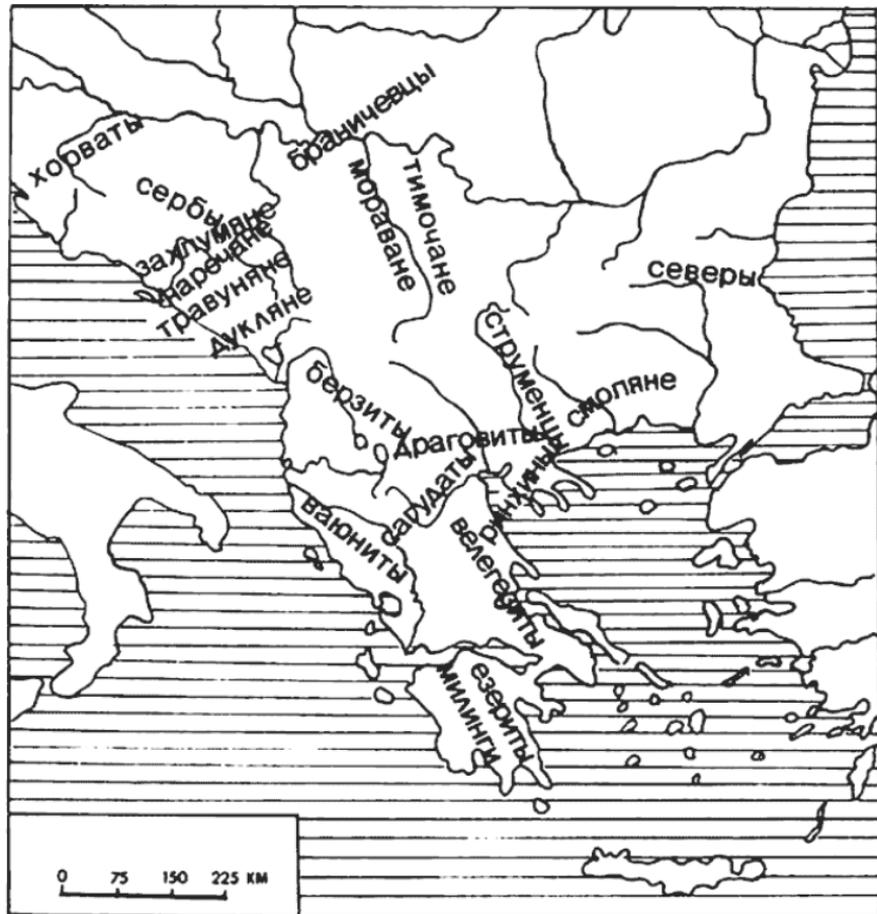
Впрочем, все это, видимо, действительно только кажется; и славянофилы, так любившие поминать «злым католикам» бодричей, лютичей и пруссов, ни словом не помянули тех, что с благословения православного святого, равноапостольного Мефодия, деревнями продавали арабам и персам. Что ж, помянем их хоть здесь, читатель.

Сагудаты. Рунхины. Драговиты. Струменцы. Смоляне. Верзичи. Баюничы. Велегестичи. И, наконец, **миллинги с езеричами.** Десять сгинувших славянских народов. Помни, читатель, – не «Mein Kampf» – «Закон судный людям». Не Гитлер и Розенберг – Кирилл и Мефодий.

Помни. Есть вещи, которые нельзя забыть – и остаться людьми.

Впрочем, мы отвлеклись. Итак, на Руси времен нашего героя была письменность, были грамотные люди. Не среди князей даже или жрецов – ремесленники, купцы, служилый княжий люд. Вовсе не обязательно христиане – все имена языческие, да и двое – кузнецы, люди, как уже говорилось,

неохотно оставлявшие древних Богов Огня и Железа. В слоях IX–X веков русских городов найдены роговые и костяные «писала» – стержни для письма. Они украшены изображениями медвежьих голов и многоликих славянских Божеств. И писали ими явно не христиане. Если мечи и кольчуги – это уровень ремесла, уровень цивилизации, то грамотность, грамотность простых людей – это уровень культуры.

Славяне на Балканах – до святого Мефодия

Я писал эту главу не затем, чтобы рассказать, пусть вкратце, о жизни, быте и культуре наших предков. Ради этого стоит написать книгу, и не одну. Некоторые уже написаны, одна из лучших – «Мы – славяне» Марии Семеновой. Серьезных

ошибок там немного, собственно, три – главы про Велеса и Темных Богов; рассуждения о бороде и волосах – мы коснемся этой темы; и кое-что в главе, посвященной мечу. Как ни жаль огорчать поклонников русского фэнтези, не сохранилось сведений, чтобы славяне называли свои мечи особыми, «личными» именами, чтобы вообще одушевляли их так, как норманны и западные рыцари. Не было русских Эскалибуров и Дюрендалей. Меч чтили, им дорожили как символом свободы, как священной, ценной, дорогой, воплощающей чуть ли не душу владельца-воина, но все-таки – просто вещью. Своей души, своей личности в глазах русов и славян меч не имел. В остальном же замечательная книга Семеновой безукоризненна, и я охотно рекомендую ее читателю.

Также не для того писалась эта глава, чтобы в очередной раз напомнить, что и три века спустя в ином западном романе можно было прочесть: «Жил благородный рыцарь, и был он так образован, что даже умел читать». Чваниться перед другими народами – занятие, конечно, недостойное. Есть только одно занятие гнуснее – чваниться перед собственными предками. К сожалению, об опасности этого, худшего чванства у нас вспоминать не принято. А ведь оно не только хуже – оно распространеннее. Человек, доказывающий, что русские основали Трою и открыли Америку, – безобидный смешной чудака. Ему не доверят писать учебники. Их доверяют тем, кто упорно втоптывает в грязь свой народ, своих предков, чтобы хоть на таком фоне себя, убогих, по-

чувствовать кем-то!

Если читатель сумеет освободиться от этого чванства, от навязываемой всей нашей жизнью привычки смотреть на людей далекого прошлого как на слабоумных дикарей, – эта глава написана не зря. Отличия Руси от других стран были не признаками какой-то «отсталости», они были именно *отличиями*. Впрочем, и отличий этих много меньше, чем порой кажется отягощенным дипломами невеждам. Конечно, очень легко посмеяться дикости предков, читая в летописи, как в XIII веке князь Владимир Василькович «взем соломы в руку от постели своея». Вот, мол, – даже князья спали на соломе! Легко, особенно если не знать, что в том же веке в Британии лорд Отерарсее получил поместье «за службу по изысканию подстилки для королевского ложа: летом – сена и травы, зимой – соломы».

Что до другого – ну да, держали говорящих сорок для потехи вместо попугаев – в небедных домах. Вместо кошек – зверьков тогда редких и стоивших дороже лошади – часто держали домашних ласок или ужей. Простонародье в натопленных избах ходило нагишом – вы не пробовали отстирать сажу с льняной белой ткани без мыла и порошка в холодной воде? А обереги, которыми были расшиты славянские одежки, в доме, у печки, под защитой предков и домашних божков, были уже не нужны. Не от дедушки же домового защищаться!

Ну и что? А в Англии иные бойцы до XI века выходили

на бой с каменными топорами. А в Германии XIII века могли снять с человека скальп. Не бандиты и не сатанисты, а судебные исполнители. Среди бела дня, при всем честном народе, на площади торгового города, перед ратушей и христианским собором. В полном соответствии с буквой закона – такая казнь там полагалась вторично попавшемуся на воровстве.

Не могу сказать, что осуждаю немцев, – сам, будучи обворован, испытывал схожие чувства и желания. Но, положив руку на сердце, мне как-то симпатичнее наши, родные особенности, как-то ближе не стыдящиеся своих тел перед родичами славяне, чем законное скальпирование солидными бюргерами какого-нибудь бродяжки.

В основном же глава эта писалась, чтоб дать – очерки, очертания русской державности, цивилизации и культуры времен моего героя. Надеюсь, мне это удалось. Итак, не «племена», а Держава. Не хутора и огороженные тыном деревни – Страна Городов, с искусными ремесленниками. Восток и Запад признавали ее равными себе во всем – от державного устройства до ремесла, исключая разве только веру. Среди ее жителей, даже не самых знатных, богатых и образованных, было немало грамотных.

Впрочем, надо думать, глава эта породила у читателей немало вопросов. Почему разделяли «русскую» и «славянскую» письменность? Откуда за сто с лишним лет до пресловутого «крещения Руси» взялись Евангелие и Псалтырь

«русьскими письмены»? В двух словах на эти вопросы не ответишь. Что ж, постараюсь ответить в двух главах. Тем паче что это будет еще и рассказ о предках нашего героя, о рождении Державы. Рассказ о том, откуда есть пошла Русская земля...

На море-океане, на острове Руюне...

*Будем думу думать вместе с облаками,
Доверяясь чутко четырем ветрам.
Расплескалось небо зыбкими волнами,
Просквозило Солнце Святовитов храм.
То встает из пепла властная Аркона,
Чтоб напомнить миру об иных летах,
Где превьшие Правды не было закона,
Где сердцам славянским был неведом страх.
Развернись, виденье, лейся, жар небесный,
Не смолкайте, ветры, чтобы сердце вдруг
Осветилось чистой и высокой песней,
Чтобы каждый русич вспомнил, чей он внук.*

Светобор

1. В тени Магометова гроба

Откуда есть пошла Русская земля... этот вопрос еще пещерский монах-летописец поставил в подзаголовок своему великому труду – Повести временных лет. Так откуда же, кто создал эту Державу «от финских хладных скал до пламенной Тавриды»? Летопись говорит так: три северных народа – словене ильменские, кривичи и меря – прогнали собиравших с них дань варягов, но захлебнулись в усобицах. «Восста род на род, и не бысть в них правды». Устав от резни, три народа послали за море, к варягам-руси, со словами: «Земля

наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Придите княжить и володеть нами по праву». И откликнулись три брата – Рюрик, Синеус, Трувор. «И от тех варягов прозвалась Русская земля».

А кто такие эти варяги-русь? На вопрос этот сейчас во многих книжках, и популярных, и сугубо научных, отвечают с «легкостью необыкновенной». Имя «русь», оказывается, «не было племенным. Оно обозначало «гребцов» – дружину, участвующую в походе на гребных, весельных судах. Это слово звучало по-шведски как «ротс», а эстонцы – потомки летописной чуди – до сих пор называют Швецию Ротси. Чудь первая встретила с этими «гребцами» на Варяжском море и передала их имя славянам. Те и назвали варягов, приходящих в Восточную Европу на гребных судах, русью». Это пишет В. Петрухин в книжке «Славяне», выпущенной знакомым нам издательством «Росмэн», в одной серии с «Викингами». Помните – там еще славяне оказались «кочевым племенем», заодно с аварами и печенегами «пришедшим из степей». Знаменательное соседство...

И все вроде бы складно... да только вот незадача – сами-то «гребцы» себя как называли? Эстонским прозвищем? А ведь напрямую из «ротс» слово «русь» не выведешь. Все завоеватели давали завоеванным землям именно *свое* имя. Скажем, шотландцы англов сассенахами зовут. Но англы, завоевав Британию, назвали ее не Сассенахией, а именно Англией. То же с Францией, Нормандией, Данией... вот других

примеров – ни единого. И еще – они, «гребцы» эти самые, Петрухина, видать, не читывали. Свое имя именно за племенное считали, а не за род войск или профессию. В договорах с Византией X века: «Мы от **рода** русского». Послы, что к Людовику Благочестивому за сто лет до того ездили, говорили, что «они, то есть их **народ**, зовутся Рос». С Ротси этим эстонским тоже не все ясно. Эстонцы этим словом то шведов, то ливов зовут, карелы – финнов. И притом – мало ли как за тысячу с лишним лет значения слов меняются? В XVIII веке, скажем, пруссаки – немцы. А за каких-то полтыщи лет до того пруссами звали племя в Прибалтике, которое не то что немцами не было – ненавидело немцев лютой ненавистью, воевало с ними насмерть. За такой срок – и как смысл слова изменился, а тут вдвое больше прошло. Не убеждает.

Тем более что и само-то словечко, «ротс» это самое... я про это нарочно напоследок припас. Неудобно. Стыдно просто. Историк все-таки. Коллега. В общем, не звучало оно пошведски. Вообще никак не звучало. Не было такого слова. Ни в каких источниках оно не отразилось. Об этом еще Генрик Ловьямянский в книге «Норманны и Русь» писал. А русский перевод той книги как раз Петрухин комментировал. Хотелось бы верить, что не знал, но...

Неудобно-то как...

Пуще того. Другой историк, А. Назаренко, недавно в актах немецких IX века слово Ruzzi нашел, в смысле, русские. Про

купцов. А слово это, по точной науке лингвистике, из «ротс» образоваться не могло. Только из «русь». То есть уже тогда купцы-гребцы эти себя не шведским, а славянским словом называли, в полном соответствии с таможенником арабским, ибн Хордадбегом. Помните, тот, что меха да мечи русские в 40-е годы того столетия досматривал? Так он русских купцов прямо «одним из племен славян» именует. И Петрухин об этом тоже знает. Цитирует в другой книжке даже. Ох... вы простите, уважаемый читатель, что я сейчас так путано... простите, вам не доводилось у коллеги, знакомого за карточным столом прилюдно из рукава пачку козырных тузов вытянуть? И как ощущения? Кто бы в такой ситуации остался спокоен, пусть первый кинет в меня камень.

Можно, конечно, сказать, что он не один такой. Целая школа, неонорманнистами себя называют. Так ведь это не легче, это хуже, когда компанией – и с тузами. Это даже статья другая!

И название ша... то есть школы не очень понятное. «Нео», как известно, означает «новый». Так вот все, что мы у Петрухина и многих других прочли, слово в слово можно было прочесть не у «новых», а у самых что ни на есть старых норманнистов – Миллера, Шлецера, Тунманна – в XVIII еще веке. И прочие доводы те же, один к одному. Варяги – это де общее название скандинавов, значит, и русь – норманны. Имена русов – скандинавские, «русские» названия порогов у Константина Багрянородного – тоже. Да и послов

русских Людовик Благочестивый принял за «свеонов» (eos gentis egge Sveonorum).

Не будем говорить про клинические случаи, когда из этой теории пытались вывести неполноценность славян перед норманно-тевтонскими «сверхчеловеками» (помните юного испанца из первой главы?). По-моему, теория эта обидна как раз для скандинавов. Воля ваша, но нет ничего «сверхчеловеческого» в том, чтобы за два века от призвания варягов до крещения напрочь раствориться в этих самых «неполноценных» холопах и данниках, позабыв буквально все, вплоть до родной речи и Богов. Между прочим, члены королевской семьи франков, на которых любят кивать неонорманнисты, до X века говорили между собой и заключали дипломатические соглашения на германском языке, а романским наречием подданных почти не владели. Это через *полтысячи* лет после завоевания франками Римской Галлии! Для сравнения представьте Дмитрия Донского, пишущего к Михаилу Тверскому или Олегу Рязанскому письмо на шведском языке, норманнскими рунами. А ведь франки по сравнению с завоеванными были сущими дикарями, уж, казалось бы, кому, как не им, у римлян учиться... да, первое негерманское имя появилось у франкских государей еще век спустя, в *третьей* династии, и не было оно ни римским, ни галльским. А у нас первое бесспорно славянское имя возникает в *третьем* поколении *первой* династии. Это имя – имя нашего героя. Святослав. Да неужто норманны были беспамятней

франков? Великолепная самобытная культура, прекрасный эпос, религия с развитым культом, пантеоном и мифологией – и от всего этого за каких-то неполных два века – ни следа?! Нет, эта теория – сплошной поклеп на скандинавскую гордость. Это их, а не славян она изображает неполноценными.

Но еще раз – оставим в покое клинику. Почтенные немцы, создавшие в заснеженном Санкт-Петербурге теорию, как просвещенные норманны цивилизовали диких славянских мужиков, были истинными учеными. Для своего, XVIII, века.

А теперь представьте: вы берете с полки книгу по географии и читаете там, скажем, что южнее Австралии суши нет, а Амударья впадает в Каспийское море. Или книжку по химии, где современный автор повествует про флогистон Штала. Или геолог рассуждает о полой Земле по Цеприцу. Или астроном пишет, что метеоритов не может быть «оттого, что на небе нет камней». Правда, странно? Поневоле заглянешь в выходные данные – уж не первого ли апреля выпущен том? Научные теории имеют свойство меняться. И в этом нет ничего странного. Со временем появляются новые данные, новые факты, и теория, основанная на устаревшей информации, вынуждена уйти. Это жизнь науки. Порой, при сохранении данных, приходится пересматривать выводы. На небе действительно нет камней, но метеориты все-таки падают. Это факт, наука не может не признавать факта и оставаться наукой.

А норманнская теория неизменна. В книгах Петрухина и его поде... э-э-э, единомышленников мы, слово в слово, встречаем те же доводы и доказательства, той же почти трехсотлетней теории. Некоторые подновления погоды не делают. Так, Тунманн выводил эстонское «роотси» от Рослагена (побережье шведского Упланда), но выяснилось, что название это возникло в XIV веке. Тогда и произошла некрасивая история со словечком «ротс». Его попросту выдумали, чтоб спасти теорию, как спасают проигрышную партию пятым тузом из рукава. В остальном же – неподвижность. Так что же – неужели норманнская теория – не наука?

Но, быть может, ученые немцы из Петербурга – гении? Может, они прозрели почти на три века вперед все открытия, находки, источники и создали свехустойчивую теорию? Может, они уже тогда знали все, что нам известно о той эпохе, и делали выводы на основе этого мистического знания?

Отчего бы и нет... я тоже человек, читатель, мне тоже хочется верить в сказку, в чудо. Мне приятно было бы думать, что в столице моей страны два с лишним столетия назад жили три величайших гения моей, исторической науки, совершивших неповторимое. И пусть они немцы, что ж с того? Разве мы меньше ценим Беллинсгаузена или Даля из-за их немецких корней?

Было бы...

Увы, читатель, чуда не произошло. Полнейшая незыбле-

мость доводов и выводов норманнизма еще заметнее на фоне полнейшей же перемены наших знаний о том периоде. Шлецер считал славян совершеннейшими дикарями, живущими в лесах «жизнью зверей и птиц». К смущению своего почитателя Карамзина, почтенный немец даже утверждал, что славяне платили варягам дань белками оттого, что «не имели орудий» для охоты на медведей.

Сейчас мы можем уверенно говорить, что славяне находились на том же уровне материальной культуры, что и скандинавы. Кое в чем незначительно опережали, кое в чем незначительно уступали. Но воинов в «железных нагрудниках» и шлемах с забралами, сходящих с многомачтовых кораблей к испуганным лесовикам в звериных шкурах, что мерещилось современникам Шлецера, конечно, не было.

Рисунок XIX века. Вот так это тогда представляли – «норманнская» русь в железных доспехах (скопированных с вооружения русских же воинов эпохи... Московской Руси), и лесовики-славяне – в медвежьих шкурах, с дрекольем и дубинками

Тунманн полагал, что славяне пришли к Ильменю с юга, от Дуная, через заселенные финской «чудью» земли. Логично было предположить, что и название для приходящих-де с севера скандинавских «находников» они позаимствуют у туземцев.

Сейчас выяснено, что Приильменье заселили (притом – примерно одновременно с финскими племенами) выходцы из вендского Поморья. Там их предки встречались с дат-

скими и шведскими соседями за тысячи верст от ближайшего финна. Естественно, им не было никакого смысла называть их финским или эстонским словом, как украинский крестьянин не стал бы называть татарина-крымчака удмуртским «бигер» или марийским «суас».

Считалось, что в древнерусском языке очень много норманнских заимствований. Князь, смерд, гридень, вира, вервь – все эти слова считали норманнскими. Понятное дело, не могло же двухвековое господство иноязычного племени не оставить следов в языке. Датчане, лет пятьдесят хозяйничавшие на *части* английской земли, и то обогатили английский язык *10% корней*. Один такой корень мы сами нынче нередко употребляем, называя благополучный исход «хеппи-эндом», или распевая на именинах приятеля «Хеппи бесдэй ту ю!», или подбирая на Новый год открытку с надписью «Happy New Year!». Шутка Судьбы – слово для счастья принесли в английский язык кровожадные завоеватели, датские викинги.

В XIX веке И. И. Срезневский произвел ревизию «заимствований». Выяснилось, что часть из них встречается в языках иных славянских народов, причем в краях, куда живой скандинав отроду не забредал, другие – превосходно объясняются из славянских корней. Например, русское «гридь» – дружина – нашло подобие в хорутанском «грида» – ватага, гурьба. Производное от него «гридень, гридин» – дружинник, воин – в чешском «грдина» – герой, богатырь. Досто-

верных заимствований Срезневский насчитал... 10 слов. Не 10% корней – 10 слов. И то иные – «тиун», «щеляг» – могли быть заимствованы через посредство западных славян. У тех же поляков были «тивун» и «шелонг», с теми же значениями старосты-управителя и серебряной монеты.

И так далее, и так далее, и так далее... рухнули или рушатся едва ли не все современные норманнской теории научные представления о прошлом нашего народа...

Была в Средние века такая легенда: в городе Мекке, в тайном покое гроб пророка Магомета висит. Без цепей, без опор, силой неведомой держится.

В городе Мекке не был, не знаю. А в науке нашей висит такой, без соседей, без опор, тень непроглядную наводит на начало величайшего в мировой истории государства, на происхождение нашего народа. Норманнская теория звать.

Силы же, ее держащие, вполне ведомы. Не место и не время говорить обо всех их. Но одну читатель уже узнал. Это та же сила, что мешает игроку спокойно сказать: «Я проиграл, господа», и выложить на стол проигранную ставку, заставляя вместо того подтирать на картах очки и тянуться к манжете за запасным козырем. Остальные тоже имеют не больше отношения к науке. Возьму на себя смелость сказать – Шлецер, настоящий ученый, по-немецки острый и честный ум, в наше время не был бы «неонорманнистом».

Что наше время – уже в XIX столетии честным ученым в Магометовом гробу становилось душно и неудобно. Не зря же

М. П. Погодин, почитавшийся за столпа норманнизма, цитировал Гельмольда: «Маркоманнами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяют марку. В славянской земле много марок, из которых не последняя наша Вагирская провинция, имеющая мужей сильных и опытных в битвах, как из датчан, так и из славян», – и восклицал: «*Чуть ли не в этом месте Гельмольда и чуть ли не в этом углу Варяжского моря заключается ключ к тайне варягов и руси*».

Что значит – истинный ученый! Ведь он почти угадал... но – увы, пойти дальше не успел или не посмел. В его время норманнизм уже неотвратимо превращался из научной теории в Магометов гроб, неохотно отпускавший свои жертвы. Новому же поколению постояльцев, в отличие от великана Погодина, в гробу уютно и просторно. Они ревниво защищают его от посягательств извне. Я бы сказал, что они прижились... но разве в гробах – живут?

Не будем, читатель, уподобляться некромантам и искать в гробу ответ на наши вопросы. Как говорил Шергин – «живой живое и думает».

Русь – варяги, говорите? Хорошо, пусть.

А кто такие варяги?

2. Варяги – незамеченная загадка

*Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,*

*Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката.*
А. К. Толстой, «Змей Тугарин»

Читатель, любящий историю! Боюсь, вам при чтении этой главы придется позабыть многое из прочтенного. Оттого, что историки – не говорю уж о писателях – обращаются со словом «варяги» с великолепной безответственностью. Походя бросают фразы вроде «варяжский конунг» или говорят о «варяжском витязе Харальде Суровом» или «варяжских наемниках Рагнаре и Эймунде», при том, что ни в летописях, ни в сагах вы не найдете словосочетания «варяжский конунг». Саги о Харальде, Эймунде и Рагнаре их нигде не называют ни варягами, ни верингами... зато у читателя складывается устойчивая иллюзия, что слово «варяг» – просто синоним слову «норманн». Такое, мол, как пишут в словарях, «древнерусское название скандинавов».

Вот только не было в обычае в Средние века выдумывать какое-то особое название для народов одного корня или одного края. Когда возникала нужда назвать их одним словом, брали имя одного из них, с которым лучше были знакомы. На Руси не так давно, века два тому, говорили не «европеец», а «немец». Не «азиат», а «татарин». Для американца и по сей день все выходцы из России – «русские», «Russians», будь то чечен, мордвин или еврей. Немцы для французов – «алеманы», по имени одного из племен германских. Для финнов –

«саксы», по тому же принципу. Да и русское «немец» не от немоты пошло, как часто пишут, а от германского племени неметов. Можно не одну страницу такими примерами исписать, да вы, читатель, и сами наверняка что-нибудь вспомните, если постараетесь. Вот других примеров – опять-таки, днем с огнем...

Так где же оно, скандинавское племя «варяги»? Нету. И не было. Но «неонорманнисты» нам объясняют: мол, слово «варяг» от скандинавского «веринг» происходит. Это же словцо означает не то «охранник», не то «присягнувший вождю дружинник».

Не пугайтесь, читатель. На сей раз не все так плохо. Слово «веринг», в отличие от «ротс», в самом деле есть. Вот только означает оно совсем другое. Не запасной туз – очко на козырной девятке лишнее, притертое.

Можно было бы подивиться на славян непонятливых: два века скандинавы ими правили, дань собирали, на греков да хазар в походы водили, а они все не могли запомнить, как же их, господ, по-настоящему кличут. Слово «рус», как мы помним, тоже ведь «не племенное». Два века хозяев своих «гребцами» да «дружинниками» величали!

Только не надо дивиться. *Никто, никогда, нигде* слово «веринг» или «варяг» за обозначение профессии не считал. Очко-то на карте ноготком подцепите, вишь, плохо держится? Ага, и еще одно... и не девятка это, самая обычная шестерка. В летописях слово «варяги» везде в ряд с «литва»,

«немцы» да «свеи» стоит. И «русь», кстати, тоже. Не с «плотник», скажем, или «лучник» – с названиями народов. В саге о Вига-Стире норманнской: «Ибо такой был обычай у норманнов и верингов». Представляете фразу: «ибо такой был обычай у столяров и белорусов»? Даже араб Бируни в чужедальнем Хорезме и тот знает, что «варанк – это народ». Итак, если верить источникам – а не фантазиям норманнистов, – варяги-веринги – это народ. Иначе как объяснить, что ни один «охранник» или «присягнувший вождю дружинник» не звался «верингом» в Англии, Ирландии, Франции – нигде, где ходили норманнские дружины, и даже в самой Скандинавии? Рунные камни в Швеции – помните, в той самой «Роотси» – хранят память сотен викингов-шведов. Немало среди них «умерших на Востоке, в Гардах» (то есть на Руси), «в Хольмгарде», «в Микльгарде», «в стране греков». Комментаторы услужливо торопят: «они, мол, служили в варяжских дружинах». Зря. Рунные камни, *сотни* памятников ушедшим за море без возврата, не называют их верингами. Есть там крестьяне-бонды и батраки-*bryti*, есть кормщики-*skipari* и корабельщики-*styrimadr*, есть вожди-хевдинги и королевские наместники – *landmenn*, есть их дружинники-*hemthaegi*, есть просто купцы и члены торговых товариществ – *felagi*. Есть, конечно, и викинги. Но ни в Швеции, ни в Дании, ни в Готланде нет памятника хоть одному верингу. Хотя в одной надписи все же упоминается Веринг – но как личное имя. В конце X века в Киеве мелькает похожее

личное имя – Варяжко. Из этого делают правомерный вывод, что варягов в Киеве того времени было немного – ну, как, скажем, прозвище «татарин» звучало бы странно в Казани, но вполне естественно, скажем, в русской деревне. Очевидно, и в Швеции эпохи викингов варягов было не больше, чем в Киеве, если уж Веринг стало личным именем. Да и саги знают верингов лишь «на Востоке» – на Руси или в Константинополе. Герой одной саги «пришел на Русь и стал там наемником. Он был там *с верингами*». Не «был верингом», а – «был с верингами»!

Итак, веринги-варяги – племя, «народ». Скандинавское ли?

Мы уже видели, что в саге норманнов и верингов разделяют. Разделяет их и летопись, перечисляя северные народы: «**варяги**, шведы, **норманны**, готы, русь». Впрочем, такое «разделение» недорогого стоит. Тацит, Прокопий Кесарийский, Иордан разделяют готов и германцев. Летопись, Русская Правда, Константин Багрянородный и арабы разделяют русь и славян. Последние, правда, как-то неуверенно – то русы у них «один из видов славян», то Славия – «один из видов Руси». Один и тот же погребальный обряд у ибн Фадлана – русский, а у ибн Русте – славянский... но мы не о том.

Что говорят источники о том, кто такие варяги и где они жили? Слово летописи. Она сообщает, что по Варяжскому морю «сидят» ляхи, пруссы и чудь. «По тому же морю сидят варяги», причем к западу от перечисленных народов земли

варягов простираются до земли англов. Не нынешней Англии, конечно, в летописи ее зовут Вретанией, а до коренных англских земель на материке, нынешней датской провинции Ангельн.

Первый звонок! Тот самый, юго-западный, «угол Варяжского моря», о котором писал Погодин. Близко «ключ». А кто, кстати, там «сидел»? К ляхам летопись относит и поморян, и лютичей. Между ними и англами остается место только для сильного княжества ободритов. В летописи «отчего-то» не упомянутого. Кстати, «Вагирская марка», которую, со ссылкой на Гельмольда, поминает Погодин, – как раз ободритские земли.

К востоку от тех же трех племен тоже живут варяги, «до предела Симова», то есть волжских булгар. Но к востоку от эстонцев и до Волжской Булгарии живут новгородцы, словене, никак не скандинавы! А летописец невозмутим. Ему и в голову не приходило, что потомки перепутают дедов-варягов со скандинавами. Он пишет: «Новгородцы же, люди новгородские – от роду варяжского, ибо прежде были словенами». Если кто-то не понял, Новгородская первая летопись, чей автор наверняка лучше знал и варягов, и новгородцев, поясняет: «новгородские люди *до нынешнего дня* от роду варяжского», и для совсем интеллигентных добавляет: «варяги мужи словене». Вот так. Не больше и не меньше. Где вы, новгородцы Олавы, Харальды, Эрики? Где ваши берестяные грамоты, писанные рунами на северном языке?

Но следы чужеземного влияния, даже не влияния – происхождения – в новгородском наречье есть. Их, еще на примере живых севернорусских диалектов, выявили русские лингвисты А. А. Шахматов, Д. К. Зеленин, Н. М. Петровский. Знаменитое новгородское «цоканье» («целовеце», «цудно» и пр.) находило подобие не у поляков даже, а в нижнелужицком языке, наследнике полабского наречья, на котором говорили лужичане и... ободриты. Еще яснее сохранились черты языка прибалтийских славян в глухих углах Русского Севера и Сибири, колонизированных новгородцами еще до завоевания вольного города Москвой. Там же, кстати, сохранились и былины. А. А. Зализняк, исследовав берестяные грамоты, обнаружил, что в древности это сходство было не слабее, а сильнее. В трудах Константина Багрянородного можно увидеть, что в ту пору на Руси было в ходу два славянских наречия. Южное, называвшее порог «прагом» с мягким, «украинским» «г», а город – «градом» («Вусеград» – Вышгород). И северное, называвшее, на манер прибалтийских славян, город – «гардом» («Немогарда» вместо «Новгород») и сохранившее носовые гласные. Проще говоря, отца нашего героя звали при жизни не Игорем, а Ингорем, а его самого – Свентославом. Последнее ввело во грех одного особенно буйного неонорманиста, и он, на радостях изобретя небывалое «скандинавское» имя «Сфендислейф», кинулся доказывать, что герой наш был «скандинавом» и «конунгом». Бедняга даже не заглянул в именной указатель труда Константина

Багрянородного и не увидел там, рядом со «Свентославом», имя моравского князя «Свентополка». Или морав – не морав, а швед? Очередной «конунг»?

Просто в X веке имена варягов-князей на Руси «почему-то» произносили на прибалтийско-славянский манер. Я же здесь оставляю привычное написание – чтобы вас, читатель, не запутывать свыше меры. Просто имейте в виду: не Игорь – Ингорь. Не Святослав – Свентослав.

Антропологи, изучив средневековые могильники новгородцев, установили, что ближайшее подобие черепам новгородцев – черепа из могильников славянского Мекленбурга, земли... ободритов.

Наконец, археология. Первые следы ильменских словен («культуры погребальных сопок») в VI–VII веках уже имеют явные черты западнославянского происхождения. Но в IX – X веках появляется новая волна пришельцев из славянской Прибалтики. В Новгороде первые находки славянской керамики относятся к фельдбергской культуре, существовавшей на землях... ну, читатель, вы уже догадались. Да, ободритов. И так далее, вплоть до конструкции крепостного вала новгородского Детинца 1116 года, которая «имеет точные аналогии только у балтийских славян и совершенно неизвестна на Днепре». Следы балтийских славян в виде «керамических комплексов» обнаружены также в Пскове, Старой Ладоге, городке на Ловати, и пр. Археологи делают вывод, что в указанную эпоху в Восточной Европе появилась вторая вол-

на пришельцев со славянского Поморья и Полабья.

Интересно, как называли этих пришельцев? И почему это о них в летописях ничего не сказано?

Или сказано? Пришедшие из-за моря в IX–X веках, поселившиеся в Ладоге, Новгороде, Пскове и явно там господствовавшие – иначе крепость аристократического центра Новгорода, Детинец, не была бы построена по их способу. Имеющие явное отношение к князьям. Кто бы это мог быть, читатель? Не узнаете?

Узнали...

Но не будем спешить.

Летопись говорит, что в землях верхнего Поволжья и у Белого озера варяги основали города – Ростов, Муром, Белоозеро. Туземцы, «первые насельники» – неславянские народцы меря и весь. «Находники», построившие и заселившие города, – варяги-русь. Иного населения там летопись не знает. Археология знает в этих краях тоже две группы населения – финских аборигенов и пришельцев с явными чертами прибалтийской культуры эпохи викингов, которые наши археологи поспешно окрестили «скандинавскими комплексами». Тогда отчего Ростов, Муром и Белоозеро, а не какой-нибудь «Муромвик» или «Витзеборг»? Отчего в Ростове главной языческой святыней был идол Велеса, не финского и не норманнского Божества? И отчего к XI–XII векам оба эти города предстают стопроцентно славянскими? Еще Иловайский ехидно замечал: «выходит, скандинавы ославя-

нили для нас мерю». Можно задать и еще один вопрос: отчего в могильниках со «скандинавскими комплексами» после перехода в X веке от сожжения тел к погребению не найдено *ни одного* скандинавского черепа? «Комплексы» есть, а скандинавов нет.

А может, пора археологам избавляться от скандинавской закомплексованности? Перестать именовать каждый памятник балтийской культуры эпохи викингов скандинавским? Но мы не об археологах, мы о варягах.

В середине XI века основатель Киево-Печерской лавры Феодосий беседует с князем Изяславом, сыном Ярослава Мудрого, о католиках-«латинянах». Феодосий «латинян» не любит люто и князя против них настраивает. И сообщает для этого об их, «латинян», злодействах в Варяжской земле. Они-де там разбой творят, людей убивают, в веру свою крестят насильно и «верных» – то есть православных, христиан восточного обряда – всячески злобно притесняют.

В Швеции несколькими десятилетиями после этой беседы христианские проповедники почтительно просили короля-конунга, уже крещеного, чтоб тот закрыл, наконец, огромный языческий храм у самой столицы или хоть жертвоприношения кровавые в нем прекратил. Король священникам ответил, что, если он посягнет на древнюю святыню своего народа, не быть ему королем, а им – не быть живыми. Не свирепыми крестоносцами пришли в Швецию католики, а смиренными миссионерами. Да и православных в тогдаш-

ней Швеции не водилось, во всяком случае, тех, о ком стоило бы писать.

Ученые это давно заметили и попытались доказать, что варяги здесь – не варяги, а европейцы вообще. Только других примеров, чтоб варягами всех жителей Западной Европы называли, не существует. Да и какое дело было князю Изяславу до далекой Западной Европы? Вот варяги, как таковые, его заинтересовать могли. Он ведь сам был варяжского рода и помнил об этом отлично – как в Европе испанские идальго через тысячу лет после падения Вестготского королевства готской кровью чванились (даже само слово «идальго» переводили как «хийо дель годо» – сын готов).

А вот в землях прибалтийских славян, по сообщению Адама Бременского, православных – «греков», по его выражению, – жило немало. О том, какими способами их, славян прибалтийских, в католичество обращали, мы расскажем подробно в других главах. Пока могу сказать одно – так обращали, что сами эти народы исчезли с лица Земли. Именно теми методами, о которых Феодосий князю толковал.

В следующем столетии в летописи мимоходом поминают некую женщину, родом «от князей сербских, с Кашуб, с *поморья варяжского*». Не Сконе или Рослаген – Кашубы называются варяжским поморьем! В новгородской «Кормчей книге» в конце того же столетия с варягов клятву брать рекомендуется не крестным целованием, а «оже будет варяг... крещения не имея, а будет има роте (языческая присяга. –

Л. П.) по своей вере». Выходит, в конце XII века большинство варягов еще некрещеные. А шведские крестоносцы в это время уже крестовыми походами на финских язычников ходят. Священники радостные над руинами столичного капища в Упсале кадилами машут. Норвежец Харальд Гиллекрист вокруг всей Европы в Палестину плывет, Гроб Господень у сарацин отвоевывать. Правда, по норманнской привычке, грабит по пути встречного и поперечного, не глядя на веру... но это так, к слову. В 1201 году в Новгородской летописи говорится, что пришло из Варяг посольство «Горой», то есть сушей.

Это чуть ли не последнее упоминание о варягах. После XII века этот народ почти исчезает из русских источников. С чего бы? Кончилась эпоха викингов? Так она сто лет как кончилась, а говорить о том, что словене-новгородцы на четвертом веке плотных контактов начали-де наконец выделять из безликих «варягов» свеев, доней-датчан и т. д., просто неприлично. Скандинавские народы отлично различал друг от друга – и от варягов – и киевский летописец XI века. Но именно в этом столетии очередное крестоносное нашествие добило последние оплоты государственности и религии прибалтийских славян, и об этом мы тоже поговорим.

Впрочем, в летописях изредка мелькают варяги в Литве и даже «дунайские варяги» в некоторых летописях. Никаких дунайских шведов, конечно, никогда не было. Зато на Дунае, по соседству с сербами и болгарами, согласно франк-

ским грамотам IX века, жил славянский народ, называвшийся точно так же, как жители юго-западного «угла» Балтийского моря – ободриты. Жители же некоторых новгородских деревень называли себя варягами до времен Екатерины Великой.

Не получается скандинавского происхождения летописных варягов. Может, с верингами саг – лучше? Веринги в сагах прежде всего связываются с Византийской армией. Вот что говорит «Сага о людях из Лососьей долины» о Болле Боллесоне: «Он провел там короткое время, как вступил в общество верингов. **У нас нет предания, чтобы кто-нибудь из норманнов служил у Константинопольского императора прежде, чем Болле, сын Болле**». Дело было в начале XI века. Сказано, согласитесь, очень ясно. Веринги уже есть, но Болле – первый норманн среди них. Тот самый Харальд Суровый, впоследствии – зять Ярослава Мудрого, которого наши шелкоперы походя записывают в «варяги», прославляется скальдом: «Ты так повернул дело, что менее стало верингов». По правилам северной поэзии это значит «истребил почти всех верингов». Видимо, после учиненной Харальдом резни дворцовую гвардию Константинополя называли «варангами» сугубо по традиции. Что-то вроде «швейцарцев» Ватикана или британской «Шотландской гвардии». Скальд славит Харальда за истребление верингов – ясно, что сам Харальд не веринг!

Есть еще одно упоминание о верингах, правда, вне тради-

ции саг. В титулатуре маркграфов Саксонских упоминается некая «марка Верингов», входившая в их владения в конце X века и начале следующего. Никакими шведами они, конечно, не владели. Их удел лежал все в том же, указанном Погодиным, «углу», а в указанное время в него входили земли...

Ободритов. В ободритский союз входило и на первых порах доминировало в нем племя вагров («Вагирская марка»), они же варги, они же варны, они же варины, они же...

Сколько еще нужно доказательств, чтоб признать очевидное?

Вот еще, напоследок – два свидетельства арабов, лиц, в варяжском вопросе предельно незаинтересованных. Масуди упоминает среди славянских народов Средней Европы «альварангабин». Димешки, говоря о «варанк» – варягах, называет их не просто славянами, а «саклаб ас-сакалиба» – наиславянейшие славяне, самые расславянистые славяне, славяне из славян. Словно для нас писал, для слепцов, упорно не узнающих собственных предков.

Я прошу прощения, читатель, за столь длинную главу. Но, согласитесь, происхождение героя многое значит. Это немало важно, кем он был – родственником, пусть дальним, приезжим или чужаком-оккупантом. А во-вторых, очень уж хотелось показать, на каком ошеломительно наглom пренебрежении к ясным данным огромного количества источников держится претендующий на звание теории норманизм. И насколько небезопасно слепо доверять мнению иных «уче-

НЫХ».

Итак, Святослав, точнее, конечно, Свентослав, но мы для удобства сохраним привычное произношение, как и произношение имени его отца, был варягом. То есть балтийским славянином из племенного союза ободритов, из племени русь.

3. Кто на море хозяин?

*И внезапно, где играют
Всплески белые прибоя,
Из-за мыса выбегают
Волнорезы Боривоя,
Расписными парусами
Море синее покрыто.
Развилось по ветру знамя
Из божницы Святовита.
Плещут весла, блещут брони,
Топоры звенят стальные,
И, как бешеные кони,
Ржут вольники боевые.*
А. К. Толстой, «Боривой»

Варяги – славяне? Славяне – мореходы, пираты и воители? Возможно ли это? С легкой руки славянофилов мы привыкли видеть в балтийских славянах-вендах несчастные, безответные жертвы агрессии злобных тевтонов, а никак не полноправных участников кипучей и зачастую кровавой жизни европейского Севера. На этой привычке, кроме

прочего, держится Магоматов гроб норманнизма. Варяги не норманны? А кто же? Про балтийских славян читатель, как правило, знает только то, что они жили на землях сегодняшней Восточной Германии, что их истребили или покорили немцы, что у них был храм Святовита в Арконе на острове Рюген и Сварожича в Радигоще... и то не всегда.

В 1913 году Велимир Хлебников писал в статье «О расширении пределов Российской словесности»: «Рюген, с его грозными Божествами, и загадочные поморяне, и полабские славяне... лишь отчасти затронуты в песнях Алексея Толстого». Что ж, Алексея Толстого я благодарю – эпиграфами в этой главе. Но дело не в нем, а в том, что и сейчас положение ничуть не изменилось по сравнению с пресловутым 1913 годом! Венды так и остались для читателя «белым пятном». Чуть ли не единственное серьезное исследование про них – «История балтийских славян» Гильфердинга – увидело свет в 1855 году и с тех пор было переиздано единственный раз, в 1994-м, микроскопическим тиражом, в мягкой обложке. Труды по истории России, где подробно рассказывалось про вендов – «Варяги и Русь» С. А. Гедеонова, «История русской жизни с древнейших времен» И. Е. Забелина, – не переиздавались вообще. Больше того, на спецхрановских экземплярах Забелина, на титульном листе, синел советский штамп «Запрещено».

Что скажешь, славно советская наука «боролась с норманнизмом». «Реакционер» Погодин – пожалуйста, «монар-

хист» Карамзин – в каждой библиотеке. А Гедеонов с Гильфердингом – под спудом. А Забелин – запрещен. Как тут дивиться живучести норманнизма! Дело, конечно, исключительно в его научных достоинствах...

Что ж, начнем, пожалуй, с торговли. Славянин в роли купца нам все же привычнее, чем в роли морехода-воителя. Кто не помнит Садко (не по былине, так по опере, не по опере, так по фильму) или Мизгиря из «Снегурочки»? Так вот, славянские купцы на Балтике отнюдь не плелись в хвосте у норманнов. Наоборот, клады серебряных арабских монет в славянской Прибалтике, по исследованиям В. Янина и Й. Херрмана, появляются с конца VIII века, а первые скандинавские клады датируются концом IX! То есть на сто лет позже. Уже из этого ясно, кто ворочал балтийской торговлей. А также и то, кто первым освоил путь из Балтики на Восток через Восточную Европу. И не зря Русь называлась Гарды, Гардарики – по-вендски-то, в отличие от скандинавского, «гард» значило вовсе не «хутор» и не «ограда», а именно «город»! На северо-западе Польши, на остатке вендского Поморья, до сих пор существуют Старгард, Новогард и Бялогард. А значит, и название Новгорода, и имя Киева, и название Константинополя – как вы помните, читатель, они все заканчиваются на «гард» – норманны впервые услышали от вендов. Средневековый торговый союз Ганза известен многим. Немногие обращают внимание, что состояли в нем бывшие вендские города, с названиями, не требующими перевода для славян, –

Бремен, Любек, Росток. И... Новгород. Да, Новгород тоже входил в Ганзу. Чем объяснить это странное объединение, если не вендскими корнями балтийской торговли, не связями, сложившимися еще до эпохи викингов? Один из торговых городов вендов, Волын в устье Одера-Одры монах Адам Бременский назвал «самым большим городом Европы»! Это писал монах *Римской* церкви, европеец, не питавший никакого пристрастия к закоренелым славянским язычникам. Что ж, не один век строился фундамент торгового благополучия вендов. И сохранился надолго, после гибели вендской цивилизации в пламени *Drang nach Osten* послужив фундаментом для здания Ганзы.

Господство славян-вендов в балтийской торговле оставило след и в скандинавских языках. Е. Мельникова насчитывает 12 славянских заимствований в них (напомним, что скандинавских в древнерусском – меньше). И большинство из них относится к торговле. Славянские купцы приезжали на торг (*torgh*) на лодьях (*lodhia*). Любопытно, что ни одно слово из богатейшего морского словаря норманнов в славянские языки не попало. У славян были свои слова для морского дела, появившиеся до эпохи викингов, в те времена, когда плавание легендарного конунга Хрольва Жердинки из Дании в Швецию было для скандинавов странствием на край света. Суда Олега Вещего летопись называет не «драккарами» или «кноррами», а «кораблями», от вендского *korab*. Впрочем, славянские купцы могли приехать и вер-

хами, в седлах (sadul) с высокими луками (loka), везя товар в седельных мешках – кош (katse). Приехав, они устраивались на лавах (lava) и извлекали безмены (besman) и товар: шелка (silki), вместе с арабским серебром приходившими с Востока, и соболей (sobel) из русских лесов. Их путь, тяжелый и опасный, пролегал через множество границ (graens), и купцы были рады после торга отдохнуть и закрепить сделку ковшом пива с хмелем (humle).

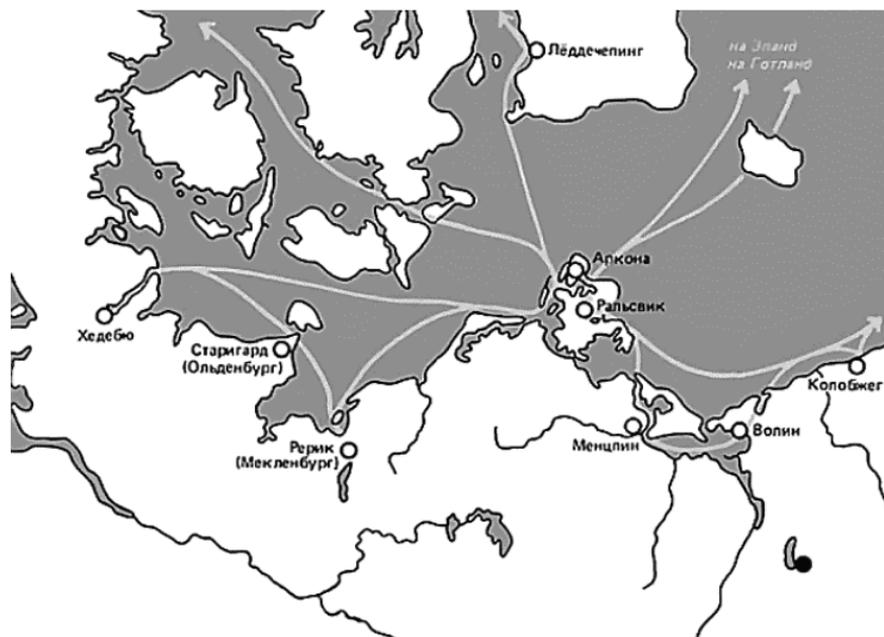
Однако есть еще одно заимствование, выбивающееся из нарисованной нами мирной картинки. Это слово – polutasvarf, полюдь, объезд с целью сбора дани. У скандинавов он назывался вейцла. Как же и зачем могло попасть к скандинавам еще и славянское название такой поездки? Неужели...

Неужели было время, когда по скандинавским землям разъезжали за данью люди, называвшие такие поездки полюдьем?

Именно это утверждает средневековый польский хронист Кадлубек. Он говорит о предании, по которому в древности славяне победили воинов «Даномалхийских» (Данемаркских, Датских) островов и предложили им, на выбор, или платить дань, или носить, в знак поражения и позора, женские длинные волосы, убранные в косы. Пока датчане колебались и выбирали, нетерпеливые славяне снова напали на них, завершили разгром и принудили и к тому, и к другому.

Конечно, перед нами народная легенда с изрядной долей

насмешки. Это насмешка над неповоротливостью, нерасторопностью датчан и вообще скандинавов. О ней в Европе ходит не меньше анекдотов, чем у нас – про «карья-ачих эсто-онских парне-ей». Кстати, по одному этому ясно, что «весьма проворные данаи» из рассказа Титмара Мезербургского про Киев могут означать никак не данов-датчан, а только действительно шустрых «данайцев»-греков.

Торговые пути балтийских славян – по крайней мере, их часть

Вторая цель насмешки – прически скандинавов. Сами

славяне, вопреки привычному нам образу «древнего славянина» с волосами до плеч и бородою лопатой, коротко стригли, а то и брили волосы и бороды. Знатные воины – лютичи у Титмара, польский князь Котышко – могли в знак высокого рода и воинской удали оставлять на макушке или на передней части черепа клоч несбритых волос, словно дразня врага: «Попробуй-ка, ухвати!» Арконский кумир Святовита имел обриту голову и бороду «сообразно народному обычаю», по словам Саксона Грамматика. Наоборот, жрецы носили длинные волосы и бороды «вопреки обыкновению». Длинные, часто убранные в косы, волосы и бороды скандинавов смешали славян.

Напротив, скандинавы считали постыдным и недостойным именно стрижку, тем более – бритье бород и голов. Из «Саги о сожжении Ньяля» узнаем, что «безбородый», брошенное в лицо мужчине, было смертельным оскорблением. Королевский любимец Аудун из «Пряди об Аудуне с Западных фиордов», обнищав в дольных странствиях, возвращается домой. «Голова у него бритая и вид довольно жалкий». Аудуну в таком облике стыдно и страшно показываться на глаза конунгу-покровителю.

Варяги-русь до крещения брили головы и бороды почти поголовно, как о том сообщают арабы и византийцы. Их Бог Перун изображался с «серебряными усами», а на миниатюрах Радзивилловской летописи – с воинским чубом на голове. Современник Крещения Руси франк Адемар Шабанский

писал: «Пришел в Россию некоторый греческий епископ... и заставил их принять обычай греческий относительно рашения бороды и всего прочего». То есть для русов X века отпустить бороду – чужеземный обычай, который не торопятся принимать даже крещеные князья. На монетах Владимира и Святополка, на печати Ярослава Мудрого, на миниатюре Святослава Изборника мы видим одни и те же лица с остриженной, если не сбритой бородой и густыми, зачастую очень длинными усами.

Но насмешки насмешками, а как понимать заявление о дани, которой венды обложили норманнов? Хвастовство? Но, как ни странно, норманнские саги говорят то же. В записанной в XIII веке в Швеции «Тидрек саге» повествуется о подвигах и завоеваниях «конунга Вилькина, славного победами и храбростью». Сей Вилькин – вождь и прародитель вилькинов. Так сага зовет вендский народ, известный по другим источникам как вильцы, велетабы, велеты, вельты, а нашим летописям известный как лютичи. Так вот, Вилькин этот «силами и опустошением овладел... Свитьодом (Швецией. – *Л. П.*) и Гуталандом (островом Готланд. – *Л. П.*), и всем царством шведского конунга, Сканией (Сконе, южный берег Швеции. – *Л. П.*), Скаландом, Ютландом (Данией. – *Л. П.*), Виндландом (землей вендов. – *Л. П.*), и всеми царствами, какие к тому принадлежат». Удивительно читать сообщения о таких головокружительных завоеваниях славян в скандинавских землях, да не где-нибудь, а в скандинав-

ской саге. Конечно, о завоеваниях в нынешнем смысле речь не идет. Скорее всего конунг, точнее, князь, а еще точнее – кнез, всего лишь ходил в эти земли набегами. Но все равно, размах впечатляет! И еще больше впечатляет, что сообщения саги подкрепляются иными источниками. Франкские хроники времен императора Карла и араб Масуди в один голос объявляют велетов самым сильным славянским народом, господствующим чуть ли не над всеми славянами Средней Европы. Средневековый Утрехтский летописец сообщает, что лютичи-вильты поддерживали тесный союз с фризами и саксами, имели колонии в голландских землях – города Вильтбург и Славенбург. В окрестностях этих городов до XIX века сохранялось немало славянских названий – Воденице, Бела, Камнь, Свята и т. д. Больше того, Утрехтский летописец сообщает, что лютичи вместе с саксами ходили на Британию еще со времен Хенгиста и Хорсы, с V века, и основали там город Вильтон и графство Вильтшир. Про те времена что-либо сказать трудно, но в VIII–XI веках лютичи не раз тревожили Англию набегами. Англы хорошо запомнили имя славянского Бога разрушения и мести – Чернобога, хоть и слегка переименовали его. Помните, у Вальтера Скотта, в «Айвенго», безумная старуха на стенах горящего замка кричит: «Ревет Зернебок!»? Хомяков в позапрошлом веке, Мавродин в прошлом писали о славянских погребениях в Англии, но подробностей не привели. Что за погребения, почему славянские, осталось неизвестно.

Но и этого достаточно. Народ, доплывший от Пенемюнде до Голландии и Англии, безусловно, мог ходить набегами на внутренние берега Балтийского моря, а то и облагать их данью. Подтверждает факт славянского присутствия в скандинавских землях и археология, причем именно там, где говорит о нем «Тидрек сага». Не обязательно все они принадлежат лютичам. Как самые свирепые пираты, славились в еще помнившей викингов Балтике XI века вагры-ободриты (последние отличились и на суше – в 1010 году князь Местивой предпринял конный поход... в *Северную Италию*) и руги с острова Рюген. Об этих последних подробный рассказ впереди. Вагры же постоянно терзали скандинавские земли набегами, превратив их в род спорта. Грозные датские викинги, обложившие англичан вошедшей в поговорку данью, штурмовавшие Париж, соседям-варягам ни малейшего страха или хотя бы почтения не внушали. В IX веке датские короли попытались огородить свой полуостров огромной стеной, так называемым Славянским валом. Помогло лишь отчасти. Варяги на десятках легких судов проникали в многочисленные проливы между Датскими островами и, возникая ниоткуда, обрушивались на города и селения. Более того, они стали сами селиться на них. Кольцевые укрепления на острове Лоланд считаются славянскими, как и крепость близ Соре в центре Зеландии, где найдена очень архаичная славянская керамика. Абсолютное большинство датских кладов содержит славянские вещи и даже зарыто в славянской посуде. Со-

хранилось множество славянских названий: Крамнице, Корзелице, Тиллице и Биннице (вот оно, новгородско-ободритское «цоканье»). А названия очень похожи на новгородские Зимятицы, Глобицы, Гостилицы).

Несколько славянских колоний обнаружено на Сконе и на острове Эланд у берегов Швеции. О стоявших там славянских дружинах говорит Саксон Грамматик, «Сага о Книтлингах» и археология. Крепость Экеторп на Эланде – типичное ободритское кольцевое укрепление. Здесь следует заметить, что большинство названий крепостей – позднейшие, данные уже руинам местными жителями.

Особенно же сильные следы славянского присутствия мы находим в Средней Швеции. Связи с южным берегом Балтики заметны уже в блестящей культуре, угасшей до начала походов на Запад и получившей название Вендельской (!). Наряду с явно скандинавскими сюжетами и героями, в вендельском искусстве часто мелькают фигуры, более уместные для славянской Прибалтики. Воины в шлемах, увенчанных изображением птицы (как у кумира Сварожича в Радигоще, главной святыне лютичей).

Саксон Грамматик, датский хронист

Лица мужчин с остриженными волосами и выбритыми

подбородками. Бьющиеся в сече всадники (в Скандинавии еще полтысячи лет спустя воин, *сражающийся* верхом, выглядел дико и внушал землякам суеверный ужас. Не зря Святovit, как верили славяне, верхом на белом коне *бьется* с врагами, а Один на знаменитом Слейпнире только ездит). По сагам заметно, что жителей округа Вендель, где находился центр этой культуры, прочие шведы считали за чужаков и честили «вендельскими воронами». Бирка, знаменитый торг эпохи викингов, тоже давала приют огромной славянской колонии. Это заметно по керамике, по погребениям, в том числе женским, с юбками поморской отделки и вышитыми славянскими рубашками, со славянскими лунницами, колтами и височными кольцами. Саги, кстати, Бирку не упоминают вообще – как Русь до Владимира, как почти не упоминают южный берег Балтики времен викингов. И, возможно, Людовик Благочестивый совсем не зря принял послов «народа Рос» именно за «свеонов».

Впрочем, словом «свеоны» с тем же успехом могли обозначать народец свенян у Волына и Узедома. Или, что еще более вероятно, «свеоны» – просто подцепленное у Тацита обозначение жителей островов на Балтийском море, которым ученый монах-летописец – а вовсе не Людовик – обозначил вендов? Называли же ромеи русов то скифами, то таврами. Тогда понятна и настороженная реакция Людовика. Если шведы до берегов Франкской державы просто не доплывали (там больше разбойничали норвежские и датские

викинги), то венды были опасными врагами. Не зря не шведам, не норманнам, а именно вендам император Карл запретил продавать мечи еще в 805 году.

Итак, археология согласна с «Тидрек сагой». Во всех перечисленных ею краях заметно сильное славянское присутствие, часто еще предвикингских времен. В эпоху викингов славянское присутствие на Балтике не стало менее ощутимым. Отнюдь. Матвей Парижский среди народов, обрушившихся в IX веке с севера на берега Франции, упоминает «вандалов». Средневековые книжники именовали вандалами именно вендов-славян. Адам Бременский между скандинавскими народами называет *sklavi* – славян. Знаменитые «лагеря викингов» – Аггерсборг, Треллеборг, Фюркат – выстроены по плану славянских укреплений Средней Европы, и в них находят славянскую керамику. В Треллеборге она даже преобладает. М. П. Погодин собрал внушительную выборку из средневековых авторов, позволяющую считать, что доля вендов в терзавших Западную Европу ватагах была весьма и весьма ощутима – до половины и более. И лишь наша привычка заставляет видеть в ватагах викингов исключительно природных скандинавов. Что до материальной культуры – мы в эту эпоху не можем уверенно судить о том, кто сделал ту или иную вещь. В Венделе, у колыбели скандинавского ремесла, стояли пришельцы с юга Балтики. Затем уже ремесло шведов и датчан оказывало влияние на вендов. Различия шли на уровне этнографических тонкостей, зача-

стую не оставлявших археологических следов (прическа, татуировки вендов и русов и отсутствие таковых у норманнов).

Разумеется, венды не ограничивались западным направлением походов. Мы уже говорили об их первенстве в торговле на Волжском пути, что не могло бы быть достигнуто без проникновения на Восток. И в самом деле, в устье Двины «Ливонские хроники» до XIII века знают народ вендов. Венды передали местным племенам ливов и латыгалов свои имена (Дабрела, Русин), и некоторые обычаи. Так, в тех же хрониках ливы гадают о жертвоприношении, вода священного коня Бога через скрещенные копья и глядя, левой или правой ногой он через них переступит. Именно так гадали венды о боевых походах в храме Арконы с белым конем Святовита, и в храме Щецини – на черном коне Триглава, и в Радигоще – с белым конем Сварожича. Так гадали потом девушки на Русском Севере, вода коня через сложенные во дворе оглобли, принесенные разными парнями, – через какую конь переступит да какой ногой, за кого замуж идти и хорошо ль за ним будет.

Дальше на восток за Рижским заливом лежала вендская торговая колония Колывань, будущий тевтонский Ревель, нынешний эстонский Таллин. А уж за ним, от чуди до «предела Симова», лежала Новгородчина, земля «людей от рода варяжска», «варягов мужей словенских», самая большая колония вендов. Не контрибуцией побежденных, а выплатами колонии метрополии была варяжская дань словен, кривичей

и мери. И кончились отношения колонии с метрополией так, как много раз до того и после того в истории: «и изгнаша варягов за море, и не даша им дани, и почаша сами собою володети». Иоакимовская летопись сохранила имена восточновендских Боливаров и Вашингтонов. Это князь Буривой и его сын Гостомysl. Впрочем, как уже говорилось, избавившись от метрополии, колонисты столкнулись с много более страшной опасностью, и уже Гостомysl завещал словенам звать варягов обратно. Об опасности этой мы еще расскажем подробнее...

Сейчас для нас главное – вывод. Балтийские славяне – варяги, венды – не были забитым племенем домоседов. Именно они первыми освоили Волжский торговый путь. Именно они господствовали не только в восточноевропейской, но и в балтийской торговле. Они ходили набегами на скандинавские берега Балтики и, возможно, обкладывали их данью. Их колонии располагались в Восточной Европе, в Эстонии, в Рижском заливе, на Готланде, в Швеции, Дании, южной Норвегии, Голландии и Англии. Их торговые города производили впечатление на европейских путешественников (помните – «самый большой город Европы»?), их дружины нисколько не боялись викингов, державших в страхе Западную Европу, и сами принимали активнейшее участие в их походах.

Да, не зря Балтийское море называлось Варяжским!

4. На острове Руяне, на синем Дунае: руги, русины, русы

*Посреди безмолвных пустынь
Остров бриллиантом горит —
Остров алтарей и святынь,
Солнечному свету открыт.
Сильный и счастливый народ
Там слагает гимны Богам...
Звезды опустил небосвод
К Божьего народа ногам.
С. Хатунцев, «Туле»*

С варягами мы разобрались. А русь? Что это был за народ, каково было его место в цивилизации воинов и торговцев Варяжского моря?

На самом деле даже если бы и происходило имя «русь» от скандинавского словечка «ротс», то это ничем бы нам не помогло. Разве только был бы повод считать русов соседями скандинавов. Вот имена «дулебы» и «эстонцы» германского происхождения, а «хорваты» и «мордва» – иранского. Но ведь нет и не было никогда германцев дулебов или эстонцев, иранцев хорватов или мордвинов. Дулебы и хорваты – славяне, а эстонцы и мордва – финно-угры. Тем паче что русы, как мы уже знаем, с самого начала считали свое имя именно племенным, а не «профессиональным». Не понимали его скандинавского – якобы – значения. И значит, в любом слу-

чае не были скандинавами.

Но не выходит ничего с тем самым «ротс», не может выйти. Мы уже знаем почему. Нет такого слова ни в каких источниках. Просто не существует. И по немецким источникам IX века выходит, что русы-купцы себя так, русами, и называли. Да и ибн Хордадбег, как мы помним, русских купцов «одним из племен славян» именует. «Они привозят товары из отдаленнейших областей Славинии». Это уже похоже на подсказку – то ли товары «из отдаленнейших земель», то ли сами купцы. И если верно последнее – значит, недалеко было отечество русов от владений халифов.

А похоже, что так оно и есть. Ибн Якуб пишет, что русы «нападают на прусов с запада». В XII веке немец Рагевин писал, что Польша ограничена с юга Богемскими лесами, с запада – Одрой, с востока – Вислой, а с севера – Балтийским морем и... русами. Все границы даны очень точно, надо думать, верно очерчена и северная. Итак, русы – это славяне, живущие к северу от Польши, к западу от Пруссии. Кстати, именно в этих краях располагают русов наш летописец и автор средневековой еврейской рукописи «Иосиппон». Опять же мы возвращаемся в «угол» Балтийского моря, указанный провидцем М. П. Погодиным. Мы на верном пути – именно здесь родина русов. Где же именно?

На помощь приходят арабы. Ибн Русте сообщает, что русы живут «на острове», который «покрыт лесами и болотами, нездоров (не забывайте, что пишет уроженец аравийских

пустынь! – Л. П.) и сыр до того, что стоит ступить ногой на землю, как она начинает колебаться из-за обилия в ней влаги». «Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен... Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. И нет у них недвижимого имущества, ни городов, ни пашен». Его соплеменник, Мукаддаси, писал в 966 году, что море, окружающее остров русов, «это крепость, защищающая их от нападений. Общая численность их достигает ста тысяч человек. И нет у них пашен и скота. Страна их граничит со страной славян, и они нападают на последних». Гардизи, подтверждая слова ибн Русте о полных влаги лесах и болотах и слова Мукаддаси о стотысячном населении острова, добавляет, что остров имеет размеры три дня пути и вдоль, и поперек. Глава русов, по сообщениям ибн Русте и Гардизи, носит титул «хакан-рус». Как мы говорили, хакан – титул императорский. Более того, на Востоке этим словом обозначали царя-жреца, священного владыку. Все арабы отмечают поражавшее даже их, людей Востока, гостеприимство русов, обитателей острова.

Итак, славянский народ, живущий к северу от поляков, к западу от прусов, на сравнительно небольшом, но густо заселенном («сто тысяч человек» на острове в «три дня пути в длину и ширину»!), невзирая на леса и болота, острове. Народ этот не занимается земледелием или скотоводством, но промышляет сбором дани, торговлей и военными набегами.

Исследователи много раз пытались установить месторасположение загадочного острова русов. Однако известен реальный остров, обладающий всеми свойствами описанной арабами родины русов. Он невелик – что-то около трех дней пути и с юга на север, и с востока на запад. Он был когда-то покрыт лесами и болотами. Ключевым признаком можно считать отсутствие на острове земледелия и в то же время множество жителей. Такая плотность населения вовсе не характерна для, скажем, Скандинавии или Северной Руси. Собственно, Скандинавия при поисках острова русов должна исключаться хотя бы по размерам, четко определяемым арабскими авторами. Его население «все Поморье славянское облагало данью, а сами никому дани не платили». Они, по словам Гельмольда, «пренебрегая всеми выгодами хлебопашества, всегда были готовы к морским походам, надеясь на свои корабли как на единственное средство к обогащению». Их правитель, по мнению Гельмольда, единственный из всех славянских правителей носит титул короля. Напомним, что королем с первых же дней западные авторы величают правителя русов. Гильфердинг, комментируя описание Гельмольдом и другими немецкими авторами, говорит о священном характере его власти. «Он, – пишет российский ученый, – может, даже и не назывался князем, а носил высший титул». Уж не титул ли кагана? Славянская традиция не знает титула выше. Именно каганами звали великих князей Киевских и Черниговских от Игоря до Святослава Ярославича,

а может быть, и до его сына Олега. Я далеко еще не перечислил всех параллелей между описаниями западными авторами этого острова и описаниями арабами «острова русов». Но уже кажется, что цитируются не просто описания одного и того же острова, нет – просто разные пересказы одного и того же описания.

Этот остров – остров Рюген. Племя, обитавшее на нем, звалось издревле ругами. И ругами же средневековые германские документы постоянно называют киевских русов! Напротив, житие Оттона Бамбергского называет жителей Рюгена *rutheni* – русины! Остров Рюген – по-славянски Руян – был главной святыней западных славян. Еще в XI веке на поклон к его главной святыне, четырехглавому кумиру Святовита, шли пилигримы из далекой, уже два века вроде бы христианской Чехии. Впрочем, популярность четырехликого кумира не исчерпывалась западными славянами – каменные кумиры о четырех лицах, смотрящих на все стороны света, обнаружены на Украине – один в селе Иванковицы, другой (это, пожалуй, самый знаменитый славянский кумир) – в реке Збруч. Бронзовый кумир Святовита найден в Рязани, в слоях, опаленных Батыевым пожаром. И даже в столице православной Болгарии, в Преславе, найден маленький костяной кумирчик, озирающий стороны света своими четырьмя ликами. Предполагают, что остров Буян, знакомый всем по пушкинской сказке и пришедший в нее из заговоров, где он – местопребывание Христа, Богородицы, святых, сменивших

в заклѣтьях православных ворожей древних Богов, – и есть Руян, Рюген. К нему, к его святыням, к храмам многоликих Богов в Арконе, Ругарде и Коренице, взывали неграмотные старухи-знахарки, сами не зная того. Здесь было средоточие всей веры, всего упования языческого славянства. И не только славянства – датский король Свейн жертвовал добычу в храм Арконы, а в самих храмах, кумирах и ритуалах ученые видят много общего с религией кельтов. Седая же древность спит на берегах Рюгена – она помнит друидов, уничтоженных Цезарем!

До какой степени доходило почтение славян к правителю священного острова, показывает Саксон Грамматик. Он поведал о случае, происшедшем во время одного из набегов ругов-русинов на соседей. Князь ругов, Яромир, напал на двоих воинов другого славянского племени. Сразил одного, но копье застряло в теле. Тут подскочил другой, замахнулся – и вдруг узнал правителя ругов. Вражеский воин бросил оружие и рухнул ниц.

Вот он, священный «хакан-рус»!

Очень показателен такой случай. Арабские авторы рассказывают о том, как «язычники, называемые русью» напали на Севилью в 844 году. Долгое время это сообщение было любимой игрушкой норманнистов. Конечно, на Севилью напали норманны, «кто же еще?». Ох, как служило норманизму замалчивание вендской цивилизации воинов-мореходов...

А потом, в семидесятые годы прошлого, XX века, археологи из ГДР нашли в городе Ральсвик на острове Рюген клад – свыше 2000 арабских монет. «Он относится к наиболее крупным и раннимкладам арабского серебра на Балтике», – пишет Й. Херрман, немецкий археолог. Младшая из монет клада датируется 842 годом. Наряду с привычным серебром Востока в клада лежали монеты арабской Испании. Вот куда привезли их «язычники, называемые русью».

Так чье же имя глушило на улицах горящей Севильи отчаянные призывания «Аллаха, Всемилостивейшего, Всемилосердного»? Одина? Или все-таки Святовита?

В том же Ральсвике найдено немало вещей из Восточной Европы – обломок пермского браслета, финские серебряные застежки. Какой народ в IX веке ходил набегами и на чудь, и на Севилью? Арабские авторы называют этот народ русами. А Ральсвикские клады показывают расположение этого народа, его до сих пор загадочного для историков острова. Это Рюген, Руян, Буян.

Здесь же, на Рюгене, в Хидензее (позднейшее немецкое название), находятся ближайшие типологические аналоги тем «громовым топоркам», которые наши археологи находят по русским курганам икладам, упорно именуя их «молотами Тора» и считая признаком скандинавского происхождения погребенного. Да, в Скандинавии встречалось нечто подобное, но наши-то топорки, как признают те же археологи, по форме ближе не скандинавским, а рюгенским находкам!

А почитание молота в насквозь славянской Белоруссии продолжалось до XIX века.

Описание Рюгена у западных авторов полностью совпадает с описанием «острова русов» авторами восточными. Немецкие документы называют «королями» только двух славянских правителей – владыку Восточноевропейской державы и правителя маленького островка у побережья Балтики. Напомню – правители Польши и Чехии для них всего лишь «князья»! Они же постоянно именуют ругами киевских русов и рутенами-русинами – жителей Рюгена.

Северин предсказывает юному Одоакру владычество над Римом

Любопытно, что руги-русы «отметились» и на материке. Еще во времена Великого переселения народов на верхнем Дунае, чуть южнее нынешней Чехии, процветало их королевство. Руги воевали с готами и с гуннами. Среди них проповедовал святой Северин, именуемый «апостолом ругов». Проповедовал, впрочем, без особого успеха. Он снискал уважение многих ругов праведной жизнью и мудростью. Те его черты, что прославили его как чудотворца и ясновидца – мы бы назвали их экстрасенсорными способностями, – тоже внушали ругам почтение, но это было почтение скорее варвара к колдуну, чем христианина к духовному отцу. Даже житие святого утверждает, что обратил он очень немногих.

Мы уже упоминали «Тидрек сагу». Так вот, ее главное содержание – жизнь и подвиги заглавного героя, Тидрека Бернского, исторического короля остготов, Теодориха из Вероны, Дитриха немецких преданий. Тидрек-Теодорих в саге союзничает с гуннами Аттилы и воюет с вилькинами-лютичами, пулинами-поляками и... русами. Где располагалась земля этих русов, говорит зачин саги: «Сага эта начинается в Апулии и идет к северу по Лангобардии и Венеции в Швабию, Венгрию, *Руссию*, Виндланд, Данию...» В саге очень точно показано расположение королевства ругов. А. Назаренко обнаружил в средневековых германских документах множество свидетельств пребывания в этих краях русов. Опять руги и русы отождествлены! И неспроста. Вражду Тидре-

ка-Теодориха с ругами крепко помнили не только германские и скандинавские саги, где он выступает идеальным героем. А. Хомяков в своей книге «Семирамида» упоминает, что в приодерских землях, бывших землях онемеченных славян, тех самых вилькинов-лютичей, с которыми враждовал Тидрек, Дитрих – не любимый герой, а страшный вождь полуночной Дикой Охоты проклятых душ. Даже онемеченные лютичи передали детям память о давней вражде с предком и героем германских господ. Память эта преодолела не только века, но и немалые расстояния – тот же Хомяков впервые обращает внимание, что в Первой Новгородской летописи, при рассказе о взятии крестоносцами Царьграда, упоминается, что один из вождей захватчиков – родом из Вероны, *«идеже бых поганый злый Дидрек»*. Издалека привезли руги-русы эту память, надолго сберегли. «Поганый злой» – характеристика явно эпическая (вспомните в былинах «поганый злой Калин царь») и явно не из германского эпоса. То есть не только другие отождествляли ругов и русов, но и сами русы помнили врага ругов – именно как врага.

Кстати, и в былинах сохранилась память о дунайской державе ругов. Под позднейшим слоем географии восточноевропейской «земли Святорусской» проглядывает другая. Та, где «земля ляховецкая» и «земля Поморьянская» – ближние соседи, кумовья и родичи, притом, что Волынь и Подолье – какое-то тридевятое царство с чертами иного мира. Та, где

богатыри охраняют Киев со стороны «степей Цицарских» – то есть Австрийских. Та, где Киев почему-то стоит на Дунае, а сам Дунай протекает от крови заколовшегося под Киевом Дуная-богатыря. Заметьте – нет былин о рождении Днепра или Волги. Есть только былина о рождении Дуная. Илья Муромец «служит королю Тальянскому» и приживает в «земле Тальянской» дочь. В «Тидрек саге» тоже упоминается дочь русского богатыря Ильи, и она тоже едет на Русь из Италии. Совпадение? Пусть математики просчитают вероятность.

Впрочем, тема происхождения былин, их связи с варягами-русью, их языческой древности – совершенно особая тема. Я надеюсь посвятить ей не абзац, а книгу. Пока же заметим – в русском эпосе есть детали, которые трудно толковать иначе, чем память о королевстве ругов на дальнем сине-м Дунае.

В русских летописях, кстати, славян «отчего-то» выводят из земли Норик. Но именно на остатках этой римской провинции основали вожди пришедших с Рюгена ругов свое королевство! Опять случайность?

А может, легче признать случайностью одно-единственное причисление послов «народа Рос» к «свеонам»? Впрочем, мы уже говорили – даже этого не требуется, чтоб отнять у норманнистов их единственную серьезную опору. Что до «различения» славян и русов источниками – мы уже говорили, что так же «различали» готов и германцев. Естественно, что в глазах арабов и византийцев балтийские пришельцы

на фоне привычных им юго-восточных славян смотрелись несколько чужеродно.

Возникает вопрос – а кто же эти руги-русы? Славяне ли они? Многие исследователи, даже признающие тождество русов с ругами, сомневаются в славянстве последних. Ведь ругов на Рюгене упоминает еще Тацит во II веке. А сейчас принято считать, что славяне возникли в VI и ранее говорить о них нельзя. Потому как-де именно в VI веке византийские и римские историки упоминают славян.

Не знаешь, смеяться или плакать. Эти самые римские историки – Иордан, например, – говорят о славянском народе антов в IV веке. Армянин Мовсес Хоренаци, писавший в V столетии, упоминает славян-«скалаваци», на что указывал еще *норманист* Карамзин. Наконец, на карте Европы Птолемея, современника Тацита, кроме отдельных славянских племен вроде вельтов (велетов, лютичей), упоминаются «суовене», в которых не так уж трудно узнать словен. Но «неонорманисты» заморожены апокалиптической, каббалистической аурой шестерки – в VI, и точка! А если источники несогласны – тем хуже для источников.

И самое главное – что за дикий метод отсчета – от первого упоминания общего названия группы родственных народов в иноземных источниках? Тогда тевтоны – не германцы, потому что грек Пифей упоминает их за два века до первого упоминания слова «германцы» Юлием Цезарем. Тогда хунну, штурмовавшие Великую Китайскую стену во II веке до

н. х. л., не могут быть монгольским племенем, потому что имя монголов в источниках впервые появляется в X веке. И так далее, и тому подобное. Но пока единственным народом, к которому применяют эту странную систему датировки, являются славяне. Уж не готовят ли нас исподволь к принятию, вслед за Европой и Америкой, веры в «пришедших из степей» славян, косматых «кубратов», не умеющих возделывать землю, и «венделей» с каменными топорами? Мы уже много «общечеловеческих ценностей» приняли – может, и для этой наступает пора?

Руги вполне могли быть славянами уже во времена Тацита. Но для нас много важнее, что они заведомо были славянами во времена Рюрика.

Стоит заметить еще два обстоятельства. Во-первых, по соседству с дунайскими владениями ругов и жили те самые дунайские ободриты. Очередная «случайность»? Или этот народ пришел сюда вместе с ругами от балтийских берегов? Но, однако же, какая крепкая связь – ободриты-варяги и руги-русы соседствуют на Балтике, ободриты – «дунайские варяги» – рядом с ругами на Дунае, и в Восточную Европу они приходят как «варяги-русь». Прямо гумилевская «комплиментарность» какая-то! Любопытно и вот еще что – у славян Югославии, неподалеку от тех мест, где проживали ободриты, сохранился обычай наносить на руки татуировки в виде солярных символов и деревьев. Эти татуировки обнаружили, исследовали и обнародовали австрийские ученые конца XIX

века, Леопольд Глюк и Чиро Трухелка. Но ведь именно такие наколки видел у русов ибн Фадлан! Что, очередная «случайность»? Между прочим, ни скандинавы эпохи викингов, ни древние германцы татуировки не знали. И гот Иордан рассказывает об обычае бриттов «клеить свои тела железом», говорит о нем с явным недоумением и отчуждением – мол, чего только не бывает! А вот у славян есть еще один пример, к тому же тоже из дунайских земель. Моравская княжна Дубровка – та, что совратила польского князя Мешко в христианство, – была, видать, большой поклонницей тату. Она даже в дорогу брала с собой набор татуировальных игл.

Здесь нужно сказать вот что: вполне возможно, что именно Дунайская земля рогов хранит разгадку слова «варяги». Дело в том, что еще Костомаров заметил, что северное «веринги» – словно калька-перевод с римского «федерат» – союзник. Только объяснил это совершенно неудобосказуемым образом: дескать, скандинавы («кто же еще?!») плыли славянскими землями в Византию, там получали звание федератов и славянскими же землями ехали назад, сами себя уже верингами называя. Я привел достаточно фактов, чтоб обнажилась несостоятельность такого объяснения. А со стороны логической оно вообще ни в какие ворота не проходит. Почему к скандинавам прилипло то название, которым они на обратном пути себя называли, а не то, под которым в Византию ехали? И кто называл во Втором Риме норманнов «федератами»? Наемниками они там были – как и славяне,

впрочем, как и иные варвары. Византийское право вообще этого слова не знает. Оно из более древней эпохи.

Из Рима. Из самого первого Рима Олимпийских Богов, Божественных Цезарей и орлов над непобедимыми легионами.

Руги не сами оказались на Дунае, в римской провинции Норик. Их пригласили туда римляне в качестве... федератов. Союзников и защитников от других варварских племен и народов. Вот именоваться федератом-союзником-верингом великого Рима было почетно. Настолько почетно, что народ мог взять себе это слово в качестве имени. «Смотрите, дикари из трясин и чащоб! Мы – не вы, мы – федераты, мы – веринги!» Вполне возможно, кстати, что это самосознание спустя века толкнуло ободритов на союз с другой империей, Франкской, претендовавшей на звание наследницы Рима. Между прочим, в том самом городе Волын, «самом большом в Европе», как святыня хранилось копьё... Юлия Цезаря. Конечно, руги и ободриты стали римскими верингами через века после смерти основателя империи. И копьё было наверняка обычным копьём-пилумом обычного легионера, которое какой-нибудь римский чин под красивую сказку про «оружие Божественного Юлия» подарил онемевшему от счастья вождю рогов-федератов. Впрочем, римлянам их хитрости аукнулись. Варварский вождь Одоакр, убивший последнего императора Рима, Ромула Августула, и, так сказать, официально закрывший тем самым Римскую империю,

был именно ругом. Помня его убийцу, «злого поганого Дидрека», русы помнили и его самого.

В обращении к запорожцам писарь Богдана Хмельницкого Самийло Зорка упоминает как общеизвестного героя «Одонацера» – и с ним же в надгробной речи сравнивает самого гетмана. А ведь слушатели его были в большинстве своем люди не то что не сильно начитанные, но и вряд ли просто грамотные. Слово «веринг» же прекрасно объясняется именно как «союзник» и из славянских языков. Если же читателя насторожит «германский» суффикс «-инг», могу напомнить – балто-славянское племя, которое наши летописи зовут ятвягами, поляки называли «ядзвинги». В племенной союз полабов, живших по соседству с ободритами, входило племя смельдингов. О славянах Пелопоннеса, милингах, мы уже говорили. Впрочем, вся эта этимология и история слова «варяги» суть мое предположение, не более того, и я его не очень ценю. Одно могу сказать – при всей гадательности оно, по крайней мере, не находится в прямом противоречии с источниками, в отличие от привычных «обобщенных названий скандинавов» или «присягнувших вождю дружинников».

Монета Одоакра

Итак, остров Рус, Руян, Буян, Рюген, главная святыня славянства. Что было логичнее для ильменских словен, чем воззвать именно к его обитателям из кровавого безвременья усобиц? Защищаясь от нечисти, их потомки и спустя тысячу лет обращались к силам, обитающим на священном острове. И подданные Гостомысла могли обратиться к ним, дабы изгнать со своей земли бесов смуты и братоубийства и спастись от вовсе уж чудовищного порождения тьмы, подступавшего к их землям с юго-востока.

На их призыв откликнулись. Но кто? Кто он, вождь пришельцев, основатель державы и родоначальник государей, семь веков правивших ею?

5. Сокол прилетает из-за моря

*Птица вскинется,
Как из ножен меч;
Где отыщется
Тот, кто оберечь
Сможет Солнца луч
Средь безвременья?
Велеслава, «Катища»*

Сейчас очень и очень многие авторы ставят у истоков русского князьего рода Рорика Ютландского. Стоит здесь пересказать его биографию, объективности ради – в изложении большого приверженца этой версии, Г. В. Вернадского: отец Рорика, «из клана Скьелдунгов, был изгнан из Ютландии и принял вассальную зависимость от Карла Великого, от которого получил около 782 года Фрисланд в ленное владение. Рорик родился около 800 года. Его детство прошло в беспокойном окружении, поскольку отец, а после его смерти – старший брат постоянно вели войну с правителями, захватившими власть в Ютландии. В 826 году или около того старший брат Рорика Харальд, которому удалось захватить часть Ютландии (но позднее он был изгнан оттуда), принял покровительство Людовика Благочестивого и был окрещен в Ингульгейме, возле Майнца.

После обращения Харальда император даровал ему в ленное владение район Рустринген во Фрисланде. Рорик имел

в нем свою долю, а после смерти Харальда стал владыкой всего лена. Еще при жизни Харальда оба брата яростно воевали, чтобы защитить свои земли от нападений со стороны короля Дании, а после смерти Людовика положение Рорика стало довольно ненадежным. Согласно Верденскому договору (843 г.), Фрисланд был включен в долю империи, доставшуюся Лотарю, и получилось так, что Рорик утратил свой лен. На протяжении следующих нескольких лет Рорик вел жизнь искателя приключений, участвуя в набегах как на континент, так и на Англию. В хрониках тех лет он стал известен как «язва христианства». В 845 году его корабли поднялись вверх по Эльбе, и в том же году он совершил набег на Северную Францию. В 850 г. Рорик спустил на воду флот в триста пятьдесят кораблей, с которым он грабил прибрежные районы Англии. В последующие годы он направил свое внимание на устье Рейна и Фрисланд. Лотарь был вынужден пойти на компромисс и возвратил Фрисланд Рорику на том условии, что он будет защищать побережье империи от других викингов». В 854 году непостоянный сюзерен Рорика вновь отнял у вассала Фрисланд, даровав взамен другой лен в Ютландии. В 869 году Рорик неудачно пытается вновь отнять Фрисланд с помощью датчан, в 869 году, после смерти Лотаря, отправляется к его брату Карлу Смелому и обещает поддержку в назревающей междоусобице (небезвозмездно, разумеется). В 873 году Рорик получает назад свой вожделенный Фрисланд и с тех пор исчезает со страниц Франкских

хроник.

Я привел эту длинную и малоинтересную биографию единственно для того, чтобы спросить читателя – что, кроме созвучного имени и эпохи, может связывать этого персонажа с основателем русского княжьего рода? Прежде всего, просто непонятно: когда он мог бы найти время и силы для княжения в Ладоге? Обратите внимание, с каким цепким упорством он сражается за земли, уступающие по размерам самой маленькой пятине Новгорода. Неужели владыке Ладоги, Изборска и Белоозера, князю, чьи наместники сидели в Полоцке, Ростове, Муроме, Суздале, человеку, контролировавшему земли, не уступавшие по площади самой державе Лотаря («земля наша велика и обильна»), была бы так нужна крохотная Фрисландия? А если была нужна – неужели ему было бы так трудно ее взять? Знаменитый Рагнар Кожаные Штаны, правивший сравнительно небольшим островом Зеландией, брал приступом Париж и раздавал сыновьям земли в Англии. Что мог бы вождь вроде Рагнара, за спиной которого стоял бы не каменистый остров, а «земля велика и обильна» на Волжском торговом пути, – трудно себе представить. Он взял бы Фрисландию, как срывают с ветки спелую грушу.

Кроме того, что в этой теории может привлечь норманиста? Ведь Рорик – дан, дан до мозга костей, дан, начиная с имени. Имя это принадлежит исключительно роду Скьелдунгов. Оно такое же датское, как Стоян – болгарское, а Бо-

леслав – польское. Шведских конунгов с таким именем просто не было. А значит – прощай, финское «Роотси» и послы «народа Рос» из рода свеонов. Рвется вообще тонехонькая ниточка, которой русов привязывают к Скандинавии. Да ведь Рорика с братом лично знал тот самый Людовик Благочестивый, что принимал тех послов! В 839 году Рорик с братом смирнехонько сидит в Фрисландии да отбивается от датчан – а «каган» «народа Рос» рассылает посольства по дворам Византии и Франкской империи.

Где братья Рюрика? У Рорика лишь один брат, к тому же старший. Летописи же единодушно называют Рюрика старшим из трех братьев. Правда, норманнисты, и старые, и «новые», этих братьев очень не любят. Уж больно у них имена не скандинавские – что у Трувора, что, в особенности, у Синеуса. Поэтому еще Байер в XVIII веке придумал «объяснение», которое безоговорочно принял и повторил без изменений маститый советский «борец с норманнизмом» Б. А. Рыбаков: мол, имена братьев Рюрика есть скандинавские фразы «sine huse» – свой дом – и «tru var» – верная дружина. «В летопись попал пересказ какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика, а летописец, плохо знавший шведский, принял традиционное окружение конунга за имена его братьев», – писал Борис Александрович. Так и хочется спросить – какого еще сказания? Где оно, это сказание, если буквально все саги хранят мертвое молчание о восточноевропейской Руси до времен Владимира (рискну предположить –

только в это время скандинавы, по проторенной вендами-варягами дорожке, начали проникать на Русь)? И почему сказание – *шведское*, если Рюрик – *датчанин*? И почему летописец не смог перевести именно эти, не такие уж сложные, слова из неведомого «сказания» – и в то же время пишет, что братья пришли «со своими родами и взяли с собой дружину», то есть *переводит-таки* якобы непонятые им слова? И с каких это пор «*var*» (обет, клятва) означает дружину?

О многом хотелось бы спросить покойного академика. Но не будем – варяжский вопрос не был его сильной стороной. Другие же официальные «антинорманнисты» были ничуть не лучше. Так и хочется сказать – именно благодаря такой «борьбе» норманнизм и существует до наших дней!

Нельзя пренебречь и тем соображением, что северные славяне, по летописи, хотели найти князя, «*иже бе владел нами и рядил ны по праву*». Это «по праву» очень важно. У изгоя-наемника Рорика Ютландского не было и не могло быть никаких прав на власть над вендскими колонистами в Восточной Европе.

А был ли Рюрик? Сейчас так ставят вопрос не противники норманнизма, а иные его сторонники. То есть нельзя доказать, что Рюрик скандинав, – заявим, что его вовсе не было. Но что тогда остается от всей варяжской легенды? Что вероятнее – приписывание реальному герою того, что он никогда не совершал, или обвинение в имевшем место происшествии вымышленного персонажа? Конечно, маленькая девочка мо-

жет приписать ночной скрип половиц в коридоре страшно-му буке; но маленькие девочки обыкновенно не пишут летописи. Взрослые же люди чаще приписывают реальному лицу дела, которые он не делал, – плохие (клевета), хорошие (лесть) или нейтральные (вранье). Проще говоря, если не верить в Рюрика – во что в этой истории вообще верить? Если Рюрик выдумка, то с тем же и даже большим успехом можно обратить в выдумку и сам приход русов (кто бы они ни были) с Варяжского моря. И тогда от норманнизма опять-таки ничего не остается.

Поэтому будем все-таки исходить из того, что летопись писал печерский чернец, а не барон Мюнхгаузен. Но даже в этом случае мы не много сможем извлечь из нее сведений о конкретной родине братьев-варягов, не говоря уж про их биографии. Вот разве что имена...

Имена младших братьев Рюрика тут нам не помощники. Во-первых, одно из них – явное славянское прозвище, и прозвище взрослого человека. Кстати, прозвище это не так уж фантастично, как может показаться. И дело даже не в сказочном герцоге Синяя Борода и не в реальном викинге Торире с тем же прозвищем. В древнерусском языке слово «синий» обозначало совсем не тот цвет, что сейчас. Вспомните «синие молнии» и «синее вино» «Слова о полку...». Второе, наоборот, слишком непонятно, чуждо и славянским, и скандо-германским корням. Можно, конечно, сблизить его с названием древнего племени треверов в Средней Европе или с

именем краинца Трубера (в некоторых летописях брата Рюрика зовут Трубор), но ясности это не внесет.

Ясность вносит имя «старейшего» брата. Подобные имена мы встречаем у поляков (Ририк), у чехов (Рерик), но больше всего в том самом «углу» Варяжского моря, куда нас снова и снова приводит поиск истоков Руси. Там мы встречаем не только онемеченного славянина Петера Рерига. Там речка Рерик. Там город Рерик – ныне Мекленбург. Там целый народ рериков. Собственно, это одно из его названий. А другое...

Ободриты.

Прикажете опять считать совпадением? Ну раз, ну два, так ведь не постоянно же! «Случайно» летописец не упомянул сильнейшее славянское княжество Полабья, «случайно» поместил своих варягов на занимаемое им место. «Случайно» приписал происхождение от этих варягов новгородцам с их ободритской речью, ободритскими черепами, стрелами, посудой, стенами Детинца и хлебными печами во дворах. «Случайно» Феодосий приписывает «латинам» в варяжской стране дела, которые они тогда творили в землях ободритов. «Случайно» «марка Верингов» включала в себя ободритские земли. «Случайно» пересеклись на Дунае пути рогов – верингов-федератов Римской империи, летописных «дунайских варягов» и ободритов. И вот, наконец, имя первого варягорусского князя «случайно» совпадает с другим именем ободритов и названием их столицы. Тут самый тупой Лест-

рейд насторожился бы.

Сколько можно пренебрегать фактами, нагло обвиняя оппонентов в «незнании источников» и «игнорировании» их «прямых сообщений» («Держи вора!»)? Но фактам, этому «воздуху науки», нет доступа под крышку Магомедова гроба. Норманнизм в «воздухе науки» не нуждается.

Выводы? Выводы делайте сами, читатель.

Рерик не бессмысленное заимствование или наследство прежних, неславянских хозяев края. На западнославянских языках рарог, рерик – Сокол. На Руси, кстати, были и крепость Сокол, тезка столицы ободритов, и речка Сокол. А что естественнее для нашего эпоса, для былин и баллад, чем наречение князя, витязя – соколом? Это так же естественно, как для норманнского скальда величать воспеваемого героя «евур» – вепрь. Вот этого эпитета в наших былинах не встретишь. А в языке скальдов редко встречаются упоминания сокола. В основном либо в иносказательных названиях – кеннингах – женщин, связанных с соколиной охотой, либо в кеннингах ворона («сокол Одина», «сокол трупов»). И лишь один раз скальд Гутхорм Синдри, славя своего конунга, Хакона Доброго, упомянет, что тот попирали «вендского сокола». А перед тем говорится, что конунг «убивал викингов, где их только ни находил, как датчан, так и вендов». Это ведь только для наших ученых викинг и скандинав синонимы. Саги, как видим, так не считают. Среди викингов они знают немало вендов.

Символ Рюриковичей на подвесках

Между прочим, «герб» Рюриковичей, знаменитый «трезуб», ныне ставший государственным гербом самостоятельной и независимой Украины, тоже, по мнению профессора О. М. Рапова, изображает охотящегося сокола. О том же пишет В. В. Хлебов в книге «Предвестники викингов».

Насквозь пронизано соколиной символикой «Слово о полку Игореве». Вот Игорь идет походом по половецкой степи к приморской Тмутаракани: «Уже далече залетел сокол, птиц бия, – к морю!» Вот бояре говорят Святославу Киевскому, что «два сокола слетеста с отня злата стола поискати града Тьмутараканя», – это Игорь с братом Всеволодом – и были пленены. Вот сам старый князь уподобляет себя немолодому, «въ мытехъ», соколу. Игорь из плена «соколомъ полете». Гзак с Кончаком, преследуя Игоря, говорят о нем как о «соколе», а о его оставшемся в плену сыне – как о «сокольце». И почти везде сокол служит обозначением князя.

Потомка Рюрика. По подсчетам В. П. Адриановой-Перетц, сокол упоминается в «Слове...» – и только в этом смысле – почти двадцать раз!

Единственное место в «Слове...», где сокол вдруг становится враждебной фигурой:

Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо, далече залетело!

Не было оно обиде порождено ни соколу-кречету,
Ни тебе, чръный воронъ, поганый половчине!

Если «ворон» – это половчин, то кто же «сокол-кречет», обид от которого не собиралось терпеть «гнездо» Олега Святославича Черниговского? Сильнейшим врагом всех Ольговичей и лично Игоря (после одной из битв с ним Игорь был вынужден спастись бегством в одной лодке с... ханом Кончаком!) был потомок Владимира Мономаха...

Рюрик Ростиславич!

Случайность? Которая по счету?

На Руси это имя носили не только князья. Есть серьезные основания полагать, что языческим именем крещеного варяга Шимона Африкановича, покровителя и, говоря современным языком, спонсора Киево-Печерского монастыря, было именно Рюрик. Отсюда во Владимире, куда переехал сын Шимона Георгий, возникли легенды о «князе Рюрике Африкановиче». Показательно христианское имя варяга. И русские (Семен), и скандинавы (Симун) произносили это имя

через «с». Зато в Польше и Чехии до сих пор можно услышать именно «Шимон». Отчего это варяг носит *западнославянскую* форму христианского имени?

Западные хроники знают Драговита-Дражко Ререка, сына ободритского князя Витцана (он же Видсид – ох, не попало это имечко в наши летописи, то-то был бы, на радость петрухиным, «норманн»!). Судьба его трагична. В 810 году датский король Готрик (или Готфрид, не у одних славян в именах разночтения) напал на ободритов в союзе с лютичами. Междоусобицы, вечная язва славянства! Стольный Рерик был взят и сожжен, жители торгово-ремесленного посада угнаны в Хедебю, который после этого приобрел славу крупнейшей ярмарки и ремесленного центра... «Скандинавии эпохи викингов». Сколько ж «типично скандинавских» вещей, сработанных руками полонян-ободритов и их оставшихся дома сородичей, украшает музеи скандинавских стран и служит доказательством «норманнского присутствия» за пределами Скандинавии? Справедливости ради надо заметить, что за несколько лет до того ободриты спалили Хедебю, но никого вроде бы оттуда не угоняли. Сам Дражко Ререк прорвался через осаду со своими людьми, но его брат Годелайб (Годслав? Годолюб?) попал в плен и был принесен в жертву Одину – повешен. Вскоре в городе Волын смерть от руки убийцы настигла самого Драговита. Впрочем, его сын Сидраг не остался без удела – вскоре ободриты свергли захватившего княжеский престол Славимира и пригласи-

ли на княжение Сидрага Дражковича. А вот о сыновьях Годелайба хроники молчат. Видно, они обрели свой удел где-то вдали от родной земли.

Символ Рюриковичей на монете

Но если молчали франкские хроники, то родовые предания и родословные немецкого дворянства из онемеченных славян сохранили память об участии детей Годелайба. «Годелайб, коего дети неизвестны, то оному Рюрика, Трувара и Синава причли», – писал в свое время Татищев. Фридрих Хемниц и Иоганн Хюбнер, знатоки геральдики и генеалогий, тоже писали, что отцом братьев-варягов был именно Готлейб-Годелайб. А французский путешественник Ксавье Мармье даже записал и опубликовал в первой половине XIX века мекленбургское предание, которое следует привести це-

ликом:

В VIII веке народом ободритов-рериков правил князь Годлав. У него были три сына, сильных и храбрых, жаждущих славы: Рюрик Миролюбивый, Сивар Победоносный и Трувар Верный. Так как они не могли испытать себя на родине, братья отправились на Восток, где прославились в битвах. Они приходили на помощь к угнетенным, совершили много подвигов в «страшных боях», а затем пришли в Руссию. Русский народ в это время находился под игом «долгой тирании, против которой больше не осмеливался восстать». Братья вдохнули в него мужество, возглавили собранное войско и уничтожили власть угнетателей. После того как мир и порядок в Руссии были восстановлены, братья решили вернуться домой, к отцу. Однако освобожденный от гнета народ упросил их остаться и взять на себя бразды правления. Рюрик получил в управление Nowoghorod, Сивар – Pleskow, а Трувар – Vile-Jezogo. Примечательна эта древнерусская форма названия Пскова – Плесков! Вряд ли такую деталь могли выдумать в далеком Мекленбурге.

Конечно, это легенда, и легенда во многом приукрашенная. Не благородными искателями приключений в стиле времен самого Мармье были братья, а изгнанниками из разоренной врагом земли. Вряд ли они собрались возвращаться «домой, к отцу» – их отец был давно мертв, дом – лежал в руинах. Но привлекает внимание сообщение о «тирании», господствовавшей над восточнославянскими землями. В те

времена еще впереди были и находки «письма царя Иосифа», и «Кембриджского документа», и публикация ибн Фадлана и Масуди, и исследования М. Артамонова и С. Плетневой. Все, что дало основание историкам конца XX века говорить о том двухвековом и, пожалуй, самом страшном в нашей многострадальной истории, иге. По крайней мере, самом страшном до XX века. Когда для половины восточных славян закрывали солнце логова-крепости из белого камня на их границах, когда чудовищная дань обескровливала славянские земли, когда половина княжеских родов была истреблена поголовно, без малейшего потомства. Впрочем, и здесь легенда, как водится, упрощает дело. Братья-варяги лишь принесли надежду, они показали, что есть сила, способная противостоять угнетателям, а покончили с «тиранией» их преемники и потомки, последний же удар нанес наш герой. Мы не будем здесь говорить об этой тирании – про нее подробно рассказывается в следующих главах. Но само упоминание о ней делает мекленбургскую легенду достоверной.

Несправедливо будет, рассказав об отце пращура Святослава, умолчать об его матери. Согласно вошедшему в Иоакимовскую летопись новгородскому преданию, матерью Рюрика стала Умила, дочь Гостомысла. Ее отцу однажды приснилось, что из чрева дочери выросла огромная яблоня, осенившая ветвями все славянские земли, и люди отовсюду приходили укрыться в тени ее ветвей, вкушать сладких яблок. Вещуны предрекли Гостомыслу – потомки дочери бу-

дуг обладать его землей и многими другими землями, став основателями могучей державы. Так и произошло. Эта легенда имеет точное подобие по ту сторону Варяжского моря. Современник Гостомысла и Рюрика (кстати, Гостомысл фигурирует в древнейших летописных текстах, упоминается в западных хрониках, известен даже год его смерти – 844-й), конунг одного из норвежских племен-фюльков, Хальвдан Черный, был женат на вестской женщине Рагнхильд. Ей однажды приснился сон, будто из ее платья выпадает иголка, превращаясь в прекрасное дерево, накрывшее ветвями всю Норвегию. Сын Хальвдана и Рагнхильд, Харальд Прекрасноволосый, стал первым королем всей Норвегии. Такое сходство легенд лишний раз показывает родство народов и общность культур народов Балтики эпохи викингов, и безнадежность поисков «заимствований» там, где речь следует вести об общих корнях.

Эта легенда заслуживает гораздо большего внимания, чем биография наемника из Ютландии. Но, точности ради, надо заметить немалую сложность с хронологией. Годелайб погиб в 810 году. Даже если Рюрик с братьями и были тогда совсем малышами, к концу IX века, когда родился Игорь, они, особенно «старейший» Рюрик, должны были быть глубокими старцами. Этот вопрос вызывал сомнение у многих исследователей. Как уже говорилось, многие предпочли пойти по пути наименьшего сопротивления – объявить Рюрика с братьями легендой, мифом. Конечно, так проще. А еще про-

ще вообще не заниматься историей. Мы не пойдем этим путем. Выскажу свое предположение, читатель, – Рюрик Годеслайбович, призванный княжить в Ладогу, и Рюрик, дед нашего героя, не одно и то же лицо. Это могли быть отец и сын или даже дед и внук. А имя, напоминавшее о родине, могло быть титулом, символом принадлежности к династии правителей Рерика-города. И тогда этот титул можно просто перевести как «Сокол». А Игорь Рюрикович – как Игорь Сын Сокола. Не отчество, а титул. Впрочем, читатель, это опять-таки только мое предположение, и вы имеете полное право не соглашаться с ним.

Но согласились вы или нет – добро пожаловать в державу Сынов Сокола, созданную на восточноевропейских просторах выходцами с острова Руяна, варягами из племени русь.

Боги и люди Руси

*Излечиться от липкого света луны,
Вспомнить истинный свет, что не тронут еще
зеркалами,*

*Станут руны видны, станут Веды слышны
И взметнется костров очистительных пламя.
Разудалая братина круг обойдет,
Ярой силы полна, зашумит богатырская
страда.*

*Снова посолонь будет ходить хоровод:
– Слава Предкам! – и эхом откликнется: –
Слава!
Светобор*

1. Русская вера

*Пусть на твои дороги
В забытый вертоград
Языческие Боги
С улыбкой поглядят.
С. Наровчатов, «Василий Буслаев»*

Нельзя писать историю людей, не упоминая об их вере. Абсолютное большинство веков, прожитых человечеством на планете Земля, человек во всех делах своих, и в малых, и, в особенности, в великих, руководствовался соображени-

ями религии. Впрочем, руководствуемся религиозными соображениями и мы, только религия нашего времени – тайная. Как большинство тайн, особенно общеизвестных, она постыдна и неприятна. Поэтому я поговорю о ней в другой раз, хотя пару раз ее все же придется упомянуть – чтоб излечить вас, читатель, от ею же навеянного чувства превосходства над предками. От идиотской мысли, будто бы родиться позже – означает быть лучше.

Не зная религии, мы вообще не поймем историю человека. Что объяснит нам, какой порыв в середине Средних веков вырвал тысячи людей из привычных мирков цеха, замка, деревенской общины и отправил убивать и умирать в чужую страну, вдруг ставшую даже не родною – Святой! Надеюсь, хоть сейчас детям в школе не внушают смешной и грязенькой идейки, будто крестоносцы шли в Палестину «грабить». Эта идейка характеризует как раз нас, а не крестоносцев, заголяя напоказ всем и умственное, и нравственное убожество нашего века. Любой человек, наделенный хоть одной извилиной, способен сообразить, что куда проще и безопаснее для грабителя взять кистень, да и прогуляться безлунной ночью к ближайшей большой дороге. А война – любая, в особенности же древняя, с ее битвами из множества поединков, – тем и отличается от разбойного нападения, что шансов погибнуть там не меньше, а у новичка – больше, чем уцелеть, не говорю уж – нажиться. Не говорю также и про трудности похода в немислимо далекую страну, для нас сравни-

мого разве что с полетом на Марс. А уж нравственная сторона вопроса... если бы средневековое духовенство знало, что потомкам в абсолютном большинстве бандитский налет будет понятнее и ближе жертвы за веру, боюсь, оно стало бы иначе относиться к абортам и контрацепции.

А как, не привлекая религии, объяснишь, отчего в Индии не было ни одной крестьянской войны? На обоих концах евразийского континента, в Китае и в Европе, бушевали Жакерии и Желтые Повязки, Лю Баны и Уоты Тайлеры. И это при том, что в Европе всякий крестьянин при определенном усилии мог подняться по общественной лестнице – вступив в цех, поступив в услужение к рыцарю, наконец, постригшись в монахи. В Китае же вообще любая деревенщина могла, сдав экзамены, стать чиновником, а там, в идеале – и императором. Подобное, конечно, в жизни не случилось, но пробиться в чиновники и получить сытное местечко какого-нибудь рыночного инспектора или писца в судебной управе было делом вполне житейским. А в Индии факт рождения в соответствующей касте приковывал крестьянина к мотыге и нескольким соткам риса «до конца этого воплощения». Казалось бы, при такой безнадежности бы как раз и бунтовать. Ан нет, не находилось индийских Спартаков и Разиных, отчего в советских учебниках истории, помешанных на «классовой борьбе», многотысячелетней «матери цивилизаций» уделяли три-четыре странички. Зато китайские крестьяне предпочитали прорываться в императоры

– и иногда прорывались, – круша мотыгой черепа чиновников. А вилланы Европы грабили купцов, жгли замки и громили монастыри, что, кстати, тоже не всегда кончалось рядами виселиц вдоль дорог. Но не зная религиозных воззрений этих стран, вы не поймете, читатель, такой разницы в поведении крестьян Запада, Индии и Поднебесной.

С концом Средневековья зависимость общества от религии не кончилась, лишь приняла скрытые формы. Если не верите, почитайте труд Макса Вебера «Протестантская этика и капитализм». Но мы говорим не о конце Средневековья, скорее об его начале. А здесь – очевидное и откровенное господство религии на каждом шагу. Языческое общество, кстати, если и отличалось в этом от христианского, то далеко не всегда в сторону «свободы». В нем неукоснительно царил принцип «Так поступали Боги, так теперь делают люди», сформулированный в индийской «Таиттирья Брахмана». Чтоб дать вам, читатель, представление об этом принципе, скажу – викинги носили длинные волосы и бороды именно потому, что их носил Один Харбард – Длиннобородый. Равно и руги-русы брили головы и бороды именно потому, что так изображались Святовит и Перун. Религия определяла, как видите, даже прическу.

Поэтому нам не обойтись без хотя бы поверхностного и очень беглого знакомства с языческой религией. Разумеется, я и не пытаюсь дать полное представление о ней или хотя бы о том, что мы про нее знаем. Для этого потребова-

лась бы добротная многотомная энциклопедия, а пока таковая еще не написана, позволю себе предложить вам, читатель, обратиться к классическому двухтомнику академика Рыбакова «Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси», а также к недавно вышедшей замечательной книге М. А. Серякова «Голубиная Книга» – священное сказание русского народа», а из книг неспециалистов – к публикациям московской общины «Родолюбие». С рядом оговорок можно признать сносной книгу Д. М. Дудко «Мать Лада. Божественное родословие славян». Остальные издания на эту тему, увы, представляют собой любительские рассказы о значении, облике и занятиях тех или иных Божеств, собранные в алфавитном или ином порядке. При этом они мешают данные источников с домыслами ученых и собственными фантазиями авторов. В таких книжках то и дело встречаешь «богов», выдуманных авторами разного времени – Услад, Числобог, Крышень и пр. – или никогда у славян не почитавшихся. Среди последних особенно повезло почему-то египетскому Ра. Другая разновидность книг – сугубо научные издания. В них немало полезных сведений, но увы – специалисты не менее дилетантов путают собственные домыслы с фактами. Несколько таких случаев мы затронем. В остальном специалисты повторяют «подвиги» дилетантов с точностью до наоборот. Они то и дело покушаются доказать, что то или иное Божество, о чьем культе сохранилось немало свидетельств, – вымысел (Род, Лада, Леля, Ярило), или «от-

дать» каким-либо инородцам славянское Божество. Последнее, очевидно, полагают за особый шик и растаскивают пантеон предков с энергией приватизаторов гнезда Гайдарова. Перун-де – это заимствованный у скандинавов Тор, Волос и Мокошь «заимствованы» у финнов, а Хорс с Симарглом – у хазар. Я не шучу, читатель! В такие моменты понимаешь, почему противоположностью слову «специалист» считается не «профан», «дилетант» или «недоучка», а «любитель». Неужели, чтобы считаться специалистом в родной истории, ее нельзя любить?

И разумеется, о религии наших предков так узнаешь немного. Ну какое представление о православии можно составить по пересказанным неучем-безбожником святым? Или по дискуссии об авторстве «Троицы» Андрея Рублева?

Итак, для начала – русы-язычники знали единого Бога. Об этом свидетельствует Прокопий Кесарийский в VI веке и, полтысячи лет спустя, немец Гельмольд. Об этом говорят договоры Руси с греками: в 945 году «А те из них (русов. – Л. П.), кто не крещен, да не имеют помощи от Бога и от Перуна», в 971 году воинствующие язычники Святослава клянутся «от Бога, в него же веруем, в Перуна, и в Волоса Скотья Бога». В языческой поэме «Слово о полку Игореве» – «суда Божия не минути» – в цитате оборотня и колдуна Бояна Велесова внука (мы еще встретимся с этой личностью). Почему язычники почти не называли это Божество по имени, понятно. Да простится мне такое сравнение, но есть звери – олени,

лоси, лисы, кроты, барсуки, кабаны... и есть Зверь, которого лучше не помянуть лишний раз (а то ведь о нем речь, а он – навстречь), серый князь леса, убийца скота, поющий в ночи. Есть рыбы – сельдь, треска, навага, – а есть Рыба, которую лучше не называть не ко времени (обидится, уйдет), спасение поморских поселков от голода и от лютой цинги – семга. Ее я рискнул назвать, ибо и она читателям неочевидна, да и я, признаться, не помор. Для, извиняюсь, наркомана тоже есть всякие там пырей и лебеда, а есть Трава – основа его страшного и жалкого существования. Самое главное мы подчас называем не собственным именем, а родовым. Отсюда и это «Бог» у языческих племен, знаменующее самого могучего и древнего, Бога над Богами, Бога Богов.

Но для русов мы можем уверенно восстановить его имя. И это – заслуга покойного академика Бориса Александровича Рыбакова. Его открытие не опровергнет никакая злопыхательская «критика». Поскольку я пишу все же не об истории изучения религии русов, эту критику и «критику критики», как выражался Мольер, мы отложим. Скажу сразу – открытие Рыбакова стоит на надежной основе источника. В одной из древнерусских книг сказано: «Всему бо есть творец Бог, а не Род». В «Слове Исаяи пророка о Роде и Рожаницах» именно Род, как полномочный представитель и заместитель всего сонма Богов, противопоставляется единому богу иудеохристиан. Есть и другие источники, но здесь хватит и этих.

В чем же принципиальное отличие представления язычников о Едином от представления христиан? Род, как ясно из самого Его имени, порождает мир из Себя, а не творит его. Мир – тело Рода, а не принципиально отдельная от него «тварь», как у иудеев, христиан и мусульман. Но для его существования Род пожертвовал Своей целостностью. И так мы получаем культ жертвенности и Жертвы, Бога, принесшего Себя в жертву за мир. И отношение к миру – телу Бога, жертвенному дару Его.

В «Голубиной книге», духовном стихе, сохранившем под тонким покровом христианских словес древнейший миф русского язычества, эта Жертва описывается так:

Оттого зачался наш белый свет —
От святаго духа Сагаофова;
Солнце красное от лица Божья;
Млад ясен месяц от грудей Божьих;
Утренняя заря, заря вечерняя
От очей Божьих...

Обратите внимание на глагол «зачался» – не «создан», не «сотворен»!

На Жертве Божества основан миропорядок – рота (слово, родственное индийскому «рита»). Рота, так же и клятва, языческая присяга, тесно связывающая слово человека с мирозданием. Хранителями роты в обоих ее смыслах были Боги русов, главные после Рода. Это был Перун, бог гроз и войны,

покровитель воинов. Именно в его честь славянские знатные воины обривали головы и подбородки, оставляя усы и чубы. И это был Волос, Бог зверей, мертвецов и колдунов, подаватель богатства, покровитель волхвов. В его честь до XX века заплетали последний, несжатый сноп на поле – «Волосу на бородку», – ибо он, едва ли не единственный из славянских и русских Богов, носил бороду и длинные волосы. Такие же носили его люди – волхвы и жрецы (вспомните длинные бороды и волосы жрецов Рюгена). В договоре 907 года заклятый язычник Вещий Олег клянется Перуном и Волосом. Именно в этом договоре появляется знаменитая формула «русин *или* христианин». Игорь, у которого в дружине появляются христиане, клянется одним лишь Перуном. В договоре же воинствующего язычника Святослава вновь появляется нетерпимое к христианам Божество языческих жрецов.

Из-за непомерно большой популярности теории о битве Перуна и «Змея» Волоса придется сказать о ней несколько слов. Во-первых, если эти Боги были непримиримыми противниками, отчего их вместе поминают в международных договорах? Представьте себе православного царя или короля-католика, подписывающего договор «именем Христа и Сатаны». Невероятно, правда? Во-вторых, основатели этой теории сами подметили бородатость и «волохатость» Волоса. Что ж это за «Змей» такой, в шерсти и с бородой? И, в-третьих, в народных легендах малороссов и русских о днепровском «острове Перун» и Перыньской обители на Волхо-

ве именно Перун именуется Змеем. Также у южных славян добрый Змей помогает громовнику Илье, а то и замещает его в битве со злыми силами.

Не противниками, а соратниками были эти Божества, Левая и Правая руки Всеотца Рода. Вполне возможно, именно они скрывались в варяжских краях под прозвищами Белобога и Чернобога, как Род – под прозвищем Святовита. В честь Чернобога и Белобога, славя их, пили *одну и ту же* круговую чару, что забывают поспешно сочинившие «миф» об их вражде и противостоянии «реконструкторы» и «неоязычники».

Чернобог (Волос?) повелевает скорее не злыми, а опасными, чуждыми человеку силами. Он же покровительствовал мучительным обрядам посвящений, о которых мы подробнее скажем ниже. Зло русы видели не в «разрушении» (совершенно бессмысленное словцо, как будто огонь и гроза не разрушают) и не в «тьме» (хорош ли будет мир без ночи? А без зимы?). Злом было противопоставление себя – Богу, нарушение миропорядка и воли Божьей, явленной в обычаях и законах предков. У такого Зла не было и не могло быть «бога». Его представляли существа, отвергшие долю, предначертанную им Родом, отвергшие Его. Они – будь то обитатель болотной кочки или тварь, что «горами движет, а людьми, как вениками, трясет», – обозначались презрительным «бесы»: «Беден бес, что у него Бога нет». От них и прочей лихой силы оборонялись целой крепостью из обычая

ев, повседневных обрядов, оберегов, покрывавших каждый предмет быта русов и славян.

Разумеется, этой нечистью и тремя высшими божествами мир руса-язычника не исчерпывался. Однако я ведь не очередную энциклопедию славянского язычества создаю. Я пытаюсь буквально в двух словах, естественно, чудовищно схематично и упрощенно, передать основы, дух славянского мироощущения той эпохи.

Притом – это очень важная подробность – язычники не верили в «прогресс». Им была чужда глупость, утверждающая, что все улучшается только от хода времени, что мы – лучше предков только оттого, что родились позже. По свидетельству выдающегося русского лингвиста И. И. Срезневского, «старый» в древнерусском означало «почитаемый», «разумный», «опытный», «лучший». Слово же «новъ», «новый» прозрачно намекало на «Навь», «навий» – мир тьмы и нежити и его исчадь. Русская поговорка гласила, что «были люди божики (или – велеты, великаны), теперь – пыжики, а будут – тужики; эти петуха впятером резать будут». Другое предание гласило, что боги утвердили Мать-Землю на четырех огромных рыбах над водами мрака и смерти. Одна за другой рыбы уплывали или погибали, и ныне мир держит одна рыба; он же с каждым разом все больше погружается в хляби тьмы, все более пропитывается ею. Миру предстоит, верили русы, в ближайшие времена погибнуть и возродиться вновь. Представления русов о посмертии, слишком сложные, чтобы

О них здесь рассказывать, включали и представления о перевоплощении. Но мы сейчас живем в стареющем, умирающем мире. Оттого и засилье нового-навъего, и необходимость в крепости из берегов.

Как и большинство язычников, русы и славяне не делили Богов на «своих» и «чужих», культы и обряды – на «правильные» и «неправильные». Почитая отчих Богов, они считали, что другие народы почитают Их же по-иному. Более того, в Гапе, будущем Гамбурге, славяне в храме Юпитера – Хаммона стали чтить своего Громовержца Перуна и прочих Божеств, оказывая почести античным статуям. То же было и на Балканах, согласно житию Григория Святогорского: там славяне почитали свою Богиню-Мать в древнем мраморном изваянии.

Многих отчего-то волнует, были ли у русов храмы. Могу уверенно заявить, что были. Их упоминает Иаков Мних в «Похвале и памяти князю русскому Владимиру», утверждая, что он «храмы идольские раскопа и посече». Храм в Северной Руси упоминает «Сага об Йомских витязях». Более того, на Руси найдены остатки такого сооружения, возможно, того самого, упоминающегося в саге, полностью подобные остаткам небольшого славянского храма, раскопанным в ГДР, в Гроссен-Раден. В том храме даже найдены шесть наконечников копий и останки коня – свидетельство того самого обряда, что варяги совершали в Арконе, Радигоще и Щецини, а их колонисты в устье Двины передали ливам. В нашем ни-

чего подобного не найдено, зато найден «Перунов топорок» на гривне и деревянный кумирчик какого-то неведомого, но очень симпатичного Божества – Младенца. Очевидно, и у русов было подобие индийского Ганеши или кельтского Мабона. Храм найден в Ладогe, на... *Варяжской* улице! Прочел я об этом в книге выдающегося «неонорманниста» Глеба Лебедева, причем он сам же и отмечает, что храм имеет *западнославянский*, а не скандинавский вид! И даже на миг не задумывается – отчего это на улице, чье название он перевел бы как «Норманнская», стоит типично вендский храм?

Храм в Гроссен-Радене – реконструкция

Тут следует привести один случай, дающий портрет иных наших историков, так сказать, в рост. Был такой Н. М. Гальковский, написал он книгу «Борьба христианства с язычеством в Древней Руси». Книга даже не так уж плоха, особенно – второй том, представляющий редчайший сборник древнерусских источников о язычестве и двоеверии. Но вот то, что писал сам Гальковский... вот один пример. Говорит Гальковский о храмах на языческой Руси. И очень ему не хочется признавать, что они были. Цитирует нехотя Иакова Мниха и тут же прибавляет: «Сам он жил позже князя Владимира (откуда это известно? – Л. П.) и храмов языческих не видал, так как они были разрушены при введении христианства. Вероятно, он говорит о языческих храмах, по аналогии с христианскими храмами». Так Мних не видел храмов оттого, что их разрушили, или оттого, что их не было? И из чего следует, что Мних «говорит по аналогии»? Зачем же винить честного инока в столь легкомысленном вранье? Далее следует цитата из саги – все-таки Гальковский ученый и не замалчивает противоречащие его теории факты, хоть и пытается не придавать им значения. И вот он заключает: «Вероятно, это здание было весьма примитивное, похожее на большой сарай». А на что похожи такие методы исследований? На что похожа применяемая к предкам какая-то «презумпция дикости», до того непреклонная, что и мона-

ха-единоверца православный историк, не задумываясь, обвинил чуть ли не в подлоге – причем в пользу язычников?!

Вот как описывают внешний вид «больших сараев», стоявших на варяжской прародине новгородцев и ладожан, немецкие миссионеры. Саксон Грамматик – о храмах Рюгена-Руяна: «Посреди города (Арконы. – Л. П.) была площадь, на которой стоял храм из дерева, *изящнейшей работы* (...) внешняя стена здания *выделялась аккуратной резьбой*, включавшей формы разных вещей...

Отличием этого города (Коренице. – Л. П.) были три храма, заметные *«блеском превосходного мастерства»*.

Гельмольд говорит, что Святovit имел в Арконе «величайшей пышности храм», а в Рерике вокруг священных дубов Перуна стояла *«искусно сделанная ограда»*.

«Житие Оттона» о храмах Триглава в Вольне: «С большим старанием *и искусством* сооруженные».

Герборд о кумирне того же Триглава в Щецини: «Была сооружена с удивительным старанием *и мастерством*. Внутри и снаружи она имела скульптуры, выступавшие из стен изображения людей, птиц и зверей, столь соответственно своему виду переданными, что казались дышащими и живущими (...). Краски внешних изображений никакая непогода, снег или дождь не могли затемнить или смыть, *таково было мастерство художников»*.

Титмар Мезербургский о городе Радигощ и святилище Сварожича: «В нем нет ничего, кроме храма из дерева, ис-

кусно сооруженного, который, как основы, поддерживают рога разных зверей. Его стены снаружи украшают изображения Богов и Богинь, удивительно вырезанные, как видно рассматривающим». И это пишут западноевропейские монахи, знакомые с античным искусством, стоявшие у колыбели готики. Немцы, разорители славянских земель, описывают, захлебываясь от восторга, великолепные храмы, а русский ученый бубнит – «сарай». Впрочем, его «братья по разуму» до сих пор иллюстрируют рассказы про язычников картинками с полянами, огороженными щелястым тыном, за которым высятся грубые и почему-то почти всегда покосившиеся истуканы. Что, подразумевается, что славяне неспособны даже идола прямо установить?

Храм в Ладогe, как уже говорилось, был сработан по образу и подобию тех деревянных чудес славянской Прибалтики, которым дивились немцы и датчане. Были, конечно, и маленькие кумиры из дерева и камня, и средние, и большие. О славянских святынях есть хорошая книжка Русановой и Тимощука «Языческие святилища древних славян». Да и у Рыбакова про них немало написано. А вот «времена, когда у славян идолов и храмов не было» – просто выдумка. Такая же, как «русский бог Ра», «всеясветная грамота» или «новая хронология» Носовского и Фоменки. Кумиры *палеолита* дошли до нас в пещерных святилищах. Славяне все-таки не древнее палеолита.

Напоследок следует разобрать одну связанную с языче-

ством тему, важную и, чего греха таить, страшную. Да, я о жертвоприношениях. Жертва – от одного этого слова у обывателя холодеет в груди. Мысль о животных, ставших его котлетой, бруском мыла в его ванной или шапкой на его вешалке, не мешает ему завтракать, умываться и одеваться. Эти животные тоже принесены в жертву – в жертву его божеству – Его Собственному Телу. Тут он не знает никакого снисхождения. Нелепой покажется ему мысль из жалости к животным кушать постное, мыться щелоком, надевать на голову вязаную шапку вместо меховой...

...Заметь, что не Богов я мясом угощаю,
а сам себя. Утроба – вот наш бог,
и главный бог при этом. Пища есть,
И чем запить найдется на сегодня,
Ничто не беспокоит – вот и Зевс
Тебе, коль ты разумен. А людей,
Которые изобрели закон,
Чтоб нашу жизнь украсить, – в Тартар их!

Так писал древний эллин Еврипид в драме «Циклоп» от лица ее заглавного персонажа. То была пьеса ужасов, и грек изоощрялся, выдумывая мировоззрение поотвратительней, словами возмещал отсутствие спецэффектов и компьютерной графики. Кошунственные рассуждения должны были заставить зрителей увидеть в актере под простенькой маской – омерзительное чудовище, адскую тварь, самим существо-

ванием оскверняющую землю и небо! Говорят, сам Еврипид после написания этих строк и актеры – после их озвучивания, долгое время проводили в храмах на церемониях очищения...

О, с какими воплями ужаса и отвращения они бежали бы из наших городов, по которым бродят миллионы двуглазых циклопов! Циклопов, любящих порассуждать, что «главное – внутри», что «бог у каждого человека свой». О да, для них «главное» – то, что внутри их. Их «бог» – свой, свой собственный у каждого из этих «людей». Утроба – их «бог», и нет у них иного Бога, и Фрейд пророк его... и при этом они всякий раз разыгрывают (перед кем?) омерзение и ужас при мысли о древних жертвоприношениях. Это не жалость. Это оскорбленное религиозное чувство, задетый фанатизм утробопоклонников говорит в них. Говорит в нас!

И щадя чувства утробопоклонников, многие авторы пишут, будто жертвоприношений у славян не было. Будто их принесли злые варяги – конечно, «скандинавы». Вообще-то славяне употребляли производное от скандинавского «blot» – жертва: «...и тех (кур. – Л. П.) блутивше, сами едят». Но хватало и своих, исконных. «Жертва», и «треба», и даже привычное нам, такое духовно-прозрачное «молитва» обозначало когда-то жертвоприношение; говорили «замолить бычка святому Илье». Отсюда и русское присловье «Молитвой мир стоит», слишком легко принимаемое за образец постной православной премудрости. Мир стоит *жертвой* –

жертвой Рода! – вот что подразумевает поговорка. А так как мир стареет, его надо подновлять, омолаживать, магически уподобляя очередные жертвы Всеотцу. В этом был главный смысл жертвоприношения, а не в «кормлении» огромных деревянных и каменных «кукол», не в разделении пищи с Высшими силами и приобщении тем самым к этим силам, и уж подавно не в «торговле» с Богами по принципу «я тебе – ты мне»! Мир омолаживала, подновляла, спасала жертва, ложившаяся на алтарь, – и ничего не было важнее этого ни на земле, ни в небе. Мясо и кровь жертвы приобщали к этому обновлению участников обряда. Животное же обрело наилучшее посмертие из возможных. Индусы полагали, что жертвы попадают в райский мир того Божества, которому принесены. В религии Митры принесенный Богом света Митрой в жертву бык превращается в Бога плодородия и земледелия Сильвана. Эллины считали, что царевна Ифигения, принесенная в жертву царем Агамемноном, ее отцом, стала Богиней-Девой, покровительницей Тавриды, древнего Крыма. Такие же представления должны были существовать и у славян.

Да, скажете мне вы, читатель, но язычники приносили в жертву людей. А это уж никуда не годится. Мало ли что там они считали, мы знаем, что человеческая жизнь – высшая ценность, и дается она только раз. Да, велика же наша «духовность», если мы отождествляем жизнь с шевелением тела... но я не о том.

Высшая ценность?

Читатель, вы ездите в автомобилях, трамваях, автобусах? Вы читаете газеты и журналы, доставленные по автодорогам? Кушаете свежий хлеб, тем же способом прибывший из пекарни? И вас не смущает, что на дорогах России, только одной России, не самой автомобилизированной в мире страны, в год гибнет в среднем около 13 000 человек? Это – жертвы. Человеческие жертвы современным идолам Успеха, Скорости и Прогресса. Мы не будем сейчас считать жертв гиподинамии, загазованности воздуха и прочих побочных явлений. Поговорим лишь о тех, кто сам, непосредственно превратился в кровавый фарш на асфальтовом жертвеннике. Вы миритесь с этими жертвами. Вы пользуетесь услугами жрущих эти жертвы железных, стеклянноглазых идиолов. Так какое вы имеете право брезгливо воротить нос от предков-язычников? Где ваш протест – ведь ежедневно в вашей стране размазывают по асфальту очередную «высшую ценность»? А есть еще аборт – жертвоприношения младенцев слепому божку Комфорта. А есть... много всяких идиолов жрут «высшую ценность» с нашего молчаливого согласия и при нашем косвенном участии. Вот наша тайная религия, о которой я обещал сказать несколько слов. Вещь и в самом деле непотребная.

В языческом обществе человеческие жертвы были не обыденностью, как нынче, а явлением чрезвычайным и приносились в чрезвычайных обстоятельствах. Когда мир на данном

участке всерьез портился и его было необходимо как можно сильнее обновить. Никому не приходило в голову приносить в жертву человека ради своего личного благополучия или успеха. На принесение таких жертв имел право лишь правитель, воевода или судья, а жертвой мог быть пленный, преступник или доброволец. Так гласят индийские шастры. Но и в Древнем Риме в гладиаторы – мы забываем, что гладиаторские игры были, особенно вначале, не развлечением, а ритуалом, жертвой, – попадали преступники, военнопленные или добровольцы, и назначали эти игры высшие должностные лица, правители и полководцы. То же прослеживается и в скандинавских сагах. То же, по всей видимости, было и у славян.

Но раз мы уже заговорили о правителях – пора переходить к общественному устройству Руси времен моего героя.

2. Ряд людской

*Не дай Боже делатъ из боярина холопа,
Из боярина холопа, из холопа дворянина,
Из холопа дворянина, из попа палача...
Былина «Первая поездочка Ильи Муромца»*

Легко догадаться, что в обществе, в котором такое место занимала религия и жертвоприношения, высшую ступень занимали жрецы. Однако тут иные ученые возникают на нашем пути с радостной вестью, что жрецов-де у славян не бы-

ло.

Читатель, у вас не выработался некий рефлекс? Ага, у меня тоже. Когда очередной историк с улыбкой мазохиста вещает, что у наших предков чего-то там не было – государства, городов, храмов, – я отворачиваюсь от него и лезу в источники. Как правило, они утверждают нечто прямо противоположное. Однако на сей раз не будем спешить. Порасуждаем.

Помните, в начале главы мы говорили, что определяющим жизнь язычников законом было: «так делали Боги; так теперь делают люди»? Без этого закона нельзя было... буквально ничего. Строишь дом – как Боги создавали мир. Ложишься с женой – как Сварог-Небо ложится на Макошь-Землю. Воюешь с врагом – как Перун бьет бесов. Вытесывая лодку, лепя горшок, вспахивая поле, человек обязательно старался вспомнить – как это делали впервые Боги и Предки. Иначе... иначе крепость обрядов и обычаев даст трещину, и засочатся в нее мутные мертвые воды Кромешного, нижнего мира, хлынет новое-навье, ползет бесовщина...

Но откуда узнать – как? Как именно «делали Боги»? Как мы узнаем об этом? Конечно, из мифов и обрядов. Следовательно, для язычника знание мифов и обрядов жизненно необходимо. И если нет особого сословия жрецов, их хранителей, то знание, «как надо», должно быть достоянием каждого, по крайней мере – каждого домохозяина. То же и с жертвоприношениями. У эллинов, у скандинавов так и бы-

ло. Мифы знал каждый свободный домохозяин – и эти мифы дошли до нас в самых разных источниках. А вот у кельтов были жрецы-друиды, и после того, как их сословие было уничтожено римлянами, от кельтской мифологии осталось очень немного. Все, что мы сейчас о ней знаем, – в основном реконструкции.

А как обстоит с этим дело у русов? Как у эллинов – то есть каждый школьник знает, что верховного Бога звали так-то, а Бога моря – вот этак, и когда они вместе пошли туда-то, произошло то-то? Как у скандинавов – то есть написаны моря романов по мотивам славянских преданий и весь мир внимает творению гениального композитора, опере про сумерки славянских Богов? Или все-таки – как у галлов?

На кого больше похожи русы – на народ, у которого никогда не было жрецов, или на народ, у которого их истребили? Решайте, читатель, сами, а я покуда перейду к источникам. Вот что сообщает персидское анонимное сочинение «Пределы мира» в начале IX века про русов: «Знахари у них в почете». А ибн Русте развивает это лаконичное наблюдение: «Есть у них (русов. – *Л. П.*) знахари, из которых иные повелевают царем, как будто бы они их, русов, начальники. Случается, что они приказывают принести жертву Творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно... (Знахарь) говорит, что так угодно Богу». А вот Гельмольд пишет про ругов с Рюгена: «Ко-

роль же находится у них в меньшем по сравнению со жрецам почете. Ибо тот тщательно разведывает ответы Божества и толкует узнаваемое в гаданиях». Про жрецов ободритов он пишет: «Когда жрец, по указанию гаданий, объявляет праздники в честь Богов, собираются мужчины и женщины с детьми и приносят жертвы свои волами и овцами, а многие – и людьми». Не правда ли, Гельмольд словно пересказывает на свой лад то, что ибн Русте пишет про русов! Но так же поступали в XI веке варягорусские волхвы в Ростове и Белоозере. Они выбирали людей, женщин из знатных семейств для жертвоприношений, и никто им не противился, напротив, знать сама приводила к ним жен и дочерей для этого выбора! Когда в Новгороде, сто лет спустя после Крещения, объявился волхв, «творяше ся аки Бог», почти весь город пошел за ним – это буйный-то, всю свою историю от Гостомысла до Марфы Посадницы проспоровший сам с собою Новгород! А ведь в варяжском Волегоще жрец Яровита говорил в первом лице от имени своего Бога – вот оно, «творяше ся аки Бог»! И оба раза против волхвов решились выступить только пришлые, крещеные воевода и князь с лесостепного Юга, со своими дружинами. В языческие времена, как мы можем судить по примеру Вещего Олега, и сам великий князь не смел пренебрегать словами волхвов. Впрочем, про одного волхва еще и полтысячи лет спустя люди, наверняка считавшие себя христианами, рассказывали, что он «в Боги сел». Сказание же о построении града Ярославля гла-

сит, что на его месте было святилище Волоса, где поддерживал неугасимый огонь и приносил жертвы волхв. На первый выгон скота он закалывал тельца и телку, в обычное время клал жертвы лесными зверями, а в тяжелые дни – людьми. Волхв гадал по дыму жертв, и его слова принимались паствой, как речь самого Волоса. И это вновь кажется цитатой то ли из латинских авторов, описывающих быт поморских славян-варягов, то ли из арабов, описывающих жизнь русов.

Заметим, что у скандинавов, как мы говорили, жрецов не было. Вообще. Были просто колдуны, но ни малейшим почетом они не пользовались. Наоборот, языческие конунги преследовали их, колдуны собирались на свои радения тайно. Заниматься ворожбой-зейдом для мужчины считалось величайшим позором. Юмор же ситуации в том, что иные ученые, даже столь почтенный автор, как Нидерле, умудрились написать, что поморские славяне-де заимствовали жрецов... у скандинавов! Да, а еще они ходили в плащах из лягушачьей шерсти и собирали с березок яблоки... веселые люди историки.

Главенство жрецов в славянском обществе заметно даже по археологии. Русанова и Тимошук в своей книге пишут, что в славянских землях была распространена система, при которой в центре каждой группы селений находится возвышение с вершиной, окруженной чисто символическим, не способным быть реальной защитой валом. На окруженном валом пространстве нет так называемого «культур-

ного слоя», то есть следов постоянного проживания сколь-нибудь большой группы людей. Зато там есть следы непрерывно поддерживаемого огня – одного или нескольких, – стоявшего в центре «столба» – у Иванковиц этот «столб» – каменный, четырехгранный, с личинами, смотрящими в разные стороны света, даже сохранился. Там же найдены еще два кумира. Иногда там же находят следы жертв – зерном, хлебом, животными, а с X века все чаще – людьми. И неудивительно – в эти века мир язычников не просто старел – он рушился, погибал, и его пытались спасти самыми крайними средствами. Иногда рядом со святилищами находят небольшие одинокие домики со следами постоянной, но аскетически-строгой жизни – жилища «повелевавших царями» жрецов.

Любопытно, что подобная система – со святилищем в центре гнезда поселений – появляется сперва, в VI–VII веках, у балтийских славян, а уже потом, в VII–VIII, проникает в Восточную Европу и овладевает ею. Лишнее доказательство единства славянской религии и общеславянского значения Варяжского поморья как ее центра.

Даже глава следующего по почету и влиянию слоя – воинско-дружинного – князь выглядит как представитель жречества. Слово «кнез» в западнославянских языках обозначает жреца. В польском князь – «ксенж», а священник – «ксендз». Кстати, знаменитое «чернокнижник» – заимствование из западнославянских наречий, к легендарной «Чер-

ной Книге» отношения не имеет, а означает «черного жреца», жреца Черного бога.

Дружины тоже составляли особенный, еще толком не исследованный мир, со своей, почти рыцарской этикой, со своим эпосом, легшим в основу позднейших «Слова о полку Игореве» и былин. Именно в дружинной среде было принято отпускать чубы на бритых черепах и татуировать руки. Кое-что о быте и нравах дружины я расскажу позже, когда буду говорить о воспитании нашего героя. Это были прирожденные и зачастую – потомственные бойцы, как правило – конники, в кольчугах и островерхих шлемах. Их объединяло боевое и обрядовое братство воинов-волков, воинов-туров. Они и без доспехов могли, одержимые «буестью» – духом Зверя-покровителя, кинуться на вражью рать, крестя мечами направо и налево. Редко пользовались топорами и луками в бою, предоставляя охотничье оружие общинным ополченцам. Идеалом их было «рыскать волками в поле, ища себе чести, а князю славы». Цену эти бойцы себе знали хорошо. А цена была вот какова – в 1071 году под Белоозером киевский воевода Янь Вышатич пошел на три сотни приверженцев волхвов с двенадцатью отроками – *младшими* дружинниками – и победил. Цена, стало быть, двадцать пять общинников против одного отрока. Поэтому дружинники легко переходили от князя к князю и еще легче – от города к городу. Отражено это в летописях, отражено это и в былинах – помните, как обиженные князем богатыри покидают Киев

и не желают защищать его от Калина-царя? Но было в них и жреческое начало. Победенный в бою рассматривался как жертва Богам Войны, и с телом его поступали соответственно. В былинах Илья Муромец и Алеша Попович обходятся с побежденным врагом – Жидовином, Идолищем, Соловьем, Тугарином – так же, как обращались с жертвенными животными, – рассекают тела на части, а голову надевают на копьё или кол. Это – подобие того, как мир когда-то создавался из частей жертвы Рода, причем голова стала небом, поэтому ее, словно на мировой оси, на мировом *древе*, поднимают вверх на *древке* копья. Точно так же поступили ободриты с Иоанном, епископом Мекленбурга, в 1066 году, а поляки-язычники со святым Войтехом. Поэтому и возникло представление о благом посмертии воина, погибшего в бою, ибо смерть в бою приравнивалась к смерти на алтаре и прямо вводила погибшего воина в мир Богов. Впрочем, обширное исследование нравов и быта дружины еще впереди.

Здесь следует заметить другое – дружинники не имели никакой недвижимой собственности. Так же, впрочем, как и князья. Общество русов-язычников не было феодальным, не было оно феодальным и много лет после крещения – это окончательно доказал в своих трудах И. Я. Фроянов. Впрочем, в азарте отстаивания своей позиции Игорь Яковлевич частенько увлекался, безмерно преувеличивая степень равенства и демократии на Руси. Неравенство, конечно, было, но оно имело не социально-экономические, а сакральные ос-

новы. Впрочем, об этом поговорим, подводя итоги. Пока же заметим – собственность на землю у русов и славян была исключительно общинной, мирской. Общины на своих собраниях-вечах могли приглашать к себе того или иного князя с дружиной. Вече не было властью само по себе, оно редко творило суд, принимало законы. Но оно могло решить, кто будет этим заниматься. Могло выгнать неугодного князя и позвать нового. Свободные простолюдины на Руси X века жили достаточно богато. Возможно, именно тогда сложилась пословица: «На Руси от голода никто не умирал». В погребениях простых общинников того времени часто находят серебряные и золотые вещи. Ибн Фадлан говорит, что купцы с состоянием во многие десятки тысяч серебряных дирхемов не были на Руси редкостью. Общинники давали своему князю прокорм-полюдье, как бы принимая по очереди в гостях его со всею дружиной. Другим источником доходов князя с дружиной, кроме военной и охотничьей добычи, были «виры» – штрафы, которыми облагались различные подпадающие под суд князя проступки. Хотя большинство споров и несогласий, конечно, решалось внутри мира-общины и на княжеский суд выплывало то, что случалось между представителями разных общин.

Кроме общинников – совладельцев земельных угодий, купцов, владеющих лавками, – торговые ряды стояли в Ладоге еще во времена Рюрика, – были еще и рабы. Наше представление об этих людях сильно испорчено штампами из со-

ветских учебников. Рабы в таком смысле, эти «говорящие орудия», появились только в античной, средиземноморской цивилизации, и то на ее закате. На Севере все было по-другому. Восточные авторы отмечают, что «русы к рабам относятся хорошо», а лингвисты указывают, что рабов в русском языке обозначали слова, однокоренные с теми, которыми называли детей. Вроде бы рабы – это вечные дети. Да, за них все решает «взрослый» – хозяин, он может обойтись с ними очень сурово. Но и он обязан заботиться о них и отвечать за них перед законом. Кстати, сообщения о жестоком обращении с рабами, как и об убийстве рабами, доведенными до отчаяния, своих господ, в летописях связаны в основном с христианским духовенством. Именно оно принесло из Византии, Восточно-римской империи, чуждое славянам отношение к рабу. Епископ Ростовский Федор прославился зверским отношением к рабам, пытками и членовредительскими наказаниями. Архиепископ Новгородский Лука Жидята отрубил своему холопу Дудике обе руки и нос. Его преемника Стефана задушили собственные холопы. А преподобный Варлаам Хутынский в дарственной монастырю перечисляет столько-то голов скота и столько-то челяди. У их современников-мирян, не говоря уж про предков-язычников, ничего подобного не встретишь. Они обращались с рабами не более жестоко, чем в те времена, причем не только на Руси, обращались с детьми.

Могут спросить – отчего же эти взрослые люди считались

детьми? И как же тогда в рабы попадали пленные? Здесь придется коснуться очень важной для языческого общества темы – инициации, или обрядов посвящения. Дело в том, что для язычника не количество лет определяло вопрос – взрослый человек или нет. Чтобы участвовать в обряде – а обрядом ведь была и свадьба, и война, и управление хозяйством, – человек должен был пройти долгий, трудный, зачастую – мучительный и опасный обряд инициации. У русских следы этого обряда обнаружил В. Я. Пропп и описал их в своем труде «Исторические корни волшебной сказки». То была не формальность, подобно сегодняшним «посвящениям в студенты» или тому подобным развлечениям. Человек должен был стоически перетерпеть множество мук и опасностей, а в конце – умереть тяжелой, мучительной смертью – и воскреснуть новым человеком, взрослым, полноправным общинником. Если человек не выдерживал мучений, он оставался вечным ребенком общины, неполноценным существом. Холопом, челядином, чадью, робей, робом, рабом. В суровые времена палеолита, породившие этот обряд, до него не доживали слабосильные дети. Холод, голод, болезни, хищники уносили из жизни подавляющее большинство задолго до посвящения. В обществе же земледельцев гораздо больше детей, неспособных перенести испытания инициации, стало доживать до них. Так появились и умножились первые рабы. При чем же тут пленные? А вот при чем. Мы уже говорили, что гибель в бою считалась благой. Тот же,

кто не принимал ее, в страхе бросал оружие, просил пощады, – тот как бы показывал, что не полноценен как взрослый, прошедший инициацию общинник. Он показывал, что он на самом-то деле не готовый к полноправной жизни взрослый ребенок, и просил его пощадить, то есть признать чадом, ребенком, усыновить. Впоследствии он мог, пройдя обряд заново, снова вступить в круг взрослых, как равный – в новой общине или в той, в которой родился. Об этом свидетельствует византиец Маврикий Стратег: «Находящихся у них в плену славяне не держат в рабстве, как прочие племена, но, ограничивая срок рабства определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там, где они находятся, на положении свободных и друзей». Об обряде Маврикий не упоминает, да оно и понятно – рассказывавшие ему про это византийские солдаты, выкупившиеся на свободу, меньше всего хотели сообщать соотечественникам, что в плену предавались языческим обрядам. Что до «определенного срока», то он, безусловно, включал какое-то время работы новоявленного «ребенка» на дворе своего приемного «отца»-славянина.

Вот каково, сверху донизу, от жрецов до рабов, общество русов и славян времен моего героя. В целом же оно представлялось единым организмом. Более того, его слои, по вере язычников, возникли из различных частей Жертвы Рода:

Оттого у нас в земле цари пошли —
От святой главы от Адамовой,
Оттого зачались князья-бояре —
От святых мощей (здесь – плеч. – Л. П.)
от Адамовых,
Оттого крестьяне православные —
От свята колена от Адамова.

Это снова из Голубиной книги. Она известна нам по поздним, XVII–XVIII веков, записям, где древнего Рода заменяет то Христос, то Адам. Но первое упоминание о ней мы встречаем в житии Авраамия Смоленского, причем главного героя жития за знакомство с ней собираются отлучить от церкви. Как видно, в те времена языческая природа этого стиха была очевидна. Представление же об обществе как едином теле промелькнуло в летописи под 1015 годом: «Согрешиша от главы и до ногу, еже есть от цесаря до простых людей». Представление об обществе-теле имело две стороны. Во-первых, оно исключало «классовую вражду», столь любимую марксистами. Помните, мы говорили об невероятном терпении индийских крестьян; в Индии, и только в ней, существовал точно такой же миф. Там три варны дваждырожденных, прошедших инициацию – брахманы-волхвы, раджанья-воины и вайшыю-общинники, – вместе с холопами-шудрами, родились из уст, рук, бедер и ступней Первочеловека-Пуруши. И самый нищий индийский крестьянин, выходя из тростниковой хижины в набедренной повязке к неизмен-

ным своим рисовым соткам, знал, видя вдалеке сияющую золотом процессию магараджи, – он и магараджа части одного тела. Как же может нога бунтовать против руки или головы? С другой стороны, это предполагало окончательность и бесповоротность социальных различий. Ноге не стать головой, ни сдать экзамены, ни постригшись в монахи. Голова заботится о ноге, конечно, но советоваться с нею? Это только сейчас про иных людей, в чьем организме бесповоротно победила демократия, говорят, что он, мол, делает, как левая пятка захочет; но даже сейчас это говорят без особого одобрения.

Правда, в дружинах проходили обучение воинскому делу молодые парни из сельских общин. Такие, пройдя инициацию, могли и в дружину попасть, но это было редкостью. У нас любят поминать, что, мол, простой крестьянин Илья Муромец стал во главе богатырской дружины. Но давно уже доказано, что мотив крестьянского происхождения Ильи – довольно поздний. В записанных в XI веке ломбардских поэмах и уже упоминавшейся «Тидрек саге» могучий богатырь «Илья Русский», служащий «конунгу Вальдемару» и очень похожий на любимца наших былин, – отнюдь не простолюдин. Он родич князя, а одна из ломбардских поэм, не обинуясь, называет его «король Илья». Да и в наших былинах сына Ильи зовут «Збут Борис *королевич*». Скорее всего это уже в позднемосковское время, незадолго до Петра, фантазия народных сказителей сделала любимого героя «своим».

Между прочим, в романах о рыцарях Круглого стола сэра Тор по происхождению – простой пастух. Ну и что? Следует ли из этого какая-нибудь особенная демократичность рыцарского эпоса или средневековой Европы?

Но даже если Илья и был изначально сыном простого пахаря, он в богатыри попал благодаря волшебной силе странников – калик перехожих. А без чудес – как определялось положение, или, учено говоря, социальный статус на Руси? И тут нам приходят на помощь былины. В них постоянно говорится о «роде поповском», «роде боярском», «роде крестьянском». То есть положение в первую очередь определялось происхождением. Но ведь и в летописях князем может быть только человек «княжьего рода», а любой другой, даже боярин, сколько ни тужься, в князи не выбьется. И так обстояло дело не только с князьями. В житии Феодосия Печерского говорится, что, когда будущий святой, сын княжьего служилого человека, одного из тех самых, воспетых «Словом о полку...» «курян – сведомых кметей», порывался заниматься постыдным для ратного человека сельским трудом (тот же Муромец после вступления на богатырскую стезю и не прикасается, скажем, к плугу), сородичи пеняют Феодосию: «Укоризну творишь себе *и роду своему*». То есть и здесь общественное положение – не личное, а родовое.

А как же личные качества, спросите меня вы, читатель. Отвечу – были времена, когда личных качеств в привычном нам смысле просто не было. Были плохие или хорошие об-

разцы той или иной человеческой породы. Даже вежливость, ставшая для нас синонимом «воспитанности», то есть качества целиком благоприобретенного, в былинные времена таковою не считалась. «У Добрынюшки вежество роженое, роженое и ученое», – говорится в целом ряде былин про второго по значению богатыря. Вежливость-«вежество», как видим, представлялась в первую очередь связанной с происхождением. «Невежество», таким образом, порождало вполне определенные подозрения:

Ты невежа, ты невежа,
Неотецкий сын...

В былинах говорится, что разные общественные слои – «роды» старались не вступать в брачные связи друг с другом. В одном из вариантов былины про Добрыню и Змея спасенная от чудовища княжна предлагает освободителю свою руку и сердце, но слышит в ответ:

Вы есть нынче роду княженетского,
Я есть роду крестьянского,
Нас нельзя назвать же другом да любимым.

Тут наши, поголовно пораженные, по удачному выражению О. Носкова, народобесиём исследователи намертво вцепились в «трудовое происхождение» богатыря, не замечая единственно ценного в этих строках – брак представителей

разных слоев общества крайне нежелателен в глазах былины. Что до Добрыни, то в абсолютном большинстве сюжетов он четко и однозначно определен как потомственный воин.

Общественные слои, происходящие из тела Божества; с принадлежностью, определяемой происхождением; не смешивающиеся друг с другом...

Да это же касты!

Читатель, вы, пожалуй, усомнитесь – не хватил ли я лишнего? Касты – на севере Европы? Касты – у славян? Данные о славянах, точнее – русах, я вам только что предоставил. Судите сами. А вот пример самых настоящих каст в языческой Европе, у соседей славян саксов. Слово хронисту IX века, Рудольфу: «Народ этот состоит из четырех категорий людей: благородных, свободных, отпущенников и сервов. По установлениям закона, никому из этих четырех сословий не дано разрушить границы между ними путем бракосочетаний, но благородные должны сочетаться с благородными, свободные – со свободными, отпущенники – с отпущенницами, а рабы – со служанками. Если кто-нибудь из них возьмет жену из другого сословия, он должен искупить свой проступок ценой жизни». Как видите, ничего в принципе невозможного в существовании в языческой Европе эпохи викингов каст нет. А все источники единодушно свидетельствуют – у русов касты-«роды» существовали.

3. Христиане языческой Руси

*Из недоброй земли по рекам приплыла
Чудо-рыба, охотник по души людей...
Велеслав, «Моление Перуну»*

Одна из любопытнейших и мало исследованных тем – христианство на Руси до ее крещения сыном нашего героя. Свидетельства по этому поводу приводятся самые разные, высказываются самые разные и противоречивые мнения. Иные начинают с апостола Андрея Первозванного, в чем, не мудрствуя лукаво, следуют летописи. Напомню тем, кто не читал летописного предания или читал давно и забыл. Андрей, по преданию этому, направился из Синопа в Рим. Путь он избрал, однако, мягко говоря, странный. Поднялся по Днепру, вышел на горах, где позднее воздвигнется Киев, благословил их, установил крест и возвестил, что на этом месте возникнет, мол, украшенный многими церквями град.

Потом он пришел вверх по Днепру и неведомым образом – нигде не говорится о волоках, Шелони, Ильмене – попал к словенам, «где ныне стоит Новгород», где палестинского странника сильно изумило обыкновение словен париться в банях, хлеща друг дружку вениками, да еще и обливаться потом холодной водой. Затем апостол пришел в Варяги, а оттуда – сразу в Рим. Нельзя не удивиться диковинному маршруту. Вот уж, как в памятной песенке из детского кинофиль-

ма: «Ходы кривые роет подземный мудрый крот. Нормальные герои всегда идут в обход»! Впрочем, не будем иронизировать ни над летописцем, ни над церковными авторами, кое-кто из которых в понятном и простительном азарте писал еще в XX веке, что Андрей-де проповедовал в Киеве и в Новгороде. В предании как раз ничего такого нет – апостол всего лишь побывал на, по-видимому, безлюдных горах, где только предстояло встать Киеву, и в земле словен, где, опять-таки, лишь во времена летописца красовался Господин Великий Новгород. Да и сам маршрут Андрея не так невероятен и нелеп, как кажется... но об этом – позднее. Итак, как видим, даже если отнестись к этому преданию со всей серьезностью, из него нельзя заключить, что русское христианство началось с Андрея – ну разве что в мистическом смысле. В предании ведь ни слова не говорится, чтобы апостол на своем странном пути кого-то крестил или хотя бы проповедовал. Надо сказать, что это удивляло читателей летописи – как же так, апостол, коему сказано «научите все народы», и вдруг – не проповедует? Русский церковный деятель конца XV столетия игумен Иосиф Волоцкий пояснил происшедшее так: «Возбранен бысть от Святого Духа». Увы, «Святой Дух», возбранив Первозванному ученику Христа проповедовать, не возбранил последующим сочинителям вроде ростовского краеведа Артынова придумывать сказки про обращенных апостолом славянских князей, старейшин и даже волхвов, якобы своими руками повергавших «идолищ»,

которым служили! Некоторые «не по уму усердные» православные в подобные сказки даже верят. Лучше бы прислушались к Иосифу Волоцкому...

Нельзя умолчать и о том, что подавляющее большинство историков не желает ничего слышать даже о самом визите апостола к словенам и варягам. По их мнению, это всего лишь выдумка средневековых русских церковников с целью возвести русское христианство аж к Первозванному – то есть первому ученику самого Христа. Что и говорить, в Средние века именно такое значение преданию и придавали. Иван Грозный, например, писал, что Русь приняла христианство раньше греков – от самого апостола Андрея. Но, смиренно спросим мы, если она и сочинялась с этой целью, отчего сам летописец не присочинил и про проповедь апостола в посещенной им земле, оставив этот труд на долю фантазеров Артыновых? А еще лучше – одного-двух славянских князей, обращенных Андреем и, само собою, принявших мученическую смерть за Христа от злых «поганцев»? Примеров-то хватало еще во времена составления летописи – язычники Ростова убили епископа Леонтия, вятичи предали мученической смерти монаха Киево-Печерского монастыря Кукшу. Если летописец фантазер – почему он фантазирует так плохо? Да и надменная Византия, видевшая во всех иноземцах, будь они сто раз православные христиане, варваров, «грызущих сырые кожи», отчего-то отнеслась к этому преданию с неожиданной серьезностью. Михаил VII Дука писал Киев-

скому князю Всеволоду, малоизвестному сыну и отцу знаменитых Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха: «Наши государства оба имеют один корень и один источник... одни и те же самовидцы божественного таинства и вещатели провозгласили в них слово Евангелия». «Самовидцем божественного таинства и вещателем», провозглашавшим Евангелие на землях грядущей Византии, был именно Андрей. Мы еще вернемся к загадке апостола Андрея и его странного путешествия, пока же заметим – его относили к основателям русского христианства с XI века самое позднее; но относили совершенно безосновательно.

Вслед за ним следует длинейший перерыв. Нельзя же всерьез воспринимать риторические восклицания христиан умирающего Рима, что, мол, «снега Скифии пылают огнем истинной веры». Что это за «Скифия»? Так могли называть и племена Средней Азии, и скандинавов, и любой народ на огромном пространстве между ними. И ежели «снега Скифии» так уж воспылали – где имена проповедников, где имена обращенных? Где хоть какая-нибудь конкретика, хоть что-то, позволяющее сказать – да, речь идет именно о наших предках? Ничего внятного по этому поводу нам никто не сказал.

Существует восемь упоминаний о русском, именно русском христианстве до Владимира.

Первое: конец VIII столетия. Позволю себе напомнить – скандинавы еле-еле открыли соседнюю Британию. На Крым-

ское побережье совершает набег «русский князь Бравлин из Новгорода». Обычно отвергают это сообщение жития Стефана Сурожского или пытаются отнести его к Неаполю Скифскому – мол, и Новгорода как такового тогда не было, и далековато пришлось бы от него идти войску. На оба эти сомнения можно дать исчерпывающий ответ: во-первых, как мы уже говорили, Новгородом ранее могли называть либо Рюриково городище, либо Старую Ладогу. Во-вторых, что касается расстояния – в конце Средневековья русские ушкуйники, повольники из Вятки и Новгорода, ходили в поход до самого устья Волги. Ни суда ушкуйников, ни их оружие не отличалось так уж от таковых VIII века. Противником – или скорее добычей – русских удальцов стало могущественнейшее государство Восточной Европы того времени – Золотая Орда. Дело происходило еще до Куликова поля и битвы на Воже. Тем не менее лихие молодцы-северяне прошли по Волге, грабя и разоряя все на своем пути, и спокойно вернулись бы восвояси, не подстереги их на обратном пути свои же, русские костромичи, донельзя разъяренные отнюдь не братским поведением ушкуйников в их городе. Если такое могло произойти в XIV столетии, отчего подобного не могло случиться в VIII?

В Суроже, при попытке ограбить собор, приютивший мощи святого Стефана, князя Бравлина поразил тяжелейший приступ паралича. Испуганный князь согласился креститься и вернуть все, добытое в церквях, после чего исцелился. Так

излагает эти события житие. Можно в них сомневаться, но дальнейшее вполне согласуется именно с таким поворотом событий.

Второе. 842 год. Наш старый знакомый, ибн Хордадбег, пишет, что приезжающие в халифат русские купцы «*выдают* себя за христиан». Любопытно это «выдают» – подозрительный таможенник явно не верил в христианство дальних гостей. Дело в том, что христиане и иудеи в мусульманских странах платили особый налог – джизию. Он был в несколько раз легче тех податей, которыми правоверные халифы и эмиры облагали язычников и зороастрийцев. Яростная вражда трех религий, берущих начало от откровения праотца Абрахама-Авраама-Ибрагима, была еще впереди. Мусульмане видели в христианах и иудеях едва ли не близких родичей, почти единоверцев, и уж во всяком случае – союзников против языческого мира. Ибн Хордадбег так и пишет – «выдают себя за христиан и платят джизию». Тут, право, не знаешь, кому верить. Могли и хитрые предтечи Садко прикинуться христианами, лишь бы заплатить подать поменьше. Мог и профессионально недоверчивый таможенник «перебдеть», усмотрев корыстный умысел в искреннем обращении вчерашних язычников.

Для нашей темы, собственно, оно не так и важно. Если купцы и мошенничали, за руку их на том никто не ловил, и власти халифата снисходительно собирали с них пресловутую джизию. А чтобы достоверно разыграть христиан пе-

ред бдительным налоговым ведомством, чиновники которого были прекрасно знакомы и с византийскими православными купцами, и с сирийскими несторианами, и с торговцами из монофизитской Армении, христианство надо было как минимум хорошо знать. А поскольку в Византию в это время едва добираются первые послы «народа Рос», а по Волжскому торговому пути нет ни одной христианской державы, остается предположить одно. Среди русов уже были христиане. И, право, легче предположить таковых в купцах, часто общавшихся с другими народами, и по необходимости более открытых чужим обычаям и богам. А сомнения араба отнести исключительно на счет его профессии.

Третье, нам уже знакомое. Кирилл-Константин в Корсуни видит Евангелие и Псалтырь «русьскими письмены». На этом долго останавливаться не будем. Явно «апостолу славян» повстречался кто-то из знакомых ибн Хордадбегу русских купцов.

Четвертое. Патриарх Фотий говорит об обращении «россов». Об этом чуть подробнее поговорим после. Пока скажем – история крайне загадочная. Позднейшее церковное предание говорит о буре, вызванной погружением в воды моря Покрова Богородицы, разметавшей и устранившей варваров. Мало того, что сам Фотий ничего об этом не упоминает – а должен бы был! Так и выглядит эта история донельзя недостоверно. Например, финнов считали могучими колдунами, носящими в карманах завязанными в узелке штормы и бу-

ри. Слава этих повелителей погоды докатилась даже до Англии. Ну и что? И славяне, и норманны ничуть не боялись ходить в походы на этих грозных колдунов, а к их святилищам относились, как к своим банкам, откуда в любое время можно взять любое количество ценных вещей. То есть к религии финнов относились без малейшего уважения и совсем не собирались ее принимать. Вообще варяжских мореходов, не говоря уж о норманнах, просто невозможно было так уж напугать бурей.

Пятое. Константин Багрянородный упоминает о крещении «россов» при следующем после Фотия патриархе – Игнатии. В это же время создается «митрополия (!) Россика».

Шестое. Под 912 годом араб Аль Марвази упоминает о крещении части русов. Любопытно, что этим русам в христианстве не понравилось, и они приняли... ислам. После чего упоминания о них вообще исчезли. Так и хочется сказать: «Так будет с каждым...»

Седьмое. В договоре с греками упоминается «крещеная русь». О ней будем очень подробно говорить позже, поэтому здесь останавливаться на ней нет смысла.

Восьмое. Крещение Ольги. Во-первых, факт широко известный, во-вторых, и о нем нам придется говорить далее.

В русском довлاديمировом христианстве есть две черты, на которые почти или совсем не обращают внимания. Во-первых, христианство русов имеет явно западное происхождение. Возьмите древнерусские слова «Крест», «ал-

тарь», «церкы», «поп», «еретик», «поганый». Они явно походят на немецкое «крейц» (от *лат.* «Кристос»), латинское «алтариум», немецкое «кирхе» (от *лат.* «циркус»), немецкое «пап'пе» (от *лат.* «папа»), латинские «хэретикус», «паганус». И совсем не походят на греческие соответствия «стаuros», «бомос», «базилика», «иерей», «гетеродокс», «этнокой». Названия месяцев у нас не греческие, а латинские. Да что говорить, если народ, от которого русы приняли вроде бы православие, они всегда называли не его самоназванием «ромеи», а обидной для византийцев западной, латинской кличкой «греки». В преданиях народного христианства часто упоминается место временного пристанища душ, слишком грешных для рая, но недостаточно нагрешивших для вечной гибели. Эта чуждая православию идея легко отождествляется с католическим чистилищем. И так далее, и тому подобное. Здесь перечислены еще далеко не все западные черты русского христианства.

На юге Восточной Европы русы могли повстречаться еще с одним вариантом христианства – древней ересью ариан. Во всяком случае, в рассказе о крещении сына нашего героя «греческий философ» умудряется основу основ христианства – «символ веры» – изложить именно в еретическом, арианском варианте. Ни о какой «случайной описке» не может быть и речи. К подобным вещам люди Средневековья были предельно внимательны и строги. Более того, первая часть Повести временных лет датирована по так называе-

мой Александрийской эре, на несколько лет отличавшейся от константинопольского летоисчисления, использовавшегося ортодоксальной православной церковью. Основатель ереси, Арий, был епископом именно в Александрии, и Александрия стала центром ереси в страшные времена ее могущества, едва не похоронившего единства церкви на полтысячи лет раньше.

Кроме этих неортодоксальных черт, в русском православии бросается в глаза еще один вопрос, как-то ускользающий от историков. За привычными фразами о «крещении Руси» упускают одно немаловажное обстоятельство. Все источники этого времени, разделяющие-де русов и славян, неизменно говорят о крещении именно русов, «россов», «ар-Рус», «руси», но никак не «склавленов», «ас-саклаби», «словен». Русская летопись добавляет еще варягов – «мнози бо варязи христиане» в 944 году, мученики-варяги 983 года, варяжские покровители Киево-Печерского монастыря, основанного в «Варяжских Пещерах», – Африкан и его сын Рюрик-Шимон. Итак, христиане Руси X века – это именно этнические русы, варяги-русь и только они. Где же «скандинавский след» в русском христианстве? Почему христианские имена у нас произносятся на славянский, а не скандинавский манер – Иван, а не Юхан, Никола, а не Нильс? Где богослужебные книги на скандинавском языке норманнских «ротсов»? И как получилось, что разница в религии – основная масса сельского населения Руси, «славян», будет *воцер-*

ковлена лишь к XVI веку – не помешает русам ославяниться? На все эти вопросы «неонорманнисты» не отвечают, да и не могут ответить, а потому предпочитают просто делать вид, что их нет.

Наука... теория... Петрухин вообще, не краснея, заявляет, что принятие христианства «способствовало»-де ассимиляции славянами «скандинавской» руси. Тут никаких знаков не хватает, ни вопросительных, ни восклицательных, ни иных, «из высшей математики». Впрочем, с ним, увы, все давно ясно.

Хватит о них, а? Неудобно. И неприятно.

Зато «ненаучная» версия русов-ругов объясняет все. Буквально все, вплоть до сомнений ибн Хордадбега и странной судьбы Оскольда. Христиане-русы могут, в таком случае, быть потомками рогов, крещенных еще Северином. Это объясняет западный характер русского христианства, его плотную привязку к варягам и русам и недоверие араба – слишком непохоже было их христианство на привычные ему верования греков, сирийцев или армян. И поведение Оскольда, внезапно примирившегося под стенами Константинополя со злейшим врагом – Византией. И странную историю со странствием апостола Андрея.

А. Л. Никитин, к остроумным предположениям которого нам еще не раз придется возвращаться в этой книге, метко подметил, что все до единой несуразности летописной легенды устраняются простой заменой Днепра на Дунай. Действи-

тельно, путь по Дунаю еще тысячу лет спустя после апостола будет самым удобным и безопасным из Константинополя в Рим. На Дунае будет город Киев – не только в упоминавшихся нами былинах, но и в истории. Заметим, что в летописном упоминании об установлении Андреем креста на горе, где суждено быть Киеву, упоминается, что апостол «слез» с горы – глагол, более применимый к дунайским скалам, нежели к киевским холмам, с которых, при всей их крутизне, можно все-таки сойти, а не «слезть». В верховьях Дуная находится земля словенцев-«словен» предания с одним из бесчисленных славянских Новгородов на месте современного Эстергома в Австрии. Оттуда он мог пройти в будущие земли рогов – помните федератов, верингов, *варягов* Рима – и уж оттуда идти в Рим. И ему действительно удалось бы добраться от «киевских» круч до «словен»-словенцев безо всяких волоков и прочих пересадок и действительно напрямую попасть от варягов в Рим. Все несообразности в рассказе о странствии апостола – кроме «расселения» по его пути народов, появившихся там полтысячи лет спустя, естественного для устной легенды, – снимаются единым махом. А основание для того имелось – чуть выше летопись в некоторых списках упоминает, что Днепр впадает в море «тремя устьями», хотя Днепр Словутич совершенно в том не повинен. С ледникового периода, по крайней мере, он впадает в Черное море одним-единственным устьем. Зато у Дуная крупнейших, судоходных гирл действительно ровно три. Память о странствии

Первозванного могла сохраниться у христиан римского Норика и от них уже перейти к ругам, ободритам, словенцам, короче – к варягам-руси. А уж потом, когда потомки рогов воцарились на Днепре, провозгласив городок с таким знаковым дунайским именем Киев «матерью городов русских», вместе с ними «переселилась» и легенда. Так в сибирских былинах Василий Буслаев бьется с «мужичками новгородскими» на мосту через... Обь. А в балладе «Кострюк», записанной в имперские времена, русский боец, победив в поединке чеченского шурина Ивана Грозного, швыряет его в... Неву. Певцы же советского времени уточняют, что дело происходило в Ленинграде. Как видите, легенда о странствии Андрея – не единственная, сменившая адрес!

Очень занятно, что удревняют христианство на Руси – вплоть до того же Андрея – его искренние сторонники вроде протоиерея Стефана Ляшевского. Его книга «История русского христианства: от Андрея до Владимира» недавно была у нас переиздана. Напротив, критики христианства, как, например, Игорь Яковлевич Фроянов в совместной с Фроловым и Курбатовым монографии «Христианство: античность, Византия, Древняя Русь», наоборот, отрицают даже довольно достоверные сообщения вроде известия о крещении Бравлина, считая возможным говорить о русском христианстве, самое раннее, с 944 года. И никто из них не замечает, что древность русского христианства говорит не за, а против него; не против, а за древнюю религию русов. Если

христианство было известно русам полтысячи лет – и оставалось религией кучки маргиналов, значит, не так уж оно было привлекательно в глазах русов. Не приходится тогда говорить, что за язычество держались от невежества, пока не знали христианства; что язычество было «темнотой», мгновенно исчезнувшей, как только в комнату внесли светильник; пустотой, в которую вошло, тем самым отменив, прекратив, уничтожив ее, христианство. Не приходится рассуждать об особой предрасположенности русов к новой вере. И если через полтысячи лет после Северина недостойному сыну Святослава приходится развязать чудовищную гражданскую войну, уничтожившую 28,9% известных нам поселений Древней Руси, только чтобы сломить активное сопротивление введению христианства; если через век после этого варягорусский Новгород весь, как один человек, пойдет за волхвом против епископа; если другая варяжская твердыня, Муром, откроет ворота крестителям князя Константина, которого впоследствии назовут святым и равноапостольным, только еще спустя столетие; если основным аргументом христиан все это время будут меч и огонь княжских дружин, пронесенный под полой на переговоры топор и камнеметные машины под муромскими стенами, то означать все это может только одно. А именно – победа в честном споре, на равных, христианам «не светила». Они могли сказать «Бог един» – и русы согласились бы с этим. Они могли сказать – «Бог принес себя в жертву за мир» – русы знали и это. Им просто *нече-*

го было сказать русам, нечего дать им, кроме чужой, ближневосточной мифологии и отвеку сладкого для иных соблазна безответственной избранности, приобщенности к «высшему кругу», к «Новому Израилю», к заведомым победителям в будущей окончательной схватке Добра и Зла. Небольшое количество подобных лиц и хранило русское христианство до крещения. Их дело несколько облегчала уже отмеченная мною особенность общества русов – там все было делом не личности, а рода. Община же во внутреннюю жизнь рода вмешивалась редко. Для того же Оскольда, если он действительно был потомком руга, крещенного Северином, христианство было наверняка просто семейным, родовым обрядом; факт же «братства во Христе» с императором Византии вполне мог стать откровением, произведшим в жизни и судьбе сподвижника князя-Сокола губительный для него переворот.

Большинство же русских родов смотрело на христианство как на более или менее неприятное увлечение некоторых своих соплеменников. В целом их терпели – родичи все же, хоть и «уродьство» у них семейное.

Чем эта терпимость могла обернуться для иного руса, даже могучего вождя, говорит пример отца нашего героя и его посмертной судьбы. Но об этом – в следующей главе.

Князь уже начал! Убийство в древлянской земле

– Что ты расскажешь?

– Все, что я знаю.

– Сколько их было?

– Около тыщи.

– Где твои тропы?

– Верно, за краем.

– Где твои люди?

– Там, где не съищешь.

– Что с ними стало?

– Были другими.

– Что ты увидел?

– Пепел на плахе.

– С кем ты остался?

– С ветром, княгиня.

– Как ты вернулся?

– В белой рубахе.

Дм. Фангорн, «Князь»

1. Клевета

У колыбели нашего героя разворачивается воистину детективный сюжет, достойный пера Честертона и гения его патера Брауна. Тень недоброй тайны лежит на обстоятельствах смерти его отца. Тень, расползшаяся на всю жизнь отца, по-

глотившая славу его побед и мощь созданной и управлявшейся им державы.

Уподобимся же почтенному патеру Брауну в рассказе «Сломанная шпага». Начнем с того, что известно всем. Начнем с неправды.

В Повести временных лет о последних днях отца Святослава рассказано так:

«Сказала дружина Игорю: «Отроки Свенгельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и ты добудешь, и мы». И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой дружиной вернулся, желая большего богатства».

Доведенные до отчаяния древляне убили князя с дружиной, «так как было их мало».

Вот уж правда: обстоятельства смерти способны перечеркнуть целую жизнь. Тут хватило описания этих обстоятельств. С этого единственного отрывка началось победное шествие по страницам ученых трудов и исторической прозы «Игоря»-карикуры. Кто не читал Повесть..., тот читал популярные книжки или романы Скляренко, Пономарева. И все твердо знают: Игорь Рюрикович – алчный и глупый грабитель, бездарный полководец, безрассудный аван-

тюррист, слабак, проще говоря, никудышный правитель. Сунулся, недотепа, с малой дружиной прямо в пасть им же только что ограбленным древлянам.

И мало кто удосужился перечитать летопись целиком – и обратить внимание на бьющие в глаза нелепости этого карикатурного некролога.

«...А мы наги». Вообще-то дружина Игоря летом того же года получила огромный откуп во время похода на Византию. Князь «взял у греков золота и шелка НА ВСЕХ ВОИ-НОВ». Сколько, кстати? «Дань, какую Олег брал, и еще», – поясняет летопись. Олег Вещий, по той же летописи, брал по 12 гривен на брата. Гривна – 200 граммов серебра. Конь стоил 2 гривны. Боевая морская ладья с набойными бортами – 4. Оценили? Стоимость трех боевых ладей шелками и золотом. Какое там «наги» ...

И уж не к древлянам идти после такого откупа. У них ни алмазов, ни золотиносных рек, ни пряностей драгоценных. Летопись опять говорит предельно ясно: «мед и меха» – все сокровища древлянские. Это после золота и шелков соответственно...

Может быть, русы Игоря не имели понятия о настоящих сокровищах? И опять не сходится. Два удачных похода на Византию, груды добычи... Над шедшими домой ладьями Олега стояли паруса из византийских шелков. Пусть это «эпическое преувеличение», но современник араб ибн Фадлан описывает русских *купцов* в собольих шапках с парчо-

вым верхом, в парчовых же кафтанах с золотыми пуговицами. Он же пишет, что трон «царя русов» – в то время им был Игорь – отделан кораллами и драгоценными камнями. Тут и в шелковые паруса Олега поверишь...

Во-вторых, до злосчастной осени в Древлянской земле Игорь проиграл *одну* битву. За *тридцать три* года правления. И в той проигранной битве соперником Игоря была мировая держава Средневековья – Византия, а победу над русами она одержала, во-первых, предательством болгар, а во-вторых – применив мощнейшее оружие того времени. Это был «греческий огонь», который сами греки-византийцы называли «лидийским», а историки часто называют «напалмом Средневековья». Выстреливаемый на большие расстояния из медных труб огнеметов, огонь горел даже на воде. От него просто *не было* защиты. Византийские императоры пуще зеницы ока берегли тайну чудовищного оружия, оттого, к счастью для соседей Восточного Рима, огнеметов этих делали мало. Но уж когда они появлялись на поле боя, исход его был предрешен. Так что не поражению Игоря надо удивиться – диво, что сам он уцелел, не попал в плен, вывел из пылающего ада изрядную часть войска. Хотя и погибло тоже немало – нам еще вспоминать об этих потерях.

И попал в эту ловушку князь не по недомыслию. Византийцев предупредили болгары. Они, как видно, предпочли «братьев во Христе» из Византии, звавших их, болгар, «жалким и гнусным народом», кровным братьям-русам. Заблагото-

временно извещенные греки успели перебросить к месту высадки русского десанта огнемётные корабли-хеландии патриция Феофила Синкела.

Однако уже через три года Игорь собрал новое войско, пополнил выжженную дружину варяжскими воинами – и об этом еще вспомним, – и взял с собой печенежскую орду. Вот когда перепуганные греки – они-то ожидали, что варвары долго еще не появятся на горизонте – и поспешили с откупом.

Игорь не забыл ужаса первого греческого похода, не забыл, что в его войске немало и свежесобранных ополченцев, и недавно взятых в дружину варяжских удальцов. Как-то покажут себя в бою? Впрочем, и так было ясно как. Вожди варяжских дружин откровенно советовали князю взять откуп.

Великий князь последовал совету, дань взял и двинулся домой, в Киев. Впрочем, и болгарского предательства он не забыл – «повелел печенегам воевать Болгарскую землю».

С ужасом вспоминал Феофилакт Болгарский тот год: «Их (печенегов) набег – удар молнии. Их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстроты бегства. Вот они здесь – и вот их уже нет. Они живут грабежами чужих стран, не зная иного обогащения, кроме войны и добычи, а своей страны не имеют. Но хуже всего, что народ этот бесчисленным множеством своим превосходит лесных пчел».

2. Забытый подвиг

*Объемлет ужас печенегов;
питомцы бурные набегов
зовут рассеянных коней,
противиться не смеют боле
и с диким воплем в пыльном поле
бегут от киевских мечей.*

А. С. Пушкин, «Руслан и Людмила»

Но стоп! Что такое? Почему и каким образом киевский князь может что-нибудь *повелеть* этой буйной орде?

А вот таким. Вы не забыли: Игорь Рюрикович – безрассудный авантюрист, бездарный полководец? Так вот, когда в 915 году «пришли впервые печенеги на Русскую землю», «безрассудный авантюрист» сумел заключить с кочевниками мир. Не иначе, как сумел Сын Сокола объяснить новым

соседям: Русь – не легкая добыча. Ясное дело, не словами объяснял. Подобные разбойные народцы от веку понимают один язык – язык силы. Проще говоря, печенежские вожди обломали зубы об Игоревы дружины, «сохранили лицо», заключив мир, и быстро откочевали к Дунаю.

А еще пять лет спустя в летописи появляется скромная строчка «Игорь воеваша на печенегов». И все. И ничего более, кроме того, что двадцать четыре года – целое поколение – спустя Игорь мог «повелеть» печенегам, и те покорно повиновались. Кроме того, что напасть на Русь печенеги решились впервые еще двадцать четыре года спустя – в 968 году.

Вспомним Феофилакта Болгарского. Можно вспомнить и византийца Кедрина, писавшего, что печенеги не знают договоров, смеются над клятвами и почитают лишь силу. *Как* надо было разбить это племя, чтобы два поколения из памяти степняков не изгладились три страшных слова: **Киев, Русь, Игорь?**

И не просто разбить. Обратите внимание – Игорь «воевал *на* печенегов». Не отбил набег. Даже не разгромил нашествие. Пошел *на* них. Значит – в степь. И победил.

За полторы тысячи лет до Игоря в ту же степь вторгся персидский царь царей Дарий, по заслугам, в общем-то, прозванный Великим. Греческий историк Геродот сообщает, что в войске царя царей шло *семьсот тысяч воинов*. Для сравнения – Великая армия императора Франции Наполеона Бонапарта насчитывала «всего» шестьсот тысяч. Чингисхана

с крестоносцами можно даже не упоминать. Врагом Дария в той войне были дальние предки печенегов – скифы.

Все, что смог Дарий, – с трудом спас себя и жалкий остаток своих полчищ. Действительно, Великий: его предок Кир, основатель Персидской державы от Средней Азии до Египта, потерял и войско, и голову, сунувшись в степь. После Дария один из полководцев Александра Македонского, победителя персов, захватившего их страну вкупе с Балканами и Египтом, канул в той степи, как камень в воду, со своей армией. Не спасся *никто*. Римляне, покорив полмира, в степь благо-разумно не совались, а это одно о многом говорит.

Вооружение Игоря и его воинов ничем в принципе не отличалось от такового же у Дария, Кира или римлян. И тем не менее «бездарный» Игорь стал *первым* полководцем земледельческого, оседлого народа, разбившим кочевников на их же территории, в степи. И не просто разбившим – превратившим в вассалов. На сорок восемь лет внушившим разбойным дикарям ужас перед именем Русь. Избавившим **два поколения** русских людей от страха перед степью, от гари спаленных сел, от свиста стрел и арканов, от рабского горького пота.

Для сравнения – следующие после печенегов кочевые соседи Руси, половцы, за сто пятьдесят лет предприняли пятьдесят крупных нападений на русские земли. Легко подсчитать... гораздо сложнее представить себе, каково жить, считая время от набега до набега. Знать, что возводимый тобою

дом станет пеплом через три года. Что зерна третьего урожая втопчут в пашню неподкованные копыта мохноногих степных лошадок. И ты сам вовсе не обязательно будешь три года спустя жив и свободен. Так жили на Руси XI–XII веков. При Игоре так не жили!

Иноземцы-современники вторят летописи. Араб ибн Хаукаль называет печенегов «острием в руках русов», которое те обращают, куда захотят. Его земляк Аль Масуди называет – при Игоре! – Дон «Русской рекой», а Черное море «Русским, потому что по нему, кроме русов, никто не смеет плавать». Византиец Лев Диакон называет Босфор Киммерийский (нынешнюю Керчь) той базой, откуда Игорь водил на Византию свои ладьи, куда возвращался из походов. Из договора с Византией 944 года явствует, что Игорь контролировал и устье Днепра, и проходы в Крым из степи.

И все это совершил «бездарный полководец»? Сохранил в течение четверти века «безрассудный авантюрист»?

А может, лучше прислушаться к другим характеристикам Игоря? «Был храбр и мудр» – говорит о Сыне Сокола Новгородская летопись, а митрополит Илларион в начале XI века отзывается о князе-язычнике как о прославленном своим мужеством вплоть до его, Иллариона, времен.

Полезно сравнить все это с деяниями недостойного внука Игоря, коего славят как великого борца с «печенежской опасностью» за выстроенные на Десне (!), Остре, Трубеже, Суле, Стугне городцы с гарнизонами из чуди, мери, словен

и кривичей. При нем была непрерывная «великая брань» с печенегами, едва ли не ежегодно прорывавшимися к киевским предместьям.

Боги, кто постигнет логику историков? Сделавший Дон «Русской рекой» – «бездарный полководец», а строивший по Десне острожки от печенегов – «государственный муж». Тот, кто на полвека обезопасил страну от набегов и превратил врагов в покорных вассалов – «авантюрист», а тот, при ком эти враги только что не зимовали под столицей, кто прятался от вассалов деда то под мост, то за широкую спину ремесленника-кожемяки, конечно, «гений».

Не стоит, конечно, стричь всех под одну гребенку. Обязательно надо назвать имена историков, смывавших с памяти отца Святослава клеймо «бездаря» и «слабого государя». Это Д. И. Иловайский, А. Н. Сахаров, И. Я. Фроянов (именно в работах Игоря Яковлевича я и наткнулся на «воеваша на печенеги») и некоторые другие. Однако, как писал тот же Честертон в рассказе «Скандалное происшествие с патером Брауном», «просто поразительно, сколько людей слышали эту историю и не слышали ее опровержения». Государь, заслуживающий памятников, остается увековеченным в карикатуре.

И этот-то великий государь и полководец безоглядно sunulся в расставленную своей же жадностью ловушку? За мехами и медом – после золота и шелков?

Опять вспоминается «Сломанная шпага»: «Один из рас-

судительнейших людей на свете безо всяких оснований поступил, как безумец». Словно про Игоря, точнее, про «Игоря» – летописную карикатуру – сказано. Нет, все это не заслуживает даже названия версии. Много уместнее – байка. Кем она могла быть рассказана? И кто все же сделал из нее версию – официальную, в летопись вошедшую?

3. Загадочная дружина

*Ай дружиниушка моя все молодая,
А молодая вся ненадежная...
Не дружиниушка тут есте хоробрая,
Столько одна есте хлебоаясть.*

Былина «Вольга и Микула»

Но сперва поговорим об еще одной нелепости летописной байки, нелепости, наименее очевидной для современного читателя.

Представьте – поход за данью на землях покоренного племени. И правитель говорит дружине: «Поезжайте домой, я вас нагоню» ... Нет, я не о том, что приказ самоубийственно глуп, а Игорь вроде бы не самоубийца и уж определенно не глупец. Об этом мы уже говорили. Говорили о том, почему он не мог отдать такой приказ. Но даже если бы и отдал – дружина *не могла* его послушаться!

По той же летописи Игорь советовался с дружиной и поступал, как она скажет. Его сын именно недовольством дру-

жины объяснял матери свое нежелание креститься. А его внук при первом признаке недовольства дружины деревянной посудой прикажет подать ей золотую. Еще одного их общего потомка разъяренные дружинники буквально заставят порвать почти подписанный мир с осажденным Торжком. «Мы их не целовать пришли».

Князь дружине не хозяин и даже не командир, а дружинник – не боевой холоп позднейшей Московии и не солдат. Приказы он обсуждает, и еще как! Примеров тому в летописи множество. Чему там нет примеров, так это тому, чтобы дружина в походе оставила своего вождя, по приказу или без. И не у одних русов: от Исландии до Японии викинг, дружинник, нукер, самурай никогда бы не поступил так – из страха бесчестья, что хуже смерти.

Тацит о германских дружинах: «Они сражаются вместе с вождем и почитают за бесчестие жить после его смерти». Ибн Фадлан о воинах «царя русов» в 920 году (во времена Игоря!): «Они умирают после его смерти и подвергают себя смерти за него». Летопись: «Где твоя, князь, голова ляжет, там и свои сложим».

Они не могли оставить князя. Но оставили!

Что же это за загадочная дружина, которой закон чести не писан?

Во-первых, как мы помним, незадолго до того Игорь сильно пополнил свою дружину варяжскими витязями. То есть большинство княжеской дружины в ту злополучную осень

– новички-варяги, не прошедшие с князем ни одной битвы. Уцелевшие старые соратники либо в «малой дружине», либо остались беречь Киев – не на без году же неделя своих варягов его оставлять?!

И вот эти новички возвращаются в Киев. Одни. **Без князя.** И именно они – кто ж еще? – рассказывают дикую байку о внезапном приступе жадности у старого государя и его ближних соратников – их тоже нет – и о том, что их князь, видите ли, отпустил.

Во-вторых, в первый поход на Византию в дружине князя, видимо, почти не было христиан. Летописи говорят, что русы не только громили церкви и монастыри – такое-то и христиане творили, мы еще убедимся. Но, свирепо тешась с пленными греками, их, помимо прочего, *растинали*. А такого не станет делать ни один христианин. Не станет приравнивать казнь врага к своему богу.

Зато именно так поступали в балканских провинциях Византии славяне-язычники в VI веке. И именно так мстили пленным немцам за сожженные храмы и разоренные города балтийские славяне – ближайшая родня варягов-руси.

А вот после второго похода, в договоре 944 года говорится, что заметная часть русов присягает в *соборной* церкви Ильи-пророка на Киевском Подоле. И летописец поясняет: «Ибо многие *варяги* христиане». И это те самые варяги, что Игорь нанимал, другим взяться неоткуда, другие – потомки бойцов Рюрика и Олега – это как раз ярые язычники, в охот-

ку жегшие церкви и распинавшие священников. «Русин или христианин»!

Откуда взялись такие варяги? Могли, конечно, быть и с берегов Варяжского моря. Но гораздо более вероятно иное. Вспомним, читатель, дунайских ободритов, которых упоминали франкские летописцы IX столетия, вспомним ругов – верингов-федератов Римской державы на Дунае и «дунайских варягов» русских летописей. Археологи отмечают появление на Руси в середине X века множества вещей с Дуная – дорогих украшений, престижного оружия – не след ли это именно дунайских варягов, призванных под знамена Сыном Сокола? Они-то, со времен Северина знакомые с новой верой, как раз могли быть христианами.

Эти варяги-христиане и отсоветовали Игорю биться с греками: «Если так говорит цесарь, то чего нам еще нужно – не бившись, взять золото и серебро, и шелка?» Дело в том, что это совершенно не языческий подход, уж во всяком случае, не язычников с Варяжского моря, будь то славяне или скандинавы. Для язычника война – прежде всего ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ Богам и духам. Те же скандинавы именно поэтому долго не принимали замену кровной мести на выкуп – «мы не станем носить в кошельках мертвых друзей!». Кровь убийцы насыщала не абстрактное чувство справедливости, а более чем конкретный дух погибшего! «Навий пир» называли битву норманнские скальды. И те, кому от битвы были нужны лишь «золото и серебро, и шелка» – явно не

язычники.

И еще – язычники севера Европы всегда изумляли иноземцев – например, Гельмольда, автора «Славянских хроник», – своим бескорыстием и щедростью, часто переходящей в расточительность. В свое время римляне то же писали о германцах. Но вот же диво: стоило тем же саксам-германцам и славянам-полякам принять христианство – и тот же Гельмольд сетует на «жадность саксов», а про поляков пишет, что те из-за жадности к добыче «часто наилучшим друзьям причиняют зло, будто врагам».

Совершенно ясно, что в дружине Игоря пребывали варяги-христиане, и в немалом числе. Недаром князь, хоть и по иным причинам – не утихли за три года в ушах вопли горящих заживо воинов, – прислушивается к их советам, а летопись упоминает их перед почитателями Перуна. Византийцы варягов-«варангов» выводили из «Германии», как со времен Тацита называли все земли между Дунаем и Балтикой, кто бы там ни жил: настоящие германцы, славяне, балты, кельты. К чему здесь говорить об этом? К тому, что современник Игоря, византиец Лев Диакон, которого мы уже вспоминали и еще не раз вспомним, пишет, будто Игоря убили... «германцы».

Между прочим, христианство на берегах Варяжского моря называли тогда... «*Немецкой* верой».

Слова «варанг» в Византии тогда еще не знали. Зато знали древлян-«дервиан», и германцами их никто не звал, на-

против, ясно называли «славинами». Итак, не просто поведение дружины Игоря предельно подозрительно, но даже сохранилось свидетельство современника, позволяющее обвинить новых дружинников в убийстве вождя.

4. Христианский след

Он – дитя языческого дама,

А они недавно крещены.

Где за веру спор,

Там, как ветром сор,

И любовь, и дружба сметены.

И. В. Гёте, «Коринфская невеста»

Как все же погиб Игорь? Лев Диакон говорит, что «германцы» его привязали к согнутым верхушкам двух деревьев и, отпустив их, разорвали надвое. Это не случайное убийство в угаре, скажем, пьяной ссоры. Месть «поганым» за распятия в Византии, за орду степных дикарей в православной Болгарии? Но тогда дружине следовало бы повернуть коней куда-нибудь подальше от Киева. Например, через волынскую землю – в Польшу, а то и – по Бугу – к родному Варяжском морю.

Еще быстрее должны они были бы уходить, будь они простыми наемниками. Разве что удалыца бы к заказчику выслали – голову «клиента» к ногам бросить. Был ведь позже пример. В скандинавской «Саге об Эймунде» рассказано, как

наемники Рагнар и Эймунд по приказу «конунга Ярицлейфа» (Ярослава Мудрого) убили его брата «Бурицлейфа» (Борислава, Бориса), привезли заказчику голову и тут же сбежали в Полоцк, к «Вартилафу»-Брячиславу. Вовремя сбежали, кстати: вскорости дружину, где служили оба головореза, перебили «стихийно взбунтовавшиеся» новгородцы. Тех, в свой черед, порешили люди Ярослава, зазвавшего бунтовщиков на пир. Ярослав убирал свидетелей, готовился «повесить» братоубийство на старшего брата – Святополка, тогда еще не «Окаянного». Однако убрал не всех. Главные исполнители успели унести ноги. Потому и стало известно о подлинном братоубийце.

Читатель, вам эта череда побоищ ничего не напоминает?..

Однако крещеные варяги, не в пример почти землякам Эймунду с Рагнаром, никуда не бегут. Они преспокойно едут в Киев, рассказывают нелепую историю – и она входит на страницы летописи. Это не простые наемники, и в Киеве их ждали те, кто достаточно влиятелен, чтоб заставить остальных поверить их рассказу, и в то же время не настолько, чтобы видеть в варягах-христианах пешку, сделавшего свое дело мавра. Кто?

Не позже IX века в Киеве возникает христианская община. Судя по могилам, то были купцы и воины из Моравии (уж не те ли самые «Дунайские варяги»?). Могли, конечно, быть и раньше христиане – среди рабов из Византии, например, но об этом ничего толком не известно. В конце IX века новую

веру принимает князь Оскольд, в крещении Николай. После казни Оскольда-Николая язычником Олегом Вещим христианская община надолго сходит со сцены. По преданию, один из ближних бояр Оскольда, Житомир, имея, очевидно, причины опасаться участи государя, бежал после его смерти в... Древлянскую землю. И именно в Древлянской земле находят погребения X века по христианскому обряду, напоминающие киевские и моравские. Между прочим, именно через древлян должны были идти из Великой Моравии в Киев христианские купцы и проповедники.

При Игоре в Киеве появляется *соборная* церковь. Ведь четверть века мира с печенегами и контроля над Днепром – это и четверть века торговли на Черном, Русском море. Торговли с Херсонесом-Корсунью, где еще Кирилл-Константин видел Евангелие, написанное «русскими письменами», с православной Болгарией, наконец, с Византией. Плыли и купцы из этих стран в Киев, селились там. Христианская община богатела и росла, а с появлением дружины крещеных варягов обрела и серьезную вооруженную силу.

Но какую выгоду получала она, убив столь терпимого к ней государя? Чего добивалась? И как вообще смогла оказаться так близко к княжескому престолу? Через Ольгу? Конечно, великая княгиня-христианка если не идеальная глава для христианской партии, то, по крайней мере, идеальное знамя. Да ведь она в те времена была язычницей – так говорит летопись. Только вот летописный рассказ о времени

и обстоятельствах ее крещения вызывает не меньше вопросов, чем рассказ о гибели ее мужа, а доверия вызывает еще меньше.

Летопись говорит так: приехала Ольга в Константинополь и так приглянулась цесарю Константину Багрянородному, что тот начал домогаться ее руки и сердца. Хитромудрая вдова в ответ потребовала у императора лично крестить ее, а потом, едва покинув купель, срезала незадачливого жениха: мол, я тебе теперь дочь во Христе, как же ты на дочери женишься?

О поездке этой, об ее причинах и результатах поговорим особо. А пока скажу сразу – в историю эту не верится. И не потому, что чересчур похожа на сказку – сказка и жизнь вообще чаще друг на дружку походят, чем многие думают. И не потому, что император был женат. Мало ли у ушлых греков было снадобий без цвета, вкуса и запаха, как раз на такой случай? И мало ли монастырей приняло в свои стены опостылевших мужьям императриц?

Дело в том, что Константин оставил подробные заметки об этом визите. То, что в них – ни слова об его сватовстве, понять еще можно: кому приятно вспоминать неудачу? Странно иное – Константин не только не говорит ни слова о крещении Ольги, но и упоминает в ее свите *священника* Григория.

Игорь с дружиной перед Перуном и «крещеная Русь»

Вот уж, как говорила Алиса, все страньше и страньше... Грекам выгодно приписать крещение правительницы Руси себе, но они молчат о нем и считают ее христианкой. Киевский летописец, вместо того чтоб пуще прославить Ольгу, в языческой стране узревшую «свет истины», замалчивает это событие и «переводит стрелки» на греков. Приблатненное выражение тут в самый раз. Полное впечатление, что летописец или его источник создает Ольге... алиби. И создавать его начали по горячим следам: уже в «Хронике продолжате-

ля Регинона» X в. упоминается о крещении «Елены, королевы рогов» в Константинополе. Но зачем?

5. Странная месть Ольги

*Боже! Сколько правды в глазах
государственных илюх,
Сколько веры в руках записных палачей!
Боже! Ты не дай им опять закатать рукава,
Ты не дай им опять закатать рукава
суетливых ночей!*

Ю. Шевчук

Из книги в книгу кочует рассказ, как Ольга мстила за мужа «по жестокому языческому обычаю». К чести летописца, он тут ни при чем. Описывая зверства будущей святой, он ни разу не вспоминает любимое «были же люди погани и невелигасы». Да и то – что такое пять с небольшим тысяч взбунтовавшихся данников-древлян? Поколение спустя в Константинопольском ипподроме на потеху столичной толпе по приказу православного цесаря Василия II казнят 48 тысяч пленных болгар – между прочим, православных христиан! А лет за полтыщи до того благочестивейший император Юстиниан Великий на том же ипподроме заманил в ловушку и вырезал *пятьдесят тысяч* участников восстания Ника, чистокровных византийцев и, конечно, тоже православных – эту историю читатель может помнить если не по роману Валентина Иванова «Русь изначальная», то хотя бы по одноимен-

ном фильму. А уж что творили образцы добродетели из Священного Писания христиан! «А народ, бывший в городе, он вывел и положил под пилы, под железные молотилки, под железные топоры и бросил в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами аммонитскими» (2 Цар. 12, 31). Перед такими деяниями любимца всеблагого господя, кроткого царя Давида, Ольга вообще гуманистка, нежнейшей души женщина.

Более того, Ольга как раз действовала *вопреки* языческим обычаям. Начать с того, что обычаи эти строго ограничивали круг мстителей. Это брат, сын, отец убитого, сын брата или, на худой конец, сын сестры. То есть не только жена, но и вообще женщины как мстители не рассматривались.

В преданиях, правда, встречаются жены-мстительницы. Это Гудрун из «Старшей Эдды», Сигрун из «Саги о Вольсунгах», наша Рогнеда. Все они мстили – успешно или нет, – мстили мужу, убившему отца и братьев, истребившему всех мужчин в роду. Все это – явно не про Ольгу. И еще – все они не один год пестовали месть, не спешили с ней. Северная премудрость гласит: «Только раб мстит сразу, только трус – никогда». Резня, учиненная древлянам Ольгой, менее всего похожа на «жестокий языческий обычай». Ольга как раз спешит, торопится, суетится...

Но почему Ольга спешит? Почему берется за не положенную ей месть? Неужто и впрямь боится древлянского войска под стенами Киева? Ведь у ней, по летописи, большая,

уцелевшая часть дружины мужа, своя «малая дружина». И ополчение полян встретило бы «заклятых друзей» в топоры. Древляне воевали и с северой, так что за тыл Ольга могла быть спокойна. Более того – Северская земля в этой войне выставила бы под киевские стяги столько воинов, сколько могла.

Нет, не месть. Что-то иное. Что? Вспомните Ярослава в Новгороде. Тот, совсем как Ольга, заманивал и резал толпами, не щадя невинных. Лишь бы быть уверенным – не спасся ни один, кто мог **что-то** знать, видеть, хотя бы слышать. Не вышло.

И у Ольги не вышло. В 1890-х годах фольклорист и историк Н. И. Коробка записал в Овручском уезде, на месте столицы древлян Искоростеня, множество сказаний о княгине Юльге (Вольге, Ольге), убившей своего мужа, Ригора или Игоря.

Неясно только, кем в этой истории оказываются древляне, явно ничего дурного от Ольги не ждавшие. Речи их послов – с «добрыми» князьями-пастырями, «волком» Игорем, «овцами» – напоминают скорее выдержку из христианской проповеди, чем речи лесных охотников и пахарей. Кто же они – древлянские христиане, соучастники убийц? Или это убийцы посмертно вложили в уста жертв привычные слова? Кого убивали на княжеском дворе и у Игорева могилы – свидетелей или поделщиков?

Между прочим, следует заметить и еще одну сторону во-

проса. Ольга по языческим обычаям не имела права не только мстить за Игоря. Наследовать ему она тоже не могла. Ни у скандинавов, ни у славян вдовы не наследовали власть мужей. Легендарные правительницы чехов и поляков, Либуше и Ванда, с которыми часто сравнивают Ольгу, наследовали не мужьям, а отцам. Наследовать Ольга могла, только будучи беременна наследником, и вполне возможно, что в год смерти мужа Ольга носила младшего брата Святослава Глеба (или Улеба). Глеб вырос христианином, и возможно, что христианская партия именно его рассматривала как наследника. В Киевской Руси наследником мог стать тот представитель князьего дома, кого выкликало вече. Но, так или иначе, править Ольга могла лишь в отрыве от языческих обычаев. И опорой ей были порвавшие с ними люди – христиане. Дождавшись естественной смерти Игоря, Ольга со товарищи могли дождаться и вхождения Святослава в совершеннолетие...

«Месть» Ольги древлянам. Радзивилловская летопись

Все сходится, увы... Так что же, убийца Игоря – Ольга? Убийца собственного мужа? Все против нее, но... не будем спешить. Мне думается, патер Браун, с воспоминания о котором мы начали распутывать древлянский детектив, не поддержал бы этого обвинения. Нет, не потому, что княгиня – христианка. «Он был логичен (и правоверен), а потому не вывел из этого факта, что она невиновна. От него не укрылось, что среди его единоверцев были крупнейшие отравители» («Сельский вампир»). Тут дело в другом: он не зря говорил в «Странном преступлении Джона Боулнойза», что «из всех невозможностей самая существенная – невозможность нравственная». Патер Браун мог представить любому суду защитника Ольги. Им оказывается Святослав.

Совместимо ли с нравом Святослава и его верой не только

оставить в живых убийцу отца, но и жить рядом с нею, доверить собственных сыновей? Традиционная мораль Европы в таких случаях скорее простила бы матереубийство: вспомните Ореста, Бову-королевича из русской сказки или рыцарей Артура, братьев Гавейна, Гарета, Агравейна и Гахериса. Все они убили матерей за соучастие в убийстве отца или хотя бы за связь с убийцей. При этом Оресту ставили алтари и храмы, Гавейн считался одним из лучших рыцарей Круглого стола (с него начались поиски Грааля), а Бова – один из самых любимых сказочных героев. Гамлет с его «быть или не быть» – герой гораздо более поздней эпохи. Впрочем, реальный Гамлет – к слову, внук Рюрика по матери, и значит, двоюродный брат нашего героя – на шекспировского ничуть не походил, знаменитым вопросом не маялся. Он долго, как истинный викинг (напомню, читатель, – Дания, IX век!), готовил месть. В конце концов, он зарубил дядю-братоубийцу, а его приспешников спалил в деревянных хоромах. И Саксон Грамматик, поведавший нам эту историю, не говорит, пощадил ли принц свою мать, Яруту Рюриковну, жившую в тех же хоромах!

Ни о какой сыновней любви Святослава в источниках речи нет. Он «гневался на мать» и в лучшем случае терпел ее. И пощадить он ее мог, только твердо зная, что Ольга не была организатором убийства. Соучастницей – возможно, укрывательницей – наверняка, но не убийцей (собственно, и в преданиях полешуков часто говорится, что Ольга убила му-

жа по ошибке, не узнав). Мы никогда не узнаем, ЧТО знал молодой князь. От нас так прятали вину, что спрятали оправдание. И нам остается лишь поверить нашему герою. Ибо только такая версия объясняет все – от летописных нелепостей по поводу смерти Игоря до отношения Святослава к матери.

Так что же все-таки *было*? Хотя бы – что могло быть?

Мне кажется, ключ всей этой запутанной истории в одном эпизоде из тех же времен, ныне совершенно забытом. К глубокому моему сожалению, ибо наших предков эта история рисует в самом выгодном свете.

В 944 году русские дружины объявились в далеком Азербайджане, под стенами города Бердаа. Город этот существует и донныне под названием Барда, над одним из притоков Куры, у шоссе и железной дороги, соединяющей Агдам с Евлахом, в западной части Азербайджана. Армянский автор Моисей Калантакваци описывает богатства этих земель в таких выражениях: «Великая река Кура стремительным течением приносит с собой множество огромных и мелких рыб. Она протекает и впадает в Каспийское море. Поля вокруг нее изобилуют хлебом, вином, шелком и хлопчатой бумагой; несметно количество оливковых деревьев. В горах добывается золото, медь и желтый ладан». Великий азербайджанский поэт Низамеддин Низами, уроженец этих богатых краев, посвятил им восторженные строки поэмы «Искандер-наме», в которых несколько раз сравнивал Бердаа с раем, при-

чем в выгодную для Бердаа сторону. Вот в эти-то райские края и пришли русские воины – за девять столетий до своих крещеных потомков.

Рассказ об этих событиях донесли до нас араб Абу-л-Фараджа и перс ибн Мискавейх. Арабский автор уточняет – в составе русских дружин в далекий край пришли, кроме славян, лезги и аланы (как легко заметить, никаких норманнов не упоминается – средневековые мусульмане явно не читали Петрухина и его единомышленников). Любопытно, что восточные авторы нимало не щадят своих единоверцев, зато язычников-русов выставляют в самом лестном свете. Первая же схватка жителей Бердаа с пришельцами – ибн Мискавейх пишет: «Были они беспечны, не знали силы русов и считали их наравне с армянами и ромеями» – закончилась позорным бегством армии местного правителя Марзубана, состоявшей из шести сотен гвардейцев, курдов и дейлемитов, и пяти тысяч ополченцев. До ворот успели добраться только те, кто были верхом, причем паника, охватившая горе-воjak, была такой, что бегущие даже не попытались закрыть за собою ворота! Русы без особых трудностей заняли беззащитный город – и держались в нем целый год, отражая – в поле! за весь год русы ни разу не садились в осаду – наскоки правителей соседних мусульманских княжеств. С местным населением они обращались на удивление терпимо и благородно – об этом мы подробно поговорим в главе, посвященной воспитанию нашего героя, когда речь пойдет про воин-

ские обычаи русов. Честно говоря, история похода на Бердаа давно уже повергает историков в недоумение. Это явно не обычный набег за добычей – зачем тогда сидеть целый год в крепости, зачем упорные попытки найти общий язык с местными жителями? Нападая на Восточный Рим или южные берега Каспийского моря, русы той поры никогда не проявляли стремления осесть там надолго. А уж мягкость обращения с населением захваченного города кажется невероятной даже по нынешним временам – не говоря уж про Средневековье.

Что понадобилось русам в такой дали от обычных их военных и торговых дорог? Почему они целый год просидели в закавказской крепости, проявляя невероятную терпимость к выходкам туземцев?

Честно говоря, читатель, у меня есть догадка, чего ради наши воины так старались закрепиться в Бердаа и заручиться поддержкой его обитателей.

О чем, по-вашему, мог думать русский Государь, заключая мир с Византией в 944 году? Не о том ли, что, по древнерусской пословице, мир стоит до рати, а рать – до мира? Или, говоря словами римлянина Вегеция, «*si vis pacem, para bellum*» – хочешь мира, готовься к войне. А что необходимо для успешной войны с Вторым Римом? Чем империя сожгла русский флот в 941 году и повергла в глубокую задумчивость союзников Игоря, варяжских вождей, в 944-м?

В Болгарии, в которой побывал Игорь и его печенежские союзники, многое есть из того, что было в Бердаа. Золото,

серебро... даже шелк, если хорошенько покопаться в церковных ризницах и боярских сундуках, отыщется. Вот только одного из сокровищ Бердаа нету в Болгарии – и нигде, ближе Азербайджана, русы бы этого найти не смогли.

Нефть.

Нефть, читатель. Основной компонент «греческого огня». Супероружие православных кесарей. Напалм Средневековья. Единственное оружие, которое смогло одолеть флот Сына Сокола. Оружие, с которым Русь будет непобедима.

Очень похоже, читатель, что великий князь Игорь не поверил тем заверениям, которыми византийцы обычно угощали «варваров», любопытствующих о природе и происхождении «греческого огня»: «В этом также Бог через ангела просветил и наставил великого первого василевса-христианина, святого Константина». Это из книги «Об управлении империей», которую другой Рожденный в Пурпуре, Константин – нам часто еще придется сталкиваться с этим императором-книжником – напрасно сочинял для своего беспутного сынка. Далее Константин наставляет наследника в прямой лжи «варварам» – якобы заповедь никому, никогда и нипочем не выдавать секрета «греческого огня» начертана со времен Константина на престоле храма Святой Софии – что, как прекрасно знали и сын, и отец, не могло быть правдой – храм был возведен почти два века спустя после кончины равноапостольного императора. Что до «греческого огня», то его, как сам Константин упоминает в том же самом со-

чинении, изобрел грек Каллиник из Гелиополя, при еще одном Константине – Константине IV, в седьмом веке. Когда дело касалось интересов империи, ее правители не боялись упоминать все ни самые заповедные святыни православия, ни ангелов небесных. Хотя подлинное происхождение «вундерваффе» Восточного Рима было не то что земным, а даже подземным. О его точном составе ученые спорят – кто говорит, что это была просто нефть высокой степени возгонки, нагретая до необходимой температуры и извергаемая под давлением из сифона, к «носику» которого подносили горящий огонь, кто настаивает на более сложном составе, упоминая, кроме нефти, селитру, серу и канифоль. Селитра – позднее вошедшая в состав пороха – делала процесс возгорания смеси чрезвычайно бурным. Легко воспламеняющаяся сера помогала смеси быстро вспыхивать, а канифоль сгущала состав, уменьшая риск протекания сифонов. Получившаяся адская смесь горела даже на воде, а потушить ее можно было только уксусом.

Но основным компонентом в любом случае была нефть.

Константин мимоходом замечает, что «греческий огонь» «многократно просили у нас». Кто мог просить у «них» это страшное оружие? Историки, комментирующие эти слова царственного сочинителя, не сомневаются, что подразумевались именно русы, обращавшиеся с такой просьбой во время мирных переговоров 944 года. Вот только не было ли это уловкой, попыткой, по выражению летописи, «переключать»

высокомерного кесаря, усыпить его бдительность – раз «россы» просят, значит, не знают секрета? А между тем экспедиция русов уже шла к землям Бердаа.

А кто занимался этим ответственным делом? Кому Сын Сокола поручил добыть для Руси ту «небесную молнию» подземного происхождения, которой греки спалили русские ладьи?

Нет, читатель, на этот вопрос вовсе не трудно ответить. Кто из первых лиц Русской державы отсутствует в договоре, подробно перечисляющем множество лиц, никогда и нигде более не упоминающихся? Чьи дружинники в следующем, 945 году затмевали роскошью одежд даже великокняжеский двор – а значит, побывали в стране, более щедрой на добычу, чем перепуганный кесарь – на дары? Это Свенгельд (которого чаще в нашей литературе называют Свенельдом) – одна из самых загадочных фигур начала русской истории, воевода, служивший трем поколениям великих князей Киевских – отцу нашего героя, ему самому и его старшему сыну, Ярополку.

Если бы его экспедиция увенчалась успехом – монополия греков на «небесную молнию» была бы утрачена. Теперь огненные струи могли взлететь уже над бортами судов византийцев... а то и над стенами Константинополя. Допустить такой поворот событий православная империя не могла никак. И действовать стала по-византийски – руками киевских христиан. В том числе – Ольги.

Очевидно, что Ольге не сказали всего. Пообещали «поговорить» с Игорем, быть может, пообещали заставить принять христианство... а к христианам-эмигрантам в Древлянской земле – условно говоря, к Житомиру – уже торопились гонцы. Игоря выманивали подальше от Киева. Могли сообщить об очередном мятеже древлян. Могли и сам мятеж устроить – с помощью того же Житомира или его потомков. Князь отправился наводить порядок, не подозревая, что идет в западню. Только «мудрая» Ольга могла всерьез поверить, что Сына Сокола можно «заставить» принять что-то, вынудить на компромисс. Вспомним Царьград. Вспомним печенегов. Игорь привык доводить до победного конца дела, за которые брался. Это ясно даже нам, а современники знали князя лучше. Того, кого не переубедил «греческий огонь», могла остановить только смерть. А Ольга теперь повязана с заговорщиками кровью. Кровью своего мужа и государя.

Дело сделано. Константинополь спасен, «греческий огонь» так и не стал русским.

Ольга в панике, в истерике: «Кто видел? Кто мог видеть? Убрать!!! На вече обвинить во всем древлян – и вперед!» Что ж, это в интересах заговорщиков – свидетели или подельщики, древляне больше не нужны. Мал сделал свое дело, Мал может уйти... а Ольга, приняв на себя месть за мужа, становится в глазах киевлян его преемницей. И еще крепче привязывает себя к заговору. И спешит, спешит – к подходу из Новгорода Святослава и Асмунда все должно быть готово.

Свидетели и соучастники убийства – уничтожены, Ольга в глазах киевлян – стала мстительницей за мужа и государя, а отношения с древлянами доведены до той степени, когда никто не станет доискиваться истины.

Но была или не была Ольга убийцей своего мужа – это именно ее деяния увековечили клевету на него. И это в ее имя чернили государя-язычника иноки-летописцы последующих веков. Дабы оттенить тусклую звездочку ее «премудрости», заволакивали туманами лжи ясное солнце его государственного и полководческого гения.

Я вовсе не посягаю на святыни. Не мне судить, была или не была Ольга христианской святой, велики или малы ее заслуги перед Христом. Но давайте же не смешивать с Русью и русским народом того, кто прямо говорил: «Царствие Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36). Давайте не делать из святой государственного деятеля, тем более ценой клеветы на того, кто действительно был им. По моему скромному разумению, русскому христианству это только пойдет на пользу. Ибо, как говорил почтеннейший патер Браун, «вполне возможно, что ложью можно послужить религии, но я твердо верю, что Богу ложью не послужишь» («Чудо «Полумесяца»).

Мы же закончим эту главу, помянув отца нашего героя. Мужа «мудрого и храброго». Первого из полководцев Европы, разбившего степняков в их родных степях. Первого – и единственного – из соседей Восточного Рима, разгадавшего тайну «греческого огня» и вплотную подошедшего к созда-

нию подобного же оружия. Первого из правителей Руси, не посылавшего послов в Царь городов, но принимавшему ромейских посланцев в своей столице.

Игоря, Сына Сокола.

Дядька Асмунд: сумерки севера

*Лихорадка распада – на уровне молекулярном.
До держав ли теперь, до камней ли великих
культур?*

*Тем яснее безумцам: ведомый звездой Полярной,
Ты вернешься, Артур, ты в России воскреснешь,
Артур.*

*Царь-Медведь окормлялся из рук Преподобного
Старца,*

*И лесов корабельных лилась прикровенная речь,
Чтоб потом, на закате, възграв переливом
багрянца*

*Из глуби Светлояра восстал Государственный
Меч!*

А. Широпаев, «Возвращение Артура»

1. Сын героя, воспитатель героя

*Вам – воителям ярым минувших времен,
Вам – рахманов-волхвов синеглазым сынам,
Вам – носителям древних священных имен,
Ненавистных дорвавшимся к власти рабам...
Велеслав, «Слава!»*

В 946 году дружина великого князя Святослава вышла на поле, где ее ждало войско древлян. Рядом с маленьким князем ехали воевода Свенгельд и кормилец Асмунд.

По обычаю, битву начинал князь. Любопытно, что, невзирая на подчеркнутое малолетство Святослава, с этого момента его называют не княжичем, а именно князем и воспринимают соответственно. Если кто-то и видел наследника в Глебе – на страницах летописи мнение это не отразилось. Для абсолютного большинства русов князем был первенец Игоря и Ольги, и только он.

Воеводы вложили в детскую ручонку копьё, направленное в цепь древлянских щитов. Святослав толкнул его – копьё упало перед конской мордой. Малышу было четыре года... Но обычай был соблюден. Над полем и сходящимися полками грянул клич:

– Князь уже начал! Дружина, за князем!

«И победили древлян. И побежали древляне...»

Так мы в первый раз видим Святослава – еще малыша, но уже на коне, впереди дружины, с копьём в руке. Словно про него строки древней былины «Волхв Всеславич»: «Гой еси, сударыня матушка! Не пеленай меня во пелену черевчату, не пояси в пояся шелковые, пеленай меня, матушка, в латы булатные, а на буйну голову клади злат шелом». Словно про него в «Слове о полку Игореве»: «Под трубами повиты, под шеломами взлелеяны, с конца копья вскормлены».

Впрочем, чему удивляться? Это в те времена араб ибн Русте писал: «И когда у одного из русов рождается сын, он кладет ему на живот меч и говорит: «Я не оставляю тебе никакого имущества, кроме того, что ты завоюешь этим мечом». Не

былина, не сказка – сообщение дотошного современника-путешественника. Наверно, и Игорь так же положил на розовый животик сына холодную полосу серой стали с выбитым именем мастера «Славимир» и сказал положенные древним обычаем слова. Начиналась жизнь. Для руса, в особенности для князя это значило – начиналась война.

И особенно верно это было для Святослава.

Вряд ли Святослав помнил отца. Почти сразу после рождения его увезли на север, в варяжский Новгород – подальше от кишашего византийским и хазарским золотом Поднепровья. Может, даже не в сам Новгород, а на глухой хуторок в лесных крепях по соседству. Наследник, единственный (тогда) сын престарелого государя – таким не шутят. Почувствовал ли что-нибудь четырехлетний мальчик, которому сообщили о смерти отца?

Но сейчас речь не о том. Речь о самом наследнике Киевского престола, подраставшем в северной глуши. Как Тезей на Пелионе. Как Артур в Калидонских лесах.

Рядом с Тезеем был мудрейший из кентавров, богоравный Хирон. Рядом с Артуром – Мерлин, чародей, друид, плод любви человеческой женщины и одного из Князей Ночи.

Рядом со Святославом был дядька Асмунд.

В общем-то, необычного в этом не было. Ничего. По всей Европе – и не только по ней – знатные мальчишки росли в семьях дружинников отца. Чтоб не размякали у материнской юбки, в сюсюкающей круговерти мамок-нянек. Зача-

стую и простые люди усыновлялись при живых родителях дальней родней. Во-первых, затем же – чтоб не балованные росли. Плохо, когда над мальчиком чуть не до бороды хлопает крыльями наседка-матушка, которой, в общем-то, плевать, будет ли у рода воин и труженик, лишь бы кровиночке тепло-сытно-безопасно было. Можете считать за это предков дикарями, и пусть ваше превосходство поможет вам, когда вас в собственном доме унизят потомки покорной добычи тех «дикарей». Во-вторых, для пущего единства племени. Для рожденного в одном селении, выросшего в другом все племя становилось семьей, вся земля племени – домом. Ни поднять руку на сородича, ни погрязнуть в устройстве личного гнездышка – и гори синим пламенем все остальное – так воспитанные дети не могли.

Самого Игоря воспитал Вещий Олег. Знаменитый Добрыня вырастил младшего сына нашего героя. Можно немало рассказать и о кормильце Ярослава Мудрого – воеводе с выразительным именем Блуд. И было бы очень обидно ничего, кроме имени, не знать об Асмунде. В летописи он едва упоминается, и это, согласитесь, досадно. Ведь не мог же воспитатель, почти отчим такого князя, как Святослав Храбрый, быть заурядным, неприметным человечком!

Поэтому так привлекает одно любопытнейшее предположение, выдвинутое археологом и писателем Андреем Никитиным. Вообще-то гипотезы этого человека подчас бывают пофантастичнее романов его однофамильца Юрия Никити-

на, но много среди них и ценных находок.

Уже давно привлекло внимание ученых явное сходство летописной биографии Вещего Олега и одной из скандинавских «сказочных саг». В этих сагах сплошь и рядом встречались переделанные на скандинавский лад подвиги героев иных стран и времен – от героев Троянской войны до рыцарей Круглого стола. Тем проще могло забрести к скандинавам предание ближних соседей, почти родичей – славян-варягов. Могло быть и так, что скандинавский удалец прославился и стал вождем в варяжской дружине. Некоторые летописи говорят, что Олег был «от рода князей мурманских», то есть норманнских. Сага, называя героя, просто переводит на норманнское наречье его прозвище: Вещий – Одд. Так вот, Андрей Никитин обратил внимание, что среди сыновей Олега-Одда, оставшихся на Руси-Гардарике, в саге упоминается некий Асмунд.

Конечно, это могло быть простым совпадением. Но более чем естественно для Игоря было отдать сына на воспитание сыну наставника, почти брату.

Можно многое сказать о Вещем Олеге – и многое еще будет сказано, – но очевидно одно: Святослав словно рвался повторить его жизнь.

Олег Вещий пришел из Новгорода в Киев, покори́л и обложил данью древлян, потом освободил от хазарской дани вятичей и нанес тяжелейший удар каганату, отшвырнув его за Дон. Победоносно воевал с Византией, собрав в единый

кулак славянские земли Восточной Европы. И еще – он был убежденный язычник. Это в его время говорили и даже писали в международных документах: «русин *или* христианин». Мол, одно из двух.

В том, что Святослав тоже пришел из Новгорода и тоже начал с похода на древлян, его сознательной воли, конечно, не было. Наш современник скорее всего увидел бы в этом простое совпадение. Современники князя видели в подобных случайностях перст Судьбы. Но когда, несколько лет спустя, Святослав вновь освободил вятичей, окончательно добил Хазарию и устремился на Византию – это уже больше походило на сознательное следование по стопам великого пращура. Только замахнулся Святослав на много большее: грезилось ему объединение ВСЕХ славян вокруг Дунайской столицы. Христианство он презирал, считая за «уродство».

Если Асмунд и впрямь был сыном Вещего Олега – «Одда» саги, – именно он мог вложить в душу юного князя идеи своего великого отца.

Стоит заметить, что среди историков часто попадаются люди, отвергающие историчность Вещего Олега. Почему? Во-первых, многие его деяния – захват города под видом купца, корабли на колесах, щит на воротах, наконец, «смерть от коня своего» – имеют-де «фольклорные параллели». То есть герои многих легенд и преданий делали так же. Во-вторых, византийские хронисты ни словом не упоминают поход 907 года. Значит? Значит – легенда! Не было такого князя, и

все. Или был, но, кроме договора с греками, от него ничего не осталось.

Удивительно, как упускают из вида еще одну «фольклорную параллель»! В летописи говорится, что Олег ездил на коне. Смело берусь указать тьму фольклорных героев, поступавших точно так же. Кроме шуток, такие «научные» изыскания заставляют вспомнить французского остроумца XIX века, Жана Батиста Переса. Шутник с пресерьезным видом уверял современников в мифичности... Наполеона Бонапарта. Основания почти те же: во-первых, «параллели» между биографией императора Франции и античными мифами о солнечных Божествах. Мол, Наполеон – это Аполлон, Бонапарт означает «благая часть» в знак власти Солнца над днем и летом, мать Наполеона Летиция – это Лето, мать Аполлона, четыре сына императора – времена года, двенадцать маршалов – знаки Зодиака и так далее, и тому подобное. И во-вторых, указы Бурбонов, которые те задним числом датировали годами правления корсиканского самозванца. Это остроумное и смешное сочинение и сейчас еще невредно прочесть как противоядие от иных «теорий».

Вполне объяснимо и молчание византийцев. Для начала, в ту эпоху византийское летописание и историография переживали не лучшие времена. До нас не дошло исторических сочинений времен Льва VI Мудрого. Константин Багрянородный, Лев Диакон, Михаил Пселл появятся уже много позже, полвека спустя. Вторая причина попроще. Представьте,

что вас в темном переулке ограбило... вылезшее из стены привидение. Что вы об этом будете рассказывать? Уверен – ничего и никому, дабы не прослыть в лучшем случае суеверным или лживым трусом, если еще не сумасшедшим. Так с чего христианская империя должна была описывать в хрониках, как ее столицу запугал чудесами и обобрал языческий колдун?

Бог бы с ним, с французом, – он-то шутил... Гораздо труднее понять иных отечественных ученых, норовящих на таких вот «основаниях» вычеркнуть из русской истории одного из ярчайших героев.

Позвольте нам поверить источникам, а не историкам.

2. Сумерки Богов

*Сурт идет с юга
огнем всепалющим...*

*Рушатся горы,
мрут великаниши,
в Хель идут люди,
расколото небо!*

Старшая Эдда

Итак, Асмунд – сын Вещего Олега. Если он был воспитателем Святослава – это многое объясняет. Не только в деяниях великого князя Киевского – во всей его жизни, его судьбе.

Конечно, Асмунд в любом случае не был чистокровным

норманном. По той же саге, матерью его была какая-то местная, славянская княжна. И даже имя его вовсе не обязательно выводить из норманнских наречий. Почти так же – Ясмунд – назывался один из мысов острова Рюген-Руян, главной святыни варягов-руси и всего славянства. И даже если видеть в Асмунде и его отце скандинавов... Олег – Хельги – Священный. Асмунд – дар асов, суровых и воинственных Богов скандинавских мифов. Последний перевод не совсем точен. «Мунд» – это не просто дар, это свадебный подарок жениха невесте. В любом случае оба имени больше похожи на титулы жрецов, чем на прозвища воинов. В скандинавских сагах они, как правило, принадлежат людям, родившимся в язычестве.

Было ли имя воспитателя Святослава варяжским или норманнским – простым воителем дядька Асмунд явно не был. А был он представителем того, северного воинствующего язычества, которое несли на знаменах и в сердцах его отец и его воспитанник. Того, символами которого стали Ирминсиль, Аркона, Ромово, героями – фризы Радбот, саксы Видекунд и Вихман, норвежец Эйвинд, бодрич Никлот, новгородцы Угоняй и Богумил Соловей.

Первое, что любой воспитатель передает ученику, – свой взгляд на мир. Попытаемся и мы поглядеть на мир, точнее – на Европу IX–X веков глазами если не жреца, то, по крайности, убежденного язычника. Для этого придется понять одну немаловажную вещь. Часто упоминаемый на этих страницах

Г. К. Честертон писал, что в языческих Богов никто не верил – в христианском смысле. Придется самым резким образом возразить почтенному англичанину. Правда, я не очень знаю, что такое «верить в христианском смысле». Но вот когда пленный Эйвинд Скъялди раз за разом отказывается отречься от своих Богов, пока водруженная на голый живот железная жаровня не пережигает его пополам, – это вера? Когда в уже христианской стране город Муром держится за старую веру два столетия – это вера? Когда племя пруссов предпочитает погибнуть все, до последнего человека, но не предать родных Богов – это вера? И что это, если не вера? Никто не умирает за раскрашенную деревяшку, занятную байку или аллереорию природных явлений, или еще какую-нибудь глупость. Язычники *верили* в своих Богов. Язычники своих Богов *любили*. Ибо только за любовь человек может пойти на смерть.

Люди X века не рассуждали о «прогрессивной» и «устаревшей» религии. Не дискутировали. Мы более или менее представляем чувства, двигавшие средневековыми христианами. Могут сказать в их пользу, что «просто» корыстными завоевателями и разбойниками они не были. Карл Великий после долгой войны с саксами вернул им все привилегии и свободы на одном условии – принять христианство. Многие не согласились оставить веру предков и после этого, так что война эта никаким образом не была «чистой политикой». За что сражались христиане, мы знаем. Но мало кого интересу-

ет – что чувствовали те, вокруг кого рушился их мир.

Мы – спасибо христианам – не знакомы с мифологией наших предков, по крайней мере, в чистом виде. Что ж, обратимся к преданиям их соседей и сородичей – скандинавов.

Согласно Старшей Эдде, перед гибелью мира произойдет великая битва Богов и Героев с силами мрака. Силы эти – воинство **мертвецов**, плывущее с **востока** на **корабле** Нагльфар. Кораблем этим правит злой Бог Локи, лицемерный и лживый красавец, которого верховный Бог Один как-то в пылу ссоры обозвал «**женовидным** мужем». За свои преступления Локи был **распят** остальными Богами и низвергнут в Хель, скандинавский **ад**. Рядом с Локи стоит его жена, собирая в чашу капающий яд **змеи**, подвешенной над его лицом. Но в конце концов он освободится и поведет свой корабль на Богов. Вместе с ним будет и его чудовищное исчадие – Мировой **Змей**.

А теперь представьте, читатель, *что* чувствовал северный жрец, когда на его земли с **востока** пришла вера, проповедники которой называли себя **умершими** для мира, живыми **мертвецами**, свою церковь – **кораблем**. Они несли изображения **распятого женовидного** красавца, рядом с которым стояла женщина с чашей. Они говорили, что их бог спускался в **ад** и вернулся оттуда, что их бог уподобил себя Медному **Змею** (Ин. 3, 14–15) и завещал им быть мудрыми, как **змии**, и что он – враг древних Богов.

Прочувствовали? Именно поэтому сцены Гибели Богов в последней битве высекали на каменных *крестах*, на рунных камнях христианской эпохи крест обвивал чудовищный Змей, а варяжские волхвы считали кровь христиан лучшей жертвой. Локи, Кощей, чудовищный Мертвец («... а тот Мертвец – небесный Христос», – говорится в одном из русских заговоров) поднялся из Кромешного мира, и тьма шла за ним, захлестывая святыни, гася жертвенное пламя, снося кумиры. На глазах язычников сбывались чудовищные пророчества древних преданий о гибели мира – и их мир действительно погибал.

Христиане не меньше язычников были убеждены, что «ветхий» мир вот-вот погибнет. Проповедники, являвшиеся ко дворам языческих государей – Радбота Фризского, Бориса Болгарского, Владимира, – чаще всего показывали изображение Страшного суда. Не абстракция, не загробный посул – злободневная конкретика политического плаката. Христианам конца первого тысячелетия, особенно конца X века, Страшный суд казался делом ближайших десятилетий. Многие слышали о «синдроме тысячного года». Но немногие знают, что христиане X века ждали его не с ужасом, а с радостью. Грань греха и добродетели, гибели и спасения в их глазах была отчетливой и наглядной – гранью между ними и язычниками. Крещения, формальной присяги Гря-

душему было достаточно. Любой разбойник в ответ на «Верую!..» слышал: «Нынче же будешь со Мной в раю». Благородный человек спешил «спасти» души язычников, вынуждая буквально с мечом у горла это «Верую!». На увещевания не было времени – тысячный год, последний год «ветхого» мира не за горами. Негодяй же полагал любой разбой божьим делом, если он свершен под знаменем креста и против «поганных». Разве не сказал Христос: «Кто не со Мною, тот против Меня» (Мф. 12, 30), «Врагов же Моих, которые не желают, чтобы Я царствовал над ними, приведя перед лице Мое, избеите» (Лк. 19, 27), «Предаст брат брата на смерть и отец – сына. И восстанут дети на родителей и умертвят их... Не мир принес Я, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его. Кто любит отца или мать более, чем Меня, недостоин Меня, кто любит сына или дочь более, чем Меня, недостоин Меня» (Мф. 10, 21, 34–37).

Как это звучало для тех, кому род был святыней?

Братья начнут
Биться друг с другом,
Родичи близкие
В распрях погибнут;
Тягостно в мире...

Это снова «Эдда», снова пророчество о последних временах перед гибелью мира и Богов – словно эхо евангельских

строк.

«Поклонись тому, что сжигал, сожги то, чему поклонялся», – эти слова, сказанные христианским епископом королю франков Хлодвигу, на века стали девизом обращавшихся в новую веру христианских властителей

Об этом и говорил дядька Асмунд юному Святославу. Тем более что здесь, восточнее Варяжского моря, язычество Севера сталкивалось с иным, быть может, еще более беспощадным и свирепым врагом – «воинствующим иудаизмом» (М. Артамонов) Хазарского каганата. Тот тоже выглядел выходцем из языческих преданий о нечистой силе. Само слово «иудей» было слишком созвучно с названиями нечисти у скандинавов («йотун»), латышей («йодс»), финнов («йутту») и славян («юдо»). Сказки о «праведных» раб-би, взглядом испепелявших города нечестивых «гоев»-язычников, перекликались с жуткими преданиями об огнеглазых чудищах-Виях. Впрочем, о том, чем был каганат и какие чувства вызывал у соседей, подробнее поговорим позже.

Пока подведем итог – и христианский мир, и каганат были для язычника земным воплощением тьмы Кромешного мира. В свою очередь, и иудеи, и христиане отлично помнили пророчество Иезекииля о страшном народе Рос. Север, родина русов и вотчина их суровых Богов, в каббале именовался «вратами Зла». Средневековые христиане верили, что к Северному ветру был прикован побежденный Люцифер.

Все это необходимо помнить. Иначе нам не понять, как

смотрели друг на друга языческий Север и иудео-христианский Юг. Иначе нам не понять, какая сила два века бросала свирепые ватаги норманнов и вендов в набеги, главной мишенью которых, особенно в первое время, были монастыри. Иначе нам не понять, почему походы «россов» вызывали такую панику в Константинополе, какую не вызывали, скажем, армии сарацинов, подходившие к его стенам.

И не услышать, чему учил под стальным северным небом жрец Асмунд мальчика-князя.

3. БЫТЬ ВОИНОМ

*Небо лежит
На остриях копий,
Уходящих во тьму.*

Велеслав

Конечно, Асмунд учил воспитанника не только тому, что и от чего должен защищать князь, но и как защищать, как быть полководцем, правителем, воином – князем.

Здесь нам опять предстоит угадывать уроки Асмунда по их следам в жизни и деяниях князя. И будет очень трудно понять тех, кто твердил о князе-грабителе. Может, они просто не могут понять, как это так: воевать и не грабить? Рисковать жизнью – не для добычи? Подобные оценки рисуют скорее тех, кто их дает, и тех, кто им верит. наших современников. Нас.

Но при чем тут Святослав Храбрый?

Законы языческого мира повсюду – от «Речей Высокого» в Старшей Эдде и ирландских «Советов Кормака» до индийских «Законов Ману» и самурайского «Буси До» – предписывали воину не стремиться к богатству, не иметь собственности. Исключение делалось лишь для орудий воинского ремесла – нет, орудий служения, *жертвоприношения* суровым Богам Войны и Власти. Вспомним былинных богатырей – они непременно отказываются от наград за подвиг, бесшабашно прогуливают, раздаривают или жертвуют на храмы дары князя, добычу или найденное сокровище. И поверх «налево поедешь – богату быть» Илья Муромец, усмехаясь, выводит на придорожном камне: «Илья Муромец там ездил, а богат не бывал». Если и есть у них «злато-серебро» – все идет на оружие, на сбрую боевого коня: «Не для красы-басы – ради крепости!»

Все – и враждебные князю-язычнику монахи-летописцы, и прямые его враги византийцы – волей или неволей говорят об удивительном, невероятном для шкурных наших времен бескорыстии великого князя. Мы еще прочтем летописные строки о том, как равнодушно отказался Святослав от золотых даров византийцев, но благодарно принял оружие. Но сейчас стоит вчитаться в иное. В сотнями людей читанное, но мало кем осмысленное вступление к летописному жизнеописанию Святослава. «В походах же не возил с собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину,

или зверину, или говядину, жарил на углях и так ел». «Не возил... возов» – как *это* можно было не заметить?! Какая орда грабителей куда и когда двигалась без возов, кибиток, фургонов? Ведь нужно же куда-то складывать то, ради чего грабитель, бандит, наемник проливает кровь и рискует драгоценной шкурой, – *добычу*?!

Но летопись, при всей неприязни к заклятому язычнику, непреклонна: «не возил», и точка.

О многом говорит и перечень скудных походных кушаний. Хорошо по этому поводу сказал Г. Прошин: «И как обозначена последовательность рациона дружины: на первом месте – конина, то, что всегда с собою, затем «зверина» – дичь, добытая стрелой или копьем на марше. Говядина – мясо, которое могли только реквизировать у населения во время похода, – на последнем месте. Это уже не перечень – это характеристика! Сразу вспоминается суворовская заповедь: «Обывателя не обижай!»

Грабитель? Грабитель, чьи воины предпочитают резать своих коней, тратить время и силы на охоту, чем отнять бurenok в ближней деревушке?

Лев Диакон отдает, описывая войну со Святославом, дань обязательным византийским сетованиям на жадность и корыстолюбие варваров (вот уж чья бы мычала!). Но тот же Диакон говорит, что византийские «освободители» в Болгарии разграбили множество церквей (!) и царскую казну (!!). Также говорит он, что простые болгары бок о бок с северны-

ми «грабителями» дрались против византийцев. Простите, но кого тогда четыре года «грабили» русы в Болгарии?

Несколько проясняет дело описание ибн Мискавейхом захвата русами азербайджанского города Бердаа в 944 году, о котором мы уже говорили в связи с гибелью отца нашего героя. Овладевшие городом русы потребовали от жителей лишь повиновения: «На вас лежит обязанность хорошо повиноваться нам, а на нас – хорошо относиться к вам». Русы, по словам ибн Мискавейха, свое слово сдержали и «вели себя выдержанно». Из описания событий можно заключить, что это еще мягко сказано. Одержимая исламским фанатизмом городская чернь с воплями «Аллах акбар!» нападала – точнее, пыталась напасть – на русов с тыла всякий раз, когда те выходили из города, чтоб отразить нападение войск местного правителя. Нападения русы отражали успешно, а к выходкам черни относились с редкостным стоицизмом и долготерпением, ограничиваясь тем, что разгоняли оборванных фанатиков. Любопытно, в ответ на какое нападение современный командир приказал бы расстрелять толпу и взял заложников среди гражданского населения?

Правильно, читатель, на первое!

Русы же перешли к репрессиям, лишь когда обнаглевшие горожане начали нападать на некоторых из них, отделявшихся от соплеменников, и убивать. И даже тогда русы сперва предложили горожанам покинуть Бердаа и отправляться под руку столь горячо любимого ими правителя. Когда же при-

выкшие к безнаказанности мусульмане не обратили внимания на это предложение – лишь тогда жители города были захвачены в плен. При этом женщин и детей отвели в цитадель, а мужчинам, согнанным в соборную мечеть, было предложено выкупать себя и свои семьи. Наиболее благоразумные, уплатив выкуп, получили возможность покинуть Бердаа и... *печатать на глине*, обеспечивающую их безопасность и сохранность оставшегося имущества. Мужчины, не пожелавшие внести выкуп – ибн Мискавейх особо отмечает, что не «не смогшие», а именно «не пожелавшие», – были перебиты, женщины и дети остались в плену завоевателей. Итог печальный, но закономерный. И более того, многие **современные** жители тех краев, думается, предпочли бы иметь дело с теми древними язычниками, чем с бандформированиями своих земляков и единоверцев.

Как видим, бескорыстие воинов Святослава не составляло исключения. Для руса-воина тех времен завоевание было не разбойным налетом и возможностью личного обогащения. Оно не только давало права, но и накладывало обязанности по отношению к завоеванным. Русы присваивали лишь – «что с бою взято, то свято» – имущество разбитой и как бы замененной ими воинской знати. Мирное же население облагалось данью, часто – не очень тяжелой. Что до суровой расправы с мятежным Бердаа, так ведь и сегодня порядок военного времени однозначно квалифицирует гражданское лицо, с оружием нападающее на солдата, как бандита.

К таковым неприменимы нормы обращения с мирным населением, их участь – расстрел на месте. Кстати, тем, кого интересует дальнейшая судьба Бердаа, сообщаю – русы, благополучно подавив вылазки «моджахедов» и отбив правительственные войска, все же покинули город из-за эпидемии.

Позвольте же поверить не современным историкам, на которых, видать, шапки синим пламенем полыхают. И не отвлеченным толкам Диакона о «варварской жадности». Мы поверим *фактам*, сообщаемым ибн Мискавейхом, летописью, тем же Диаконом. А факты говорят, что расширение границ Руси, стяжание славы и жертвенное Служение ратным Богам (у Святослава еще укрепление Древней Веры и объединение славян) были бесконечно важнее русам, чем набивание седельных мешков окровавленным барахлом (захват сырьевых ресурсов колоний, контроль над нефтяными месторождениями и пр.) – смысл и суть войны для просвещенного человечества XVIII–XXI веков.

Вместе с тем рус-воин, рус-князь мог – обязан был! – быть беспощадным к нарушителям договора, «ряда», предателям. К тем, кто не выполнял своего долга. Обязанность воина – вооруженной рукой поддерживать миропорядок, а его нарушает не только и не столько внешний враг – как раз к нему могли быть снисходительны, как мы видели это в первые дни в Бердаа, – сколько клятвопреступник, нарушитель обычаев. Жители Бердаа, приняв покровительство и власть русов, приняли на себя и обязательство повиноваться им. Не вы-

полнив его, они превратились в клятвопреступников. А в глазах руса клятва была одной из важнейших частей миропорядка. Не зря он клялся «доколе *мир стоит*, доколе *солнце светит*». На устои мира, на солнечный свет посягал нарушивший клятву, и прощения ему не было. Святослав был воспитан так же. И он мог внушать страх. Мы еще услышим испуганные голоса в войске воеводы Претича в 968 году под Киевом. Мы еще увидим лес кольев под стенами вероломного Филлипополя.

Бескорыстие воина-руса распространялось на самую жизнь. Честь – то есть верность обряду войны – ценилась дороже. Чего стоит знаменитое «Иду на вы!» нашего героя. Сколько ни тщились увидеть в нем какую-то военную хитрость, увы... Внезапное нападение **всегда**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.